

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

20

1989

20

1989

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

20

1989

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Лев КОПЕЛЕВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Сергей МАКСУДОВ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Михаил ХЕЙФЕЦ, Борис ШРАГИН.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauere-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» s. v., München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

Владимир Малинкович

«ВОЙНА» ЗА ДЕМОКРАТИЮ

(Этюды на тему реформ)

В критической фазе

В последнее время все чаще говорят о кризисе перестройки. Для этого, по-видимому, есть все основания. Но не следует забывать, что обострение ситуации в кризисный период совсем не обязательно должно завершиться плохим исходом — вслед за ним может начаться и быстрое улучшение. Кризис означает лишь невозможность дальнейшего сохранения статуса кво — должны последовать радикальные перемены.

В чем же проявляется кризис процесса, начатого четыре года назад? Гласность — высшее достижение перестройки — обострила конфликтные отношения, вызванные все возрастающей разницей между спросом и предложением. Дело не только в том, что за годы перестройки почти не улучшилось материальное положение большей части советских граждан. Очень важно, что в отличие от застойных лет, когда общество находилось в состоянии апатии, сейчас у людей вновь пробудилась социальная активность и появились побудительные мотивы к деятельности. Но результатов этой деятельности они не видят. Речь идет и о продолжающейся нехватке необходимых товаров на полках магазинов (это вызывает разочарование у большинства), и об отсутствии реальных перспектив реализовать свой творческий потенциал (что превращает в скептиков наиболее активных).

Гласность также выявила достаточно определенно, что в обществе существуют социальные группы, интересы которых *нельзя примирить*. Сегодня всем (или почти всем) ясно, какие реформы нужны стране и обществу, но также ясно, кто в результате этих реформ пострадает.

Конечно, представители разных общественных слоев и групп предлагают различные проекты социальных реформ.

но есть и отправные пункты, которые признают все, кто хотел бы видеть страну демократической и процветающей.

В области экономики — это переход управляемых коллективом предприятий на работу в условиях свободного рынка.

В области национальных отношений — превращение СССР в подлинный союз суверенных республик с предоставлением территориальной и культурно-национальной автономии меньшинствам в союзных республиках.

В области политической — отделение партии от государства, утверждение примата права, закона; демократические выборы в Советы.

Партийные руководители во главе с Горбачевым в принципе согласны с необходимостью добиваться всего этого, но в течение четырех лет перестройки ни одна из задач не была решена. Конечно же, это не означает, что ничего не было достигнуто. Сделано довольно много, и я бы даже сказал: сделано все, что можно было сделать без отстранения от власти партийно-государственной бюрократии. Я имею в виду не партию в целом и не всех государственных чиновников, а лишь партийных аппаратчиков и тех бюрократов, социальный статус которых зависит от сохранения командно-административной (иными словами, тоталитарной) системы. Чем больше расшатываются тоталитарные структуры, тем отчетливее ощущают эти люди опасность, тем силочнее их ряды и больше решимость к сопротивлению.

Но гласность, к счастью, сформировала и общественные силы в поддержку демократической перестройки. Сегодня уже нельзя утверждать, как, скажем, год-полтора назад, что в стране нет еще гражданского общества и конструктивных программ демократизации. Конечно, общественное движение в центральных районах страны могло бы быть более внушительным (таким, например, как в республиках Прибалтики), да и программы во многих случаях несовершенны — сказывается недостаток опыта. И все же очевидно: в случае реального разделения функций между партией и государством высшие государственные органы — Советы — неминуемо окажутся в руках демократически настроенных общественных сил, и партаппарат лишится монополии на

власть. Он окончательно потеряет свою силу при допущении хозяйственного плюрализма, рыночных отношений и децентрализации управления республиками.

Хотя среди общественных групп есть еще немало радикальных и даже экстремистских («Память», например) и объединение их сейчас невозможно, а, может быть, и не нужно, существенно, что уже наметились союзные связи между официально признаваемыми либеральными организациями и неформальными (независимыми) группами, между демократически настроенными людьми из так называемого «официоза» и теми, кого совсем недавно называли диссидентами. Примеры такого рода сотрудничества: общество «Мемориал», клуб «Московская трибуна», комитет «Против инфляции». С очень интересными программами, в основном повторяющими программу Народного фронта Эстонии, выступают представители национально-демократических движений в различных республиках.

Консерваторы понимают, что отступить им дальше некуда. И так упустили время — дали своим противникам возможность окрепнуть и приблизиться. Теперь аппаратчики будут воевать, не заботясь о соблюдении правил, не взирая на гласность. В разгар дебатов о правовом государстве, вводят они откровенно антидемократический указ о мерах против демонстрантов, разрабатывают закон о выборах, предусматривающий не прямые выборы и специальные «фильтры» для отсева неугодных аппарату кандидатов, саботируют экономические реформы, прикрываясь, как щитом, уже принятым пятилетним планом, репрессиируют активистов национальных движений.

Словом, на пути реформ поставлена стена. О том, что рано или поздно с ней придется столкнуться, предполагали все, но одно дело предполагать, совсем другое — упереться в эту стену лбом. Впрочем, в особо острых случаях между сомкнутыми рядами партаппаратчиков и наступающими общественными силами возникает фигура самого Горбачева (или Александра Яковлева). Они пытаются примирить враждующие стороны, смягчить наносимые удары.

Позиция Горбачева вполне объяснима. Он, привыкший к движению строем, боится, что слишком стремительное наступление политически еще незрелых общественных сил

либо сделает процесс перестройки неуправляемым, либо вызовет острую реакцию со стороны аппаратчиков (не забудем, что в их руках карательные органы и, возможно, армия). В результате этой реакции могут погибнуть и горбачевские начинания и сам Горбачев. Но и сохранение нынешнего статуса не спасет Горбачева. Аппарат не будет бесконечно долго держать оборону — если не смогут победить общественные силы, он тотчас же перейдет в наступление, а в случае победы консерваторов Горбачев им будет не нужен.

Очевидно, ситуация в стране очень сложная, и Горбачев должен маневрировать. Но лишь до тех пор, пока не сможет расчетливо нанести удар. Будем надеяться — удар по консерваторам. Иного выхода у Горбачева нет. У него и у демократических сил страны теперь одна судьба.

А сейчас идут бои, чуть ли не в рукопашную, между аппаратом и обществом. Вот несколько боевых эпизодов.

Сначала об одной теоретической баталии.

О правовом государстве и партийной диктатуре, или: была ли когда-нибудь в СССР советская власть?

Совсем еще недавно концепция правового государства рассматривалась советскими идеологами как антинаучная. Но вот в конце прошлого года известный советский правовед, доктор юридических наук Эрнест Аметистов уже смог в «Московских новостях» высказать «крамольную» мысль: «Права и свободы, будучи *прирожденными*, безусловно принадлежат каждому индивиду». На основе этого утверждения Аметистов делает следующий вывод: «...Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», — провозглашает Декларация* в своей первой статье. Государству в этой системе взглядов отводится совсем иная роль — регулировать отношения между гражданами, с тем, чтобы их права и свободы не нарушали

---

* Имеется в виду Всеобщая декларация прав человека ООН.

таких же прав других, заботиться о защите прав каждой отдельной личности...»

Но пока партия сохраняет монополию на власть, рассчитывать на построение правового государства в СССР не приходится. Научный сотрудник Института государства и права АН СССР Мамут убежден: «...Рассуждать о правовом государстве и не касаться стратегии проведения радикальных политических реформ – значит, попусту тратить слова... Корень в том, что наше государство не может стать правовым, будучи в том состоянии, в каком оно сейчас находится. Высший законодательный орган в нем не обладал всей полнотой власти. Высшей властью на протяжении семи десятилетий обладала внегосударственная структура партия, вернее, ее аппарат. И никто этого не скрывает. Это отмечено в партийных документах. На протяжении всех 70 лет нашей истории ставится вопрос о разграничении функций партии и государства. Вопрос ставится, а проблема остается. И до тех пор, пока правоохранный надзор не перейдет к государству, ни о каком суверенитете государственной власти не может идти речи.» («Известия», 5. I. 1989 г.)

О губительной роли партийного всевластия пишет в «Новом мире» (правда, по другому поводу) литературный критик Игорь Золотусский: «Сейчас нет культа Сталина, но есть культ партии. Партия, как и воплощаемая ею идея, всегда права. Деятели партии иногда ошибаются, партия никогда. ...Что это как не новое идолопоклонство, только не персонифицированное, а коллективизированное?» («Новый мир», N 1, 1989 г.)

А доктор философских наук Александр Цинко в интереснейшей статье «Истоки сталинизма» («Наука и жизнь», N⁰N⁰ 11,12 за 1988 г. и N⁰N⁰ 1,2 за 1989 г.) подводит итог более чем семидесятилетнего господства партийной диктатуры: «Мы теперь знаем, как дорого платит правящая коммунистическая партия за свое право контролировать все без исключения проявления жизни, все стороны общественного бытия. Такое сверхвластие подрывает самостоятельность населения, рождает всеобщее нежелание принимать самостоятельные решения, брать на себя ответственность, оно выводит из-под контроля народа руководство партии.

создает возможность феодализации общества, вырождения руководящих органов».

Иными словами, именно сверхвластие партии породило идеологический, политический и экономический кризис, из которого еще предстоит выбраться.

Все это, казалось бы, очевидно, да вот беда: высшие партийные руководители, видимо, еще не готовы отказаться от своего всевластия. Они боятся не только предоставить власть народным представителям, но и разделить ее с ними. 10 января на пленуме ЦК, посвященном выдвижению кандидатов на съезд народных депутатов, Горбачев еще раз подчеркнул, что КПСС является *правящей* партией. В связи с этим высказыванием, да еще в разгар избирательной кампании, уместно спросить: А как же быть с лозунгом «Вся власть Советам»?

Вопрос не чисто риторический. Сегодня ясно: успех перестройки зависит от того, будет ли партия отделена от государства.

Сделаем все же оптимистическое предположение: партия согласится с тем, что все важнейшие решения будут принимать только Советы, а она будет активно участвовать в их формировании. Возникнут ли в этом случае реальные возможности для создания правового государства? Совсем не обязательно. Правовое государство может существовать лишь при условии, что в законодательные органы будут избраны подлинные представители народа, точнее — народов СССР. Если партия будет *контролировать* процесс выдвижения и избрания кандидатов в депутаты Советов, то интересы граждан там адекватно представлены не будут. Даже интересы рядовых членов партии не удастся выявить — ведь реально управлять, а следовательно, и направлять кампанию так называемого «народного» волеизъявления будут *аппаратчики*, превыше всего ставящие, и это вполне естественно, интересы своего клана. Рядовые члены партии от участия в управлении страной будут, как и все прочие советские граждане, отстранены.

Доказательство: от низовых парторганизаций было выдвинуто более 40 000 кандидатов на Съезд народных депутатов (от КПСС), но Политбюро подготовило список всего из ста кандидатов, за который и проголосовали

участники расширенного Пленума ЦК. Когда партийная верхушка вновь соберется 15 марта для избрания делегатов от партии, ей *выбирать* будет не из кого. На 100 депутатских мест уже есть 100 кандидатов. Ни больше, ни меньше.

Разве это не убедительное подтверждение мысли, что вовсе не партия управляет страной? С мнением подавляющего большинства партийцев никто не считается. Зачем они выдвигали 40 000 кандидатов? Зачем проявляли незапланированную гражданскую активность? Их активность никому не нужна, их вера в то, что от их выбора что-то может зависеть, оказалась необоснованной. Трудно понять, зачем высшему партийному руководству понадобилось так грубо игнорировать инициативу партийных низов (на которую Горбачев, по его словам, рассчитывает), но ясно одно: в стране многое изменилось, идет процесс либерализации, но подлинной демократизации еще нет — вся власть по-прежнему находится в руках небольшого клана партийной бюрократии. И пока статус этого клана будет сохраняться, построение правового государства нереально.

Но как случилось, что судьба огромного государства оказалась в руках небольшой кучки партийных чиновников. Философ Анатолий Бутенко считает, что во всем виноват культ Сталина. Он пишет:

«Партия в условиях культа личности была лишена нормальной жизни. Люди, узурпировавшие власть, становятся неподотчетными партии, они выходят из-под ее контроля. В этом главная опасность культа личности» («Московские новости», N 51, 1988 г.).

Так говорили во времена Хрущева. Сегодня советским историкам дозволяется анализировать прошлое гораздо глубже. В «Литературной Грузии» (N 1, 1989) опубликована статья Л. Хаиндравы «Некоторые мысли по поводу современной сталинианы», где автор утверждает:

«Неправда, что жестокости начались лишь с 1924 года. 5 сентября 1918 года был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ульянова-Ленина о создании концлагерей. Шли массовые расстрелы офицеров, дворянства, духовенства, ученых, интеллигенции, крестьян, проституток. Бралась заложники.

В. И. Ленин по этому поводу писал: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

И концлагеря, и «тройки», и термин «враг народа» — все эти явления, приписываемые Сталину, появились на самом деле в первые дни после Октябрьского переворота.»

В газете «Правда Украины» историк Шаповал пишет: «Если бы в 20-е годы была проведена в жизнь задуманная Лениным реформа политического строя, то и самого культа, и тем более его кровавых последствий можно было бы избежать».

Можно спорить о том, действительно ли Ленин планировал такую реформу, но в главном украинский историк прав. Как бы мы ни относились к разработанным в дореволюционные времена ленинским принципам партийного строительства, нельзя не признать, что, по крайней мере формально, целью партии большевиков было *свержение* старого режима и *утверждение власти рабочих*. Никаких конкретных планов построения социализма после захвата власти у дореволюционных большевиков не было — ставка, по-видимому, делалась на развитие творческой инициативы масс. Отсюда и лозунг — «Вся власть Советам!» Но уже в конце 1917 — начале 1918 г. партия «узурпировала» власть, которая должна была принадлежать этим самым Советам. И если такая узурпация еще могла быть как-то объяснима в годы гражданской войны, то в 20-е годы этому не было абсолютно никакого оправдания. Напомню, что непосредственным поводом для радикального пересмотра программы большевиков в начале 20-х годов были крестьянское восстание на Тамбовщине и восстание моряков Кронштадта под лозунгом «Вся власть Советам!» Ответом на крестьянские волнения было введение НЭПа, ответа же на требования кронштадтцев не последовало. Предоставив крестьянам относительную хозяйственную самостоятельность, власти Советам большевики так и не уступили. Партия же, построенная по военному образцу на основе жесткой централизации (ведь она создавалась как боевой отряд для

захвата власти), даже организационно не была готова к работе в условиях демократии.

В этом, мне кажется, суть проблемы. Именно потому, что все важнейшие вопросы страны решались не представителями народа, а очень узким кругом партийных руководителей, и победил сталинизм. И напрасно, думаю, спорят сегодня советские историки о том, чья программа — бухаринская или троцкистская — предпочтительней. Спор этот кажется беспочвенным. Вполне возможно, что бухаринский путь мог бы быть перспективным, но в условиях, когда страной бесконтрольно управляли несколько партийных аппаратчиков, победить должен был не тот, у кого разумнее политическая программа, а тот, кто более других коварен. Таким человеком в Политбюро был Сталин, и потому его победа была неизбежной.

И в ответ на утверждение Анатолия Бутенко: «Культ личности возник потому, что узурпатор вышел из-под партийного контроля», хотелось бы возразить: культ личности стал возможен потому, что сразу после революции партия сама узурпировала власть, которую она обещала предоставить Советам.

Что же касается вопроса о том, почему советская власть служила узурпатору, то я бы ответил на него так: *советская* власть здесь ни при чем. Ее в Советском Союзе не было и нет. Появилась, правда, надежда, что будет.

Проблемы общественного движения

Если теоретические споры главным образом выигрывают либералы (что не удивительно ведь догмы консерваторов давно опровергнуты жизнью), то в политических битвах последних месяцев победителями почти всегда оказываются контролирующие аппарат сторонники административно-командной системы.

Им удалось законодательно закрепить свое право разгонять несанкционированные митинги и демонстрации (они же и будут решать, что санкционировать, а что нет). Им удалось также внести такие изменения в конституцию, которые лишь слегка ограничивают, но не подрывают их всевластие. Они провели недемократический закон о выборах, в результате чего депутатом Верховного Совета

СССР (работающего, в отличие от Съезда народных депутатов, органа) может стать лишь человек, прошедший, как минимум, через два сита (окружное предвыборное собрание и голосование на Съезде), что никак не связано с непосредственным волеизъявлением народа. А депутаты на Съезд от общественных организаций — те и вовсе избираются руководством этих организаций и, следовательно, с этим волеизъявлением не имеют даже косвенной связи. И наконец партбюрократия, по-видимому, победит в предвыборной кампании и добьется, в полной мере используя внутренние противоречия нового избирательного законодательства, того, что в высшем органе государственной власти ее сторонники будут в большинстве.*

В чем причина побед консерваторов?

Прежде всего, конечно, в том, что в их руках все рычаги власти. Но дело не только в этом. Значительная и, пожалуй, наиболее влиятельная часть общественных сил не готова еще к последовательной борьбе за демократию. Я имею в виду московскую, но не только московскую, либеральную интеллигенцию. Она готова использовать все, что может дать Горбачев, и, оказывая несильное, но постоянное давление, «выжать» из него как можно больше. Но такая политика «либералов» не оправдала себя при Хрущеве. Не оправдывала она себя и раньше — в Российской истории. Неспособность русских либералов решительно бороться за демократические структуры проявлялась в том, что в критические моменты они всегда оказывались вне игры и исход определялся в жестокой борьбе между откровенными реакционерами, с одной стороны, и радикалами революционерами, с другой. Ни к чему хорошему это, как правило, не приводило.

Нынешние либералы охотно говорят об успехах перестройки и особенно гласности, как бы не замечая, что в политическом плане за прошедшие четыре года сделано еще очень мало. Среди них бытует мнение, что следует сосредоточить усилия на разоблачении сталинизма и тогда прошлое не повторится — классическое заблуждение

---

* Когда читатели «Форума» получают этот номер журнала, они, вероятно, уже будут знать результаты выборов 26 марта.

«шестидесятников»*. Жизнь все же заставляет либералов реагировать на особо важные события, и тогда они обращаются с письмами-жалобами «по начальству». Тон таких верноподданнических писем свидетельствует: у «прорабов перестройки» хватит забот на долгие годы, если они, следуя чеховскому призыву, будут выдавливать из себя раба — по капле.

Возьмем, к примеру, письмо Горбачеву, подписанное звездами советского либерализма первой величины — Г. Баклановым, Гельманом, Д. Граниным, Э. Климовым, Р. Сагдеевым и М. Ульяновым. В письме этом сказано:

«Не только в первые свои месяцы и годы, но и сегодня наша перестройка продолжает развиваться главным образом благодаря направляющей деятельности партии... Особенно многое зависит сегодня от преданности руководящего слоя партии идеалам перестройки. Кто с новым курсом не согласен, должен *подать в отставку*».

Как всё просто! Стоит только призвать партаппаратчиков к самокритике, и все консерваторы признаются, что они с новым курсом не согласны, откажутся от рычагов власти и уйдут со своих постов, уступив место убежденным реформаторам. Думаю, что авторы письма Горбачеву сами прекрасно понимают, что ничего похожего не будет. На что же в таком случае рассчитывают Бакланов и его друзья? Думаю, на добрую волю «государя», т.е. руководителя партии и государства Горбачева. Но, во-первых, надо быть уверенным в том, что эта воля действительно добрая и что «добро» Горбачев и авторы письма понимают одинаково. А в этом-то как раз можно усомниться. Вспомним, что по одному из *важнейших* вопросов, поднимавшихся на XIX партконференции, вопросу о

---

* Сейчас обычно не делают различий между «шестидесятниками» и «семидесятниками», тогда как на самом деле оно существенно: общественная активность либералов-«шестидесятников», пик которой приходился на времена Хрущева, завершилась к началу 70-х (после суда над Синяевским и Даниэлем и разгрома «Нового мира» Твардовского). «Семидесятники» — это диссиденты, оказавшие открытое сопротивление «застойному» режиму; многие из них прошли через тюрьмы и лагеря, оказались в эмиграции. Идеалы у «шестидесятников» и «семидесятников» очень часто совпадают, но свои взаимоотношения с властью они строят на совершенно разной основе.

совмещении постов секретаря парторганизации и председателя Совета Горбачев и академик Сагдеев голосовали по-разному. Вспомним также, что Горбачев по собственной инициативе встречался с вечными «оппонентами» Бакланова почвенниками Астафьевым и Беловым, и, как утверждают эти писатели, у них с Генеральным секретарем ЦК не было никаких расхождений. Вспомним, наконец, поведение Горбачева на заседаниях Президиума Верховного Совета СССР по вопросам Нагорного Карабаха и Эстонии, которое не могло не разочаровать многих либералов. И во-вторых — можно ли вообще строить *демократическое* государство, рассчитывая лишь на добрую волю властителя, ублажая его комплиментами, на которые не скупятся авторы новогоднего обращения к Горбачеву? Мне кажется, в гораздо большей степени был прав историк Юрий Афанасьев, сказавший недавно, что в интересах перестройки и самого Горбачева нужно не бояться критиковать партийного и государственного лидера.

И дело не только в вернополданнической позиции либералов. Даже наиболее смелые из них предпочитают демократизацию либерализацию. В одной из телепередач известный литературный критик Алла Латынина сказала, что созданной в СССР тоталитарной системе следует противопоставить совсем не демократию, но либерализм, поскольку это слово означает «освобождение». Это, однако, не более, чем лингвистические упражнения. От тоталитаризма, поскольку он контролирует всё, — всё что угодно и освобождает. И воровство, и пьянство — тоже выход за рамки системы и, следовательно, тоже освобождение. Этим я не хочу сказать что-либо дурное в адрес либералов и либерализма. Напротив, я убежден, что либерализм — дело очень хорошее, поскольку ограничивает степень несвободы человека (освободить же его окончательно в пределах этого мира не может никто и ничто). Больше свобод возможно получить и в дар — скажем, от либерального правителя, — а потом, при правителе нелиберальном, их в одночасье и лишиться. Нет, тоталитаризму, как и диктатуре, как и либеральной автократии противостоит все же демократия, которая тоже не освобождает человека полностью, но освобождает его от господствующей воли хороших и плохих

правителей, а значит и от узаконенного произвола. Недооценка этого момента, мне кажется, и характерна для либералов, рассчитывающих преимущественно на добрую волю Горбачева. Это-то и ослабляет позиции общественных сил. Это же, кстати, привело к тому, что самые важные общественные процессы сейчас протекают не в Москве, а на так называемой „периферии“, т. е. в нерусских республиках и в больших и средних городах России.

Слабость позиции «либералов» не означает, что демократически настроенная часть общества, наиболее полно представленная в народных фронтах и других неформальных организациях, не должна искать с ними союза. Союзные отношения между «демократами» и «либералами» необходимы и тем и другим, и они уже проявились в создании таких организаций, как «Мемориал», «Московская трибуна» и некоторые другие. Демократы активно поддерживали либеральных кандидатов в народные депутаты, многие из которых тем не менее были отсеяны аппаратчиками на окружных предвыборных собраниях.

Ход предвыборной кампании, к прямому участию в которой независимые общественные организации не были допущены, заставит, видимо, демократов подумать о возможности выборов в «альтернативный парламент». Вот уже несколько месяцев эта идея, как писал недавно лидер движения «Демократическая перестройка» Олег Румянцев, «висит в воздухе». Избрать такой «парламент» из представителей различных независимых общественных организаций будет нелегко, но возможно. Если движение за такой форум будет достаточно мощным, государство не рискнет подавить его силой (понимая, что это повредит престижу Горбачева в мире).

Мне кажется, что в России идея «альтернативного парламента» является наиболее продуктивной, потому что здесь пока невозможно, видимо, создание единого Народного фронта в поддержку демократической перестройки из-за того, что различные неформальные организации Российской Федерации не объединены, в отличие от таких движений в других республиках, идеей суверенитета нации. В этих условиях существенную роль играют различия в программах и, особенно, личные амбиции руководителей некоторых

групп и социальный статус отдельных представителей «авангарда перестройки».

В создании «альтернативного парламента» с центром в Москве, где находятся корреспонденты советских и зарубежных информационных агентств, должны быть особенно заинтересованы активисты «периферийных» общественных организаций, чей голос, порой очень своеобразный и интересный, пока почти не слышен.

Конечно же, «альтернативный парламент» не будет обладать властными полномочиями и потому не будет парламентом в полном смысле слова. Но он все же будет публичной трибуной для наиболее активной части населения страны, что совсем не мало. На этом форуме могут открыто обсуждаться и подвергаться критике с разных позиций законопроекты, предлагаемые Верховным Советом СССР, и выдвигаться новые проекты. Наконец такой «парламент» будет служить школой, уже безо всяких кавычек, приобретения политического опыта, которого в Советском Союзе не хватает всем без исключения. А там, глядишь, общественный форум сможет претендовать на включение в официальную структуру власти, как это происходит сейчас в Венгрии.

Трудно, однако, ответить на вопрос: достаточно ли у существующих уже неформальных групп взаимной терпимости и умения для того, чтобы договориться об условиях избрания представителей на демократический форум и провести выборы в спокойной обстановке? Сделать это будет нелегко еще и потому, что сразу же после 26 марта начнется подготовка к назначенным на осень выборам в местные Советы и в Верховные Советы республик, которые общество никак не должно проиграть партаппарату, тем более что республиканские органы власти будут приобретать все большее значение.

Ветер перемен

Начиная с весны прошлого года, первое место среди политических проблем перестройки занял (и это сегодня очевидно всем) вопрос межнациональных отношений. Десятилетиями советское партийно-государственное руководство игнорировало законные требования народов Союза,

все более усиливая централизацию государственной власти и ограничивая права республик и национальных меньшинств. Этот же курс, лишь слегка подновив его, до самого последнего времени проводило и горбачевское руководство.

И вот весной 1988-го свежий балтийский ветер принес надежду на перемены. В начале прошлого года, пожалуй, наиболее активно проявляли себя национальные движения в Закавказье прежде всего в Нагорном Карабахе и в Армении, но также и в Грузии. Но наиболее конструктивные программы были подготовлены и поддержаны всенародно в прибалтийских республиках — в первую очередь, в Эстонии. В апреле в этой республике был создан Народный фронт и представлена на обсуждение программа творческих союзов. Общая цель очень скоро объединила вокруг вновь созданного движения все активные силы эстонского общества. Его вынужденно поддержало и партийно-государственное руководство республики. Очень скоро аналогичные движения возникли в Латвии и Литве, а затем эстонская программа стала основой программ национально-демократических движений в других республиках Союза.

В ноябре Верховный Совет Эстонской ССР провозгласил Декларацию о суверенитете республики и законодательно закрепил за собой право определять, какие всесоюзные законы и в какой форме могут действовать на территории республики. Президиум Верховного Совета СССР посчитал решения эстонского парламента противоречащими Конституции СССР, но каких-либо санкций принять не решился, так как вокруг руководства ЭССР и Народного фронта республики сплотился весь народ.*

Партруководство Латвии и Литвы до сих пор пыталось балансировать между двумя силами — народным движением и Москвой, но в самое последнее время ЦК литовской компартии во главе с Бразаускасом явно решил поддержать требования «Саюдиса» (движения за перестройку), о чем свидетельствует только что опубликованный проект республиканской конституции.

---

* Документы, принятые на ноябрьской сессии ВС ЭССР, см. в этом номере «Форума» (с. 21-24).

В программе прибалтийских народных движений, наряду с решительно выраженными общедемократическими требованиями, записаны основные принципы перестройки межнациональных отношений. Вряд ли стоит сомневаться в том, что в случае реализации этих принципов характер отношений между республиками и народами Союза радикальным образом изменится.

Вот эти принципы:

суверенитет республик в рамках Союза СССР;

республиканский хозрасчет или, точнее, хозяйственная самостоятельность республик;

признание языка коренного населения государственным в республике;

республиканское гражданство;

культурная автономия для национальных меньшинств, проживающих в союзной республике;

закрепление основ взаимоотношений между суверенными республиками в новом Союзном договоре.

Эти принципы подходят для всех республик Союза, хотя уровень хозрасчетных отношений, вероятно, должен определяться каждый раз по-новому.

В программах прибалтийцев записано и требование национальных воинских формирований. Пока сохраняется нынешняя структура вооруженных сил, вряд ли возможно создать в республиках такие формирования в крупных размерах. Но сейчас все активнее обсуждается вопрос о замене существующей армии профессиональными воинскими частями и территориальными соединениями. Представляется, что именно эти соединения могли бы быть национальными формированиями (национально-территориальной милицией).

События в Прибалтике и в Закавказье убедили Москву в необходимости пересмотра межнациональных отношений. Но, судя по выступлениям советских руководителей, центр попытается отделаться полумерами. Горбачевым выдвинут лозунг: «Сильный центр и сильные республики!» В случае подписания нового Союзного договора между республиками этот лозунг потеряет всякий смысл, т. к. никакого центра просто не будет. Будет лишь несколько общесоюзных

учреждений, управляющих по доверенности республик военными и, частично, иностранными делами, да еще стратегически важными экономическими объектами всесоюзного подчинения. Демагогический лозунг «Сильный центр — сильные республики» уместнее было бы заменить другим: «Сильные республики — сильный Союз».

Вряд ли Горбачев согласится на такую замену. На Пленуме ЦК по национальному вопросу московское руководство попытается уступить республикам как можно меньше. Условия компромисса будут зависеть от конкретного соотношения сил, от того, как отнесутся к предложениям Эстонии и Литвы другие республики, что, в свою очередь, определяется позицией не только партаппарата, но и демократических сил.

К сожалению, у определенной части либерально настроенной интеллигенции России решительность так называемых «националов» вызвала непонимание и даже опасения. Опасения, что борьба за национальные интересы приведет к острым межнациональным конфликтам и в конце концов погубит перестройку. Кроме того, часть «московских либералов» боится, что расширение суверенитета республик будет сопровождаться ограничением правового равноправия граждан. Кое-какие основания для такой озабоченности есть. Иногда в национальных движениях проявляются некоторые негативистские тенденции. Гласность позволяет вскрывать «белые пятна» национальной истории, и при этом не всегда четко проводится грань между отношением к имперской идеологии, шовинизму, национализму, политическому режиму, который подавлял суверенитет и законные права наций, и отношением к самому русскому народу. Трудно отрицать, что иногда искусственно культивируется образ народа-врага, против которого можно объединить негодующие массы. Вряд ли, однако, суть национальных движений следует определять по отдельным экстремистским проявлениям, по перехлесту эмоций. Более того, русским «либералам» нужно было бы более активно, чем они это делают сегодня, поддержать здоровые силы в национальных движениях (например, движения Народного фронта в Эстонии и Латвии, «Саюдис» в Литве, Народное движение

Украины за перестройку) и тем самым способствовать поражению экстремизма.

Наиболее демократическая часть русской интеллигенции пытается быть последовательной в защите национальных прав народов, но не всегда демонстрирует хорошее знание проблем. В предвыборной программе академика Сахарова, например, говорится, что «компактные национальные области должны иметь права союзных республик». Но предоставить статус союзной республики всем — то же, что не предоставить его никому. Далеко не все народы, имеющие безусловное право на суверенитет, способны его сейчас реализовать. Очевидно, на статус союзной республики в настоящее время могут реально претендовать не только уже существующие пятнадцать ССР. Уже заявили о такой претензии (и вполне обоснованно) представители национально-демократических движений волжских татар и башкир (население Татарской АССР — 3,5 млн. человек, а Башкирии — 4 млн.). Но вряд ли такого статуса намерены добиваться ханты, манси или, скажем, гагаузы.

Позиция московской (и шире русской) общественности очень важна, но в данном случае не она является решающей. Гораздо важнее появление массовых общественных движений за республиканский суверенитет во всех европейских республиках СССР и в Закавказье. Пожалуй, решающее значение будет иметь успех или неуспех демократического движения на 50-миллионной Украине. Основания рассчитывать на победу значительно увеличились после того, как в феврале этого года было образовано Общество украинского языка им. Т. Шевченко и опубликовано свою программу, пусть и не совершенную, Народное движение Украины за перестройку.

8 марта 1989 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ДЕКЛАРАЦИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ЭССР О СУВЕРЕНИТЕТЕ ЭСТОНИИ

Эстонский народ на берегах Балтийского моря обрабатывает землю и развивает свою культуру уже более пяти тысяч лет. В 1940 году гомогенное в национальном отношении, суверенное Эстонское государство стало составной частью Советского Союза, при этом было предусмотрено сохранение гарантий суверенитета и расцвет нации. Однако внутренняя политика сталинизма и периода застоя игнорировала эти гарантии и принципы. В результате этого на эстонской земле для эстонцев как коренной национальности сложилась неблагоприятная демографическая ситуация, природная среда во многих регионах республики оказалась в катастрофическом положении, продолжающаяся дестабилизация экономики отрицательно сказывается на жизненном уровне всего населения республики.

Верховный Совет Эстонской ССР видит лишь один выход из трудного положения — дальнейшее развитие Эстонии должно происходить в условиях суверенитета. Суверенитет Эстонской ССР означает, что ей в лице ее высших органов власти, управления и судебных органов принадлежит высшая власть на своей территории. Суверенитет Эстонской ССР един и неделим. В соответствии с этим дальнейший статус республики в составе СССР должен быть определен Союзным договором.

Верховный Совет Эстонской ССР выражает несогласие с теми вынесенными Президиумом Верховного Совета СССР на всенародное обсуждение изменениями и дополнениями Конституции СССР, которые исключают конституционное право Эстонской ССР на самоопределение. Исходя из международных пактов об экономических, социальных правах, правах в области культуры, гражданских и

политических правах от 16 декабря 1966 года, ратифицированных Союзом ССР, а также из других норм международного права, высший представительный орган народной власти Эстонской ССР — Верховный Совет декларирует верховенство законов Эстонской ССР на территории Эстонской ССР.

Изменения и дополнения Конституции СССР на территории Эстонской ССР вступают в дальнейшем в силу после их одобрения Верховным Советом Эстонской ССР и внесения соответствующих изменений и дополнений в Конституцию Эстонской ССР.

Верховный Совет Эстонской ССР призывает всех, кто связал свою судьбу с Эстонией, объединиться во имя построения в Эстонии демократического социалистического общества. Юридическая и фактическая реализация суверенитета означает и то, что народу Эстонии и в будущем будет неприемлем любой закон, дискриминирующий жителей Эстонии любой национальности.

Председатель Президиума Верховного
Совета Эстонской ССР

А. Рюйте.ль.

Секретарь Президиума Верховного Совета
Эстонской ССР

В. Вахт.

Таллинн, 16 ноября 1988 г.

ЗАКОН ЭСТОНСКОЙ ССР О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИЮ ЭССР

Верховный Совет Эстонской Советской Социалистической Республики

Постановляет

Внести в Конституцию (Основной Закон) Эстонской ССР следующие изменения и дополнения:

Статья 1. Изменить последнюю часть преамбулы

Конституции Эстонской ССР и сформулировать ее следующим образом:

«Неотделимой частью правовой системы Эстонской ССР являются положения международного пакта «Об экономических, социальных правах и правах в области культуры», международного пакта «О гражданских и политических правах», а также других международных пактов и деклараций о защите прав человека и гражданских прав, получивших всеобщее признание у государств мира и ратифицированных Союзом ССР.

Статья 2. Дополнить статью 4 Конституции частью 3 в следующей формулировке:

«В Эстонской ССР гражданам и юридическим лицам обеспечивается судебная защита конституционных прав».

Статья 3. Изменить части 1, 2, и 3 статьи 10 Конституции Эстонской ССР и сформулировать следующим образом:

«Основу экономической системы Эстонской ССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной, кооперативной собственности, а также собственности общественных организаций и общественных движений».

В экономическую систему Эстонской ССР входят также личная, частная и смешанная собственность.

Государство защищает все формы собственности и создает условия для приумножения соответствующего этим формам имущества».

Статья 4. Изменить часть 2 статьи 11 Конституции Эстонской ССР и сформулировать ее следующим образом:

«В исключительной собственности Эстонской ССР находятся земля, ее недра, атмосферный воздух, внутренние и территориальные воды, шельф, леса и другие природные ресурсы. Собственностью Эстонской ССР являются также основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, государственные банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий и основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для выполнения задач Эстонской ССР».

Статья 5. Изменить статью 74 Конституции Эстонской ССР и сформулировать ее следующим образом:

Законы и иные нормативные акты СССР вступают в силу на территории Эстонской ССР после их регистрации в порядке, установленном Президиумом Верховного Совета Эстонской ССР.

Верховный Совет Эстонской ССР имеет право приостанавливать или устанавливать пределы применения законодательного или иного нормативного акта СССР, если этим актом нарушен суверенитет Эстонской ССР или урегулированы вопросы, которые по Конституции Эстонской ССР относятся к ведению Эстонской ССР, либо если в них не учтена специфика республики».

(Далее следует статья 6-я с перечнем 11 дополнений к ряду статей Конституции ЭССР. Закон принят 16 ноября 1988 г. ред.)

КОМАНДНО-БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА*

«Этнический парадокс», когда вроде бы вновь обостряются канувшие в прошлое в современных развитых обществах межнациональные отношения и возрождаются национальные движения, в Советском Союзе долго трактовался как неизбежное следствие развития капитализма и неспособность «буржуазной» демократии (в отличие от социалистической) решить национальный вопрос. Официальная доктрина без устали твердила, что в стране победившего социализма, где национальный вопрос решен ныне и присно, ничего подобного быть не может. Однако хватило небольшой дозы либерализации, и картонный домик национальной идиллии рассыпался. Мало того, псевдонаучный аппарат терминов и весь набор священных понятий равенства и дружбы народов, национального и интернационального расцвета и сближения наций оказался совершенно непригодным для анализа национальных проблем, а тем более для разработки научно обоснованного их решения. Привычная реакция — демагогия и поиск козла отпущения — свидетельствует о бессилии общества и руководства, о нежелании уяснить и устранить глубокие причины межнациональных конфликтов, порожденные самой системой, о нежелании выделить причины и следствия.

Важнейшая задача национальной политики любого многонационального государства — интеграция всех наций в социально-политическую общность, все члены которой чувствовали бы себя гражданами этого государства и не сомневались в его законности, как неделимого целого. Пути создания такого общества зависят от характера режима:

---

* Статья из информационного бюллетеня «Возрождение» (N 1, 1989 г.) Литовского движения за перестройку.

демократические режимы осуществляют интеграцию, признавая право каждой национальной группы на свободное развитие и решая конфликты путем компромисса; авторитарный режим ту же проблему стремится решить путем максимального ограничения возможностей для проявления национальных интересов, путем затушевывания конфликтов и сведения к минимуму прав и свобод граждан. Между этими диаметрально противоположными путями интеграции существует множество промежуточных форм, однако официальные национальные доктрины не отличаются особым разнообразием: в большинстве стран мира преобладает концепция единой нации, отождествляемой с государством, реже — с «семьей народов», а в нашем уникальном случае — концепция советского народа, некоей новой исторической общности людей. (Последняя концепция лишена реального содержания и порождает вопрос — почему не причислены к тину «новой исторической общности» индейцы, филиппинцы и тем паче живущие в условиях социализма югославы.)

Модель «советского народа» — ключ к пониманию национальных проблем в Советском Союзе. Но надо анализировать не официальную доктрину, представляющую собой часть идеологии, созданной командно-бюрократической системой для собственных нужд (в первую очередь — для воспитания населения в духе преданности правящему аппарату, для отождествления интересов аппарата с интересами «народа»), а реальную национальную политику, методы и пути создания «новой исторической общности».

По своей природе командно-бюрократическая система является антинациональной и космополитической в том смысле, что руководствуется в первую очередь собственными интересами, равнодушна к интересам любой конкретной нации и, мало того, само существование наций считает угрозой Системе. Однако, стремясь создать однородное, максимально унифицированное общество, командно-бюрократическая система вынуждена учитывать конкретную этно-демографическую ситуацию, прежде всего численность населения и особенности образа жизни нации. Очевидно, что началом начал советской общности и его ядром могла быть только русская нация, и по численности, и в политическом

отношении преобладавшая в бывшей империи. Помимо этих объективных причин, превращению русской нации в ядро способствовали и такие ее особенности, как географическая подвижность, способность жить в любой среде, скромные социальные и культурные запросы, вера в необходимость и целесообразность сильного и даже деспотичного центра, коллективизм. Однако наряду с этими чертами русскому национальному характеру присущи и совершенно неприемлемые для целей Системы: религиозность, склонность к мистике, фатализм и социальная апатия, культ матушки-России. Именно поэтому Система столь яростно напала на Церковь, уничтожала культурные ценности, безоглядно расправлялась с интеллигенцией, запрещала произведения выдающихся мыслителей, стремилась подменить русское национальное своеобразие «советским самосознанием». Было бы преувеличением утверждать, будто Система действовала в соответствии с точно сформулированной долгосрочной программой (она была слишком иррациональна для этого и слишком зависима от Вождя), но методом проб и ошибок она проводила невиданный в истории утопический социальный эксперимент по созданию новой общности. Этот эксперимент, начатый в конце 20-х годов и не заверченный до сих пор, составляет суть национальной политики Системы.

В ходе создания «новой общности» наибольшее давление ощутили на себе те нации и национальные группы, которые своей культурой, языком, образом жизни больше всего отличались от «базовой модели». Коллективизация вызвала неслыханный голод на Украине, но казахам и другим нациям, занимавшимся скотоводством, принесла подлинную трагедию: от голода, вызванного искусственно за счет обобществления скота, вымерла треть казахской нации, и лишь к началу 60-х годов она восстановилась до уровня 1926 г. Это невосполнимые потери: в 1926 — 1979 гг. число казахов увеличилось с 4 до 6,5 млн., а менее пострадавших узбеков — от 4 до 12,5 млн. Значит, прямым и косвенным путем казахская нация лишилась 5-6 млн. человек. А это дает основание говорить о геноциде. Советизация или же принуждение стать составной частью

«новой исторической общности» вылилось в национальную катастрофу и для многих других наций от Прибалтики до Чукотки. Но такие «мелочи» Систему не волновали. На шестой части мировой суши она строила общество по модели гигантской фабрики прошлого века, работающей во славу и благо Системы (давно ли мы пели «Жила бы страна родная — и нету других забот?»), которая провозгласила своей целью спасение всего человечества. Политическая доктрина Системы рассматривала историю человечества, как подготовку к рождению Системы, а сутью истории провозгласила победу Системы во всем мире. Эти теологические, иррациональные установки заняли центральное место в программных документах Системы, стали лозунгами, которые неустанно повторялись в печати, литературе, искусстве. Трудно сказать, насколько сама Система верила в собственную доктрину и когда перестала верить в нее, но концепция исторической миссии, predeterminedенная Законом Истории, была наиболее функциональной во внутриполитических целях командно-бюрократической системы.

Уничтожение социально-политических различий и нивелирование культуры привели к печальным последствиям для всех наций, в том числе и для самой России: утеряны нравственные ценности, дегуманизирована общественная жизнь, человек превращен в винтик Системы. Положение нерусских национальностей осложнилось быстрой ассимиляцией языков, ростом числа людей, потерявших связь с национальной культурой и не воспринявших русскую культуру. В автономных республиках РСФСР практически нет национальных средних школ, такой же процесс происходит в Белоруссии, во многих районах Украины. Молодежь малых северных народов, большинство городского населения Казахстана, Киргизии уже плохо понимает родной язык, а что говорить о Белоруссии и Украине. В 1987 г. всего 10,9% общего тиража книг издано на национальных языках (в 1940 г. — 26,2%). Сейчас только на шести языках издаются книги и брошюры более тысячи наименований в год, в большинстве республик (за исключением республик Закавказья, Эстонии и Литвы) на национальном языке издается меньше книг, чем на русском (в

Белоруссии, на Украине, в Казахстане, Молдавии (в 3-4 раза). Если еще добавить навязывание русского языка через печать, радио, телевидение, интернациональные коллективы, государственные учреждения, школу, то перспектива сохранения национальных языков — если не будут приняты решительные меры — крайне сомнительна. Ассимиляция языков сопровождается ассимиляцией культур, ускоряющей процесс этнической дезинтеграции. Социальные и моральные потери общества, наносимые этим процессом, в СССР почти не изучаются, но и так понятно, что они огромны.

Командно-бюрократическая система, утвердившая неравенство наций в сфере культуры и языка, не пыталась изжить и политическое неравенство. Любимый аргумент о составе Совета Национальностей ничего не означает, поскольку в Совете и республике, и нации представлены не на паритетных началах (там нет таких крупных национальных групп, как немцы и поляки), да и вообще, до сих пор этот орган оставался лишь репрезентационным, покорно благословляющим каждое решение Системы. Верхний эшелон Системы, захватив реальную власть в стране, управляющий всей ее территорией, всеми богатствами и фактически определяющий судьбы наций, однороден по национальному составу: нерусская фамилия среди множества руководителей союзных министерств и ведомств — явление редкое. Этническая однородность характерна и для руководителей основных промышленных отраслей как в центре, так и в союзных республиках. Чем бы ни объяснялось непропорциональное доминирование русской национальности в важнейших звеньях Системы, оно утвердило факт неравенства наций. Не представляя весь национальный состав, Система утратила способность трезво оценивать национальную ситуацию, решать назревшие проблемы и устранять причины усиления межнациональных различий. Подобно тому, как в экономике и политике, Система, довольно быстро достигнув определенного уровня, не смогла стимулировать дальнейшего развития. Зайдя в тупик в годы застоя, национально-государственные дела она была вынуждена решать силовыми приемами, «воспитанием» и другими бесперспективными методами.

Одно из величайших структурных прегрешений командно-бюрократической системы — невозможность сочетать ее с объективными нуждами многонационального общества. Социальные, культурные различия наций многонационального государства могут учитываться лишь при децентрализованном управлении; тут оптимальный путь — федеративная форма управления. Однако командно-бюрократическая система унитарна по своей природе, несовместима с принципами не только федерализма, но и автономии. При самоуправлении определенные сферы деятельности должны быть переданы в ведение независимых местных органов, а это нарушило бы монопольное положение Системы. Поэтому Система, сохранив некоторые внешние атрибуты федерации, фактически превратила СССР в унитарное сверхцентрализованное государство. Парадоксальные противоречия контрстудий Сталина - Брежнева и можно объяснить несоответствием между формой федерации и унитарным содержанием. Декларативные постановления о суверенитете союзных республик и ст. 73, перечеркивающая даже возможность автономии (что уж тут говорить о суверенитете) и позволяют центральным звеньям Системы распоряжаться в «республиках» как в собственном доме, управлять 90% их промышленного потенциала. Унитаризм государственного строя подкрепляется структурой КПСС, в которой нет российской партийной организации, и различия между «союзным» и «русским» теряют всякий смысл.

Процесс демократизации, особенно перспектива передать определенные полномочия (весьма ограниченные) в ведение Советов, может стать потенциальным могильщиком Системы. Пока серьезно ее никто не трогает. Существование командно-бюрократической системы гарантировано действующей Конституцией (статьи 3, 6, 73, 77, 131, 140, 142 и др.) и практически подтверждено недавно принятыми поправками. Реальными организованными силами, поднявшимися против Системы, сегодня можно считать только национально-демократические движения Прибалтийских республик, а реально выйти из-под ее контроля попробовала лишь Эстония. Понимая, что возрождение даже урезанной самостоятельности союзных республик, предприятий, пере-

дача руля правления в их ведение лишит Систему ее собственности, власти и сделает ее ненужной, высший эшелон бюрократии и их пособники сознательно пытаются дискредитировать массовые движения помешать их возникновению во многих республиках и регионах, внести раскол в национально-демократические движения прибалтийских народов и те силы центра, которые руководят перестройкой. Характеризуя деятельность бюрократических сил, Г. Попов правильно отметил: «А теперь они все больше стремятся, осознав неизбежность и неотвратимость перестройки, остаться ее руководителями, навязывая перестройке такие формы и такие темпы, которые позволят бюрократическому аппарату медленно преобразоваться из аппарата торможения в аппарат развития, перекладывая все издержки этой медлительности на плечи народа, устраняя народ от активной роли в перестройке...» («Наука и жизнь», 1988, № 10). Приемы, к которым Система прибегает в борьбе за собственное существование, довольно разнообразны. Объявляются национализмом справедливые требования, отражающие национальные интересы народов. Продолжая традицию сталинизма, интересы Системы выдаются за интересы всего народа, всего государства и во всеуслышание заявляется, будто предоставление экономической самостоятельности республикам погубит единый народно-хозяйственный (в действительности же — бюрократический) комплекс. Красноречиво о дружбе народов, Система из последних сил поддерживает консервативные силы, губящие все преобразования в области межнациональных отношений. Строго осуждая тактику давления на власти и массовые кампании протеста, Система без зазрения совести прибегает к дубинкам и разжиганию психоза в духе времен сталинизма и застоя. Система стремится не только сохранить свои позиции, но по каждому случаю (последний пример — проект поправок к Конституции) перейти в наступление.

Система богата. В ее подчинении огромные, хотя и истощающиеся ресурсы, идеология, утвердившаяся несмотря на иррациональность в общественном сознании, миллионы опытных, пусть не нужных обществу служащих и работников аппарата. Она дискредитировала себя и дегра-

дировала, но еще обладает реальной властью. Важнейшая политическая задача перестройки и важнейшее условие обновления общества, если оно действительно намерено выбраться из тупика социально-политического и экономического развития, — разрушить командно-бюрократическую систему и заменить ее демократическим режимом. На первом этапе следует стремиться, как подчеркивается в решениях XIX Всесоюзной партконференции, к тому, чтобы аппарат управления служил и полностью подчинялся выборным органам. Лишь тогда будет окончательно покончено с национальной политикой сталинизма, будет преодолено фактическое неравенство наций, будет демократизирована вся система межнациональных отношений и наоборот — каждый компромисс между силами перестройки и Системы, при незначительном расширении демократии и ограничении единовластия Системы обязательно завершится победой бюрократического аппарата и принесет угрожающие последствия, даже обусловив возвращение национальной политики в объятия принципов сталинизма.

Р. С. Статья написана на основе выступлений во время дискуссий по вопросам межнациональных отношений в Центральном доме писателей (05. 12. 88) и Институте востоковедения АН СССР (07. 12. 88).

МЫ — В ВОЗДУХЕ

От редакции:

С 30 января по 3 февраля 1889 г. в Париже проходила первая международная встреча писательниц трех стран — Франции, США и СССР. В состав советской делегации входила известная латышская Визма Бельшевиц.

Визма Бельшевиц принадлежит к тому же поколению поэтов, что и Белла Ахмадулина и Андрей Вознесенский. Вознесенский, кстати, назвал В. Бельшевиц одним из лучших советских поэтов. В начале 70-х годов стихи Бельшевиц не публиковались в советской печати. Она занималась художественными переводами с английского и русского языков, в частности переводила Э. Хемингуэя и Р. Киплинга.

Парижский корреспондент радио «Свобода» Фатима Салказанова взяла у Визмы Бельшевиц интервью.

Первым был вопрос об отношении к войне и немецкой оккупации Латвии.

В. Бельшевиц: Мы видели, как фашисты вели колонны евреев на расстрел. Мы видели, как умирали с голода советские военнопленные и ничем не могли им помочь. Мы радовались разгрому фашизма. Поэтому я в своей ранней молодости поступила в комсомол. Я была фанатичной комсомолкой, и когда я видела страшные вещи, которые тогда происходили — например, департацию 1949 года, — я понимала, что это страшно, но думала, что я, как рядовая комсомолка, не могу знать тех причин, которые всё это вызвали. Я верила, что ради какой-то конечной справедливости это происходит. Конечно, могут происходить ошибки и страдают некоторые невинные люди. Но я не могу знать причин этого. Когда я начала писать стихи, я писала такие стихи, как все тогда писали в Советском Союзе. И первая моя книга была именно такая. Когда умер Сталин, я плакала и все плакали. Причем этот психоз был не только у нас. Я как-то

видела фильм о Венгрии, где целая площадь взрослых людей, европейцев, кричит: «Да здравствует Сталин! Да здравствует Сталин!». Так что моя первая книга стихов — это стихи комсомолки, которая верит в справедливость происходящего и, если видит плохое, считает, что она не понимает высших соображений, а значит и высшей справедливости.

Ф. Салжаниова: Визма, а когда Вы начали понимать, что происходит?

Б.: Когда выступил Хрущев на XX съезде, — это было для меня потрясением, хотя я не была виновата ни в чем. Я никогда никого не предавала, никто из-за меня не пострадал, но для меня рушилось мировоззрение. Я училась в Москве, в литературном институте, и я совершила кражу со взломом. Я взломала медицинский пункт нашего общежития. Я забрала весь люминал и выпила.

С.: Это была попытка самоубийства?

Б.: Да, да, я хотела уйти из жизни. Потому что я писала стихи и помогала всему этому своими стихами, значит, я участница преступлений.

С.: Визма, у Вас было разрушено мировоззрение. Но затем, видимо, возникло новое мировоззрение. Сегодня Вы — член Народного фронта Латвии. В Латвии сейчас существует Движение за национальную независимость и Народный фронт. Мне бы хотелось, чтобы Вы объяснили нам разницу между этими двумя народными движениями. Есть еще и другие группы?

Б.: Начала борьбу группа, которая называется «Хельсинки-86». Это группа борьбы за права человека. Группа «Хельсинки-86» боролась за человеческие права, так сказать, за соблюдение Декларации прав человека, в частности за гарантии права на получение информации и распространение информации. Один из руководителей правозащитного движения в Латвии Гунарс Астра был арестован. Когда его выпустили из тюрьмы, он был очень больным человеком и сразу же умер. Многие участники «Хельсинки-86» были высланы из Латвии. Им предложили: или ссылка в Сибирь,

или — за границу. Они попали в Стокгольм.

Я человек одиночества. Я не способна участвовать в организациях. Поэтому я не состояла в группе «Хельсинки-86». Группа борьбы за независимость Латвии — это, вообще, неформальная группа, но она тесно связана с Народным фронтом.

С.: Можно, наверное, сказать, что это радикальное крыло Народного фронта.

Б.: Да, да. Можно сказать, что это наиболее радикальное крыло Народного фронта. Народный фронт готов признать статус кво — то, что мы находимся в Советском Союзе. Но мы должны иметь экономическую суверенность, должны иметь какую-то независимость. Я сама вступила в Народный фронт, когда стали организовывать так называемый «Интерфронт» против Народного фронта. Тогда на улицах русские, не стесняясь, говорили, что мы теперь вступим в «Интерфронт» и будем их бить, и нам ничего за это не будет. Да, у нас за это ничего не бывает.

С.: Так погиб ваш сын?

Б.: Когда убили моего сына и вообще, когда убивают латыша и убийца — не латыш, это рассматривается как несчастный случай. И, чтобы оправдать бездействие прокуратуры, жертву обливают грязью. Мне сказали, что мой сын был пьяным и выпал из окна 9-го этажа — через стекла. Хотя экспертиза показывает, что его избивали до этого и что в том месте, где он будто бы выпал из окна, нельзя выпасть, даже если бы он был пьян.

С.: Значит, сейчас у вас существуют Народный фронт, Интернациональный фронт, Движение за независимость, группа «Хельсинки». И я хотела бы спросить Вас о возможности содружества народов. Не так давно, 31-го января, в Москве, в ЦК КПСС состоялось совещание, на котором рассматривались вопросы укрепления основ взаимоотношений между союзными республиками. Какими видятся Вам будущие отношения между народами в Советском Союзе? Чего хотят латыши? Как добиться того, чтобы латыши продолжали хорошо относиться к своим соседям?

Б.: Латыши хотят, чтобы каждый народ в нашей республике мог получить образование на родном языке и развивать свою культуру. Латвия находится в таком географическом месте, где всегда жили люди разных национальностей. В нашем Народном фронте не только латыши. В нашем Народном фронте — живущие в Латвии армяне, румыны, евреи, русская интеллигенция. Почти вся русская интеллигенция, все светлые умы Латвии русской национальности в нашем Народном фронте. Мы создаем общество всех народов, которые живут в Латвии. Мы хотим, чтобы они могли общаться, имели бы свои культурные центры, чтобы у них были школы на их родных языках, чтобы нелатыш не должен был бы учиться обязательно в русской школе, как это происходит теперь, но чтобы армянский, к примеру, ребенок мог получить начальное образование на армянском языке, потому что для развития личности человека важнее всего получить начальное образование на материнском языке. Мы за это боремся.

С.: А не за то, чтобы выгнать всех русских и устроить только латышские школы?

Б.: Ни в коем случае. И раньше, когда я росла в независимой Латвии, у нас во дворе были дети — мои друзья детства — разных национальностей. Была девочка немка, были девочка и мальчик поляки, был русский мальчик. Они ходили в свои школы и детские сады на своих языках, а когда мы играли во дворе, мы говорили на латышском языке, и у нас никогда не было ссор или драк на национальной почве. Мы, вообще, не знали этой проблемы. И мы хотим, чтобы теперь было так же, чтобы не было этой проблемы, чтобы дети могли получить образование на своем языке, и чтобы каждый народ имел свой культурный центр в Риге, — центр, где люди одной национальности могут встречаться, иметь свои библиотеки, ставить и смотреть свои спектакли, чтобы они не были русифицированы. Мы создали ассоциацию разных культур. Центр, координирующий все эти общества разных культур в Латвии. Мы добиваемся права для каждого человека, который живет в Латвии, учиться на своем родном языке, общаться на своем родном языке. Латыши, вообще, никогда не были шовинистами.

С.: Еще несколько лет назад существование такой организации как Народный фронт в Латвии было бы просто невообразимо. Сегодня Народный фронт существует. Не кажется ли Вам, что сам факт существования Народного фронта и других неформальных организаций в Латвии свидетельствует о том, что в Советском Союзе произошла определенная демократизация?

Б.: На это трудно дать однозначный ответ. У нас в Советском Союзе мы приучены к мысли, что правительство нам всё дает — даже хлеб, который мы вырастили сами, тем не менее нам правительство дает. У нас идет борьба за экономическую и культурную суверенность республики — значит, правительство нам дало...

С.: Дало разрешение на эту борьбу?

Б.: ...правительство нам дало эту борьбу. Ну, правительство нам почти не мешает проводить демонстрации, создавать Народный фронт, создавать общества культуры для других национальностей, живущих в Латвии и т. д. Нам разрешают.

С другой стороны, я не вижу, чего мы конкретно добились. Мы добились того, что наш красно-бело-красный национальный флаг, который латыши имели еще в XII веке, сейчас поднят над Ригой. И над другими городами Латвии развевается этот флаг.

С.: А раньше это было запрещено?

Б.: Конечно. Мы ходим на демонстрации с этими красно-бело-красными знаменами. Мы поем наш национальный гимн. Нам разрешается. Народный фронт создал свой руководящий орган, Думу — подобно тому, как в 1905 году была создана Государственная Дума, которая была вроде парламента при царизме. Может быть, я не очень хорошо ориентируюсь, но практически, кроме того, что мы поем наш национальный гимн и нас за это не бьют и что над городами Латвии развеваются красно-бело-красные флаги, еще ничего особенного не сделано. Конкретных результатов пока нет. Еще, правда, мы можем обо всем говорить и печать говорит, и радио говорит, и телевидение говорит.

С.: Визма, а нет ли конкретных результатов, например,

в области экономики — в связи с переходом на хозрасчет и т. п.? Не стало лучше жить материально?

Б.: Стало только хуже.

С.: Вы переходите на хозрасчет?

Б.: Я не вижу, в чем это выражается. Правда, я — человек сугубо гуманитарный, для меня экономика — темный лес. Я только вижу, что магазины пусты и что жить нам стало, в смысле практическом, несравненно хуже. Может быть, это трудности перехода.

С.: Визма, скажите, как Вы объясняете тот факт, что именно с момента, когда началась демократизация (пока еще зародышевая демократизация) Советского Союза, обострились национальные проблемы, межнациональные отношения?

Б.: Что касается латышей, то — поскольку мы превращаемся в меньшинство на своей родине, поскольку мы становимся таким меньшинством, что латышам уже нельзя выжить как нации, нам естественно, нельзя не бороться против этого. К нам привозят людей даже из Вьетнама. Поэтому, чем хуже становится наша ситуация, тем сильнее обостряются отношения. Это естественно, потому что человек тоже, когда его душат, он ведь пытается реагировать, он пытается как-то отбиваться.

С.: Латыши, действительно оказались в критической ситуации?

Б.: Совершенно критической. Я думаю, что мы при такой политике, исчезли бы как нация. И надо сказать, что практически эта политика не изменилась. На словах все признают наши права — на жизнь и на культуру, но только на словах. В практике с каждым днем прибывает все больше и больше русскоязычных людей — не обязательно русских.

С.: Вы хотите сказать, что проводилась систематическая антилатышская политика?

Б.: Я бы хотела объяснить, почему с нами это делают в большей мере, чем с эстонцами и литовцами. Мы имеем два незамерзающих порта. И вот уже 700 лет все соседние большие государства хотят иметь эти порты и использовать их в своих интересах.

С.: Визма, в Армении проводятся аресты среди участников национального движения, и почти весь комитет «Карабах» арестован. Вы не боитесь того, что это может произойти в прибалтийских республиках?

Б.: Я думаю, что это может произойти, потому что даже центральная печать пишет, что у нас, де, неофашистские явления, что у нас вредный национализм. На нас натравливают русских, запугивая их тем, что мы будем их выгонять из Латвии. Ну, это ведь полный абсурд. Я вступила в Народный фронт, когда заявили, что нас будут бить интерфронтовцы. В какой-то мере меня били всю жизнь. Я всегда была среди тех, кого били. Когда проходили всякие там идеологические кампании, то меня всегда били. После создания Интерфронта стали вступать в Народный фронт те, кто раньше об этом не думал, потому что Интерфронт состоит на 70 % из чиновников и отставных офицеров. В нем только 27 % рабочих, хотя Интерфронт выдает себя за рабочую организацию, и 3 % крестьян.

С.: Визма, у меня к Вам последний вопрос. Скажите, о каком будущем для Латвии Вы лично мечтаете?

Б.: Я мечтаю о том, чтобы наш народ выжил, чтобы наш народ был независимым и чтобы тем нелатышам, что живут в Латвии, было тоже хорошо, как это было раньше в независимой Латвии. У нас нет возможности для отступления. Когда самолет на летной дорожке, он может еще остановиться. Мы — в воздухе. Нас могут только сбить.

3 февраля 1989 г., Париж

НАША ЦЕЛЬ — СУВЕРЕННАЯ УКРАИНА

17 февраля 1989 г. редактор журнала «Форум» беседовал по телефону с Председателем Киевского отделения Украинского хельсинкского сообщества, журналистом, бывшим политзаключенным Александром Евгеньевичем Шевченко.

Предлагаем вашему вниманию запись этой беседы.

Маликович: Украинское хельсинкское сообщество, Киевское отделение которого вы возглавляете, одна из наиболее последовательных общественных организаций, которая добивается демократизации на Украине. Насколько массовой является ваша организация? Каковы ее цели? И каковы взаимоотношения вашей организации с другими общественными организациями, в частности с Народным движением Украины за перестройку и с недавно учреждённым обществом Украинского языка имени Тараса Шевченко?

Шевченко: Украинское хельсинкское сообщество возникло в результате расширения Украинской хельсинкской группы, созданной еще в 1976 году. Как известно, все члены Украинской хельсинкской группы были репрессированы. Но она никогда не заявляла о своем самороспуске или прекращении своей деятельности. Она продолжала свою деятельность и в условиях лагерей и ссылок. Некоторые члены Украинской хельсинкской группы сейчас находятся далеко от Украины, некоторые остались навсегда лежать под столбиками на лагерных кладбищах. Но УХГ продолжала свою деятельность и благодаря тем благоприятным переменам в общественной жизни СССР, которые произошли в последние годы, Украинская хельсинкская группа трансформировалась в сообщество.

Пришли новые люди — и не только известные как шестидесятники или семидесятники, но и молодёжь, и все те, кто решил использовать время перестройки для того, чтобы влиться в ряды активного общественного движения за

изменение правовой системы, за политические, экономические и социальные права своего народа. Таким образом, теперь Украинское хельсинкское сообщество из группы в несколько десятков человек переросло в организацию из нескольких сот человек. Оно имеет свои отделения во многих областных центрах, в районных центрах, в Москве, в республиках Прибалтики и своё представительство за границей.

Украинское хельсинкское сообщество ставит своей целью защиту национальных прав и, прежде всего, права нации на самоопределение. В нашей Декларации принципов сказано, что в результате 66-летнего пребывания Украины в составе СССР ни правительство Украины, которое никогда не было суверенным на деле, а только исполнительным органом центральной власти, ни коммунистическая партия Украины, которая была всего лишь региональным подразделением КПСС, — не могли защитить население Украины от тотального голода, от варварского истребления интеллектуального потенциала нации, от денационализации, от политики русификации, от фактов прямого геноцида, от этноцида коренного населения. И поэтому наше сообщество считает, что альтернативные, оппозиционные силы и группировки — это необходимое условие демократизации. Но наше сообщество не является политической партией, не ставит целью приход к власти. Оно ставит своей целью активизацию народных масс, возрождение национального сознания и восстановление подлинного суверенитета как политического, так и экономического.

М: Как Украинское хельсинкское сообщество относится к идее создания единого Народного фронта Украины?

Ш: Украинское хельсинкское сообщество не во всем согласно с проектом программы Народного движения за перестройку. Нашу организацию можно сравнить с неформальным Народным фронтом. Принципы нашего Хельсинкского сообщества идентичны программам Народных фронтов прибалтийских республик. Но если сравнить с программой, проект которой вот только вчера был опубликован в газете «Литературная Украина» в Киеве, — с программой Народного движения Украины за перестройку, — программу

нашего сообщества можно считать программой неформального Народного движения за перестройку. Наша цель — это тоже перестройка советского общества, но наша программа более радикальна, чем только что опубликованная в «Литературной Украине». Так, например, в официальной программе не ставится вопрос об установлении гражданства для граждан Украинской республики. Но не может же существовать суверенная республика без республиканского гражданства. В основном же эти программы очень близки — официальная программа Народного движения и программа нашего Хельсинкского сообщества. Хотя в вопросе государственного устройства тоже есть некоторые расхождения. В то время как Народное движение за перестройку ставит своей целью федеративное объединение советских республик, то наше Хельсинкское сообщество считает возможным такое государственное объединение как конфедерация независимых государств-республик, а принципы федерации мы отрицаем. Что касается сосуществования с другими демократическими общественными организациями, то мы сотрудничаем с ними самым тесным образом и, более того, над целым рядом общественных организаций Украинское хельсинкское сообщество, так сказать, шефствует, являясь республиканской организацией, в то время как другие имеют местное значение и признают, ну если не руководящую роль Украинского хельсинкского сообщества, то, во всяком случае, его ведущую роль.

Кстати говоря, я хотел бы рассказать о том, что 11 и 12 февраля в Киеве проходило учредительное собрание Товарищества украинского языка имени Тараса Шевченко, цели которого в вопросах национальной культуры вполне отвечают нашим принципам, и мы с симпатией и поддержкой будем относиться к этому Товариществу — официальной общественной организации. И надеемся на такое же отношение к нашей организации с их стороны.

М: В Эстонии Верховный Совет республики поддержал требования Народного фронта и провозгласил Декларацию о суверенитете ЭССР в рамках Союза. Он законодательно закрепил в Конституции Эстонии право всего республиканских органов власти на действие общесоюзных законов на

территории СССР. Кроме того Народный фронт Эстонии намерен добиваться замены нынешней Конституции СССР новым Союзным договором между суверенными республиками. Как к этому относится УХС?

III: Что касается права вето, сформулированного эстонцами, то мы полностью его поддерживаем. Оно является и частью нашей позиции и нашим исходным принципом. Что касается вопроса о союзном объединении суверенных республик, то если это объединение действительно будет носить форму конфедерации, то мы такое объединение поддержим. Тем не менее, демократические силы Украины, национально сознательная часть народа никогда не отказывались от главной, ведущей национальной идеи украинского народа — идеи национальной независимости. Если такое союзное объединение, предложенное эстонцами, обеспечит полную национальную независимость, абсолютный государственный суверенитет, то такая идея может быть принята. Но в своём развитии, в перспективе, конечно же, идея полной национальной независимости у нас была и есть самой главной в нашей деятельности.

М: Как Вы оцениваете недавние (исторические, по-моему) события на Украине — опубликование проекта программы Народного движения Украины за перестройку и создание общества защиты украинского языка имени Тараса Шевченко?

III: Поскольку учреждение Товарищества украинского языка произошло раньше, чем был опубликован проект программы Народного движения Украины за перестройку, я хочу сначала немножко рассказать об этом событии.

Создание Товарищества украинского языка имени Тараса Шевченко — это крупная победа национально-демократических сил Украины. В принятом Учредительной конференцией 11-12 февраля Уставе говорится, что Товарищество ставит своей целью добиться установления для украинского языка правового статуса государственного языка Украинской ССР и фактического утверждения этого статуса во всех сферах жизни общества. Более того, Товарищество, признавая русский язык в качестве языка

межнационального общения в Союзе ССР, будет стоять за утверждение украинского языка как языка межнационального общения в Украинской ССР. Товарищество будет возрождать национальное самосознание и историческую память украинского народа. На конференции была единодушно осуждена и отброшена навязываемая народам СССР лжетеория двуязычия, которой, как ширмой, всегда прикрывались воинствующие великодержавные русификаторы.

С мужественным и беспощадным обличением государственной политики угнетения украинского народа и его национальной культуры выступил, открывая конференцию, писатель Олесь Гончар. Я прочту несколько выдержек из его выступления:

«Украинский язык в беспощадные те зимы наковали в спещереселенческие вагоны вместе с горестным взыванием миллионов людей, оторванных со своими семьями от родной земли, от родимых вод и от ясных украинских рассветов. Услышало этот язык заполярное краесветие, топили его в океанских баржах, загоняли слово Тараса в тундру и тайгу. Однако и там где-то язык Украины отзывался то невольничьими письмами в безвесть, то изысканным лагерным сонетом высокообразованного интеллигента, то неожиданно выявлял себя удивительным представлением соловецкого украинского театра... Зло меняло свою личину, не переставая быть злом. Брежневско-сусловская камарилья, преисполненная патологической ненависти ко всему национальному, принялась последовательно насаждать антинаучную, глубоко антинародную доктрину о слиянии наций... Душегубы стояли близко. Много чего им удалось... Но вспомним реальность: кроме навешивания ярлыков, было ли когданибудь сказано официальное слово в защиту чести и престижа языка украинского народа?»

После этих слов в зале прозвучали возгласы: «Ганьба! Ганьба!» («Позор! Позор!»). Кстати, когда один из выступающих заметил, что наибольшего гонения за все годы советской власти украинский язык перетерпел именно в период правления Щербицкого, все участники собрания в Киевском доме кино, а их было свыше семисот, поднялись и, стоя, долго скандировали: «Ганьба!», «Долой Щербицкого!»

Потом несколько минут оваций и скандирование, также стоя: «На-род-ный фронт!». Все присутствующие выразили горячую поддержку Киевской писательской организации, подвергающейся клевете и нападкам со стороны идеологического отдела ЦК КПУ за отважные попытки образовать Народный фронт Украины в поддержку перестройке. Своё отношение к правящему партийному аппарату делегаты Учредительной конференции и Товарищества украинского языка имени Тараса Шевченка чётко выразили в процессе выборов в Раду (Совет) Товарищества. Среди тех, кто баллотировался в Раду было два представителя ЦК КПУ. В списке для тайного голосования значилось более ста человек. Несколько из них заявили о своём самоотводе, а из остальных 98 кандидатов только один набрал менее половины голосов и не прошёл в Раду. Это был ответственный работник аппарата ЦК компартии Украины Е. И. Лукьяненко. А второй партаппаратчик из ЦК прошёл в Раду, собрав наименьшее среди других количество голосов.

М.: Говорят, что в Раду вошёл кто-то из членов Украинского хельсинкского сообщества. Это так?

Ш.: Да. Там есть представители украинского Хельсинкского сообщества. В Раду этого Товарищества вошёл Богдан Горынь, председатель Львовского отделения украинского Хельсинкского сообщества.

Хочу добавить, что бесславленным получилось выступление, это уже под занавес конференции, известного специалиста в области идеологического обслуживания колонизаторов секретаря компартии Украины Ю. Н. Ельченко, который пытался доказать, что программа Народного фронта не должна отличаться от программы КПСС, иначе она будет считаться антиконституционной и антипартийной. Ельченко пытался даже уговаривать: «Зачем, мол, вам Народный фронт? Вот, вы и есть Народный фронт, а другого не надо.» И это было явной попыткой ограничить общественное демократическое движение вопросами культурологии, с тем, чтобы оставить за бюрократией или «бандократией» (есть такой блестящий термин «Литературной газеты») неделимое право хозяйничать в политике, экономике и государственно-правовой сфере.

М.: Пытается ли все-таки Украинское хельсинкское сообщество наладить контакты с этим Народным движением за перестройку? Вель, по всей вероятности, это Народное движение будет одной из самых массовых, а может быть, и самой массовой общественной организацией на Украине?

Ш.: Да. Но дело в том, что у них есть такие пункты в программе, которые для нас являются неприемлемыми. Кстати, там сказано, что членом Народного движения Украины за перестройку может стать каждый гражданин или организация, если они поддерживают курс коммунистической партии на перестройку и программу движения. Мы программу этого движения поддерживаем в основном, но не в целом.

М.: То есть между вашими организациями возможны союзные отношения, но не формальные связи? Насколько я понимаю, цели Народного движения — это программа минимум для вас.

Ш.: Да. Конечно, как программа минимум, они могут быть для нас приемлемы, но не более. Мы ведь не можем согласиться, чтобы в программе вообще отсутствовал вопрос о гражданстве.

М.: Вы об этом уже говорили, и с Вашими замечаниями, очевидно, трудно не согласиться.

Ш.: Мы не можем согласиться и с курсом на федеративное устройство в Советском Союзе.

М.: Понятно. Но меня интересует еще один вопрос — вопрос о республиканском хозрасчете. Мне кажется, что если сейчас украинский язык будет провозглашен государственным, его социальные функции всё же будут ограничены, поскольку украинский язык реально вытеснен из всех сфер социальной жизни, из науки и экономики прежде всего. Эстонцы называют хозяйственную самостоятельность чудом. Может быть, и для вас это важный момент — хозяйственная самостоятельность Украины?

Ш.: Вопрос об экономической самостоятельности, экономическом суверенитете или, другими словами, экономи-

ческом хозрасчете — это, вопрос который признается не только нами, но и программой Народного движения Украины. У них есть такой пункт: Народное движение считает, что экономической основой суверенитета республики должен быть республиканский хозрасчет. И это вполне соответствует нашим принципам. Мы тоже считаем, что это одно из основополагающих условий суверенитета политического.

М.: Еще одна проблема. Украина — это страна русифицированная. На Украине русскоязычное население сейчас где-то приближается к 40%, и, очевидно, процесс украинизации республики может вызвать настороженность среди определенных кругов русскоязычного населения. Предполагает ли украинская группа как-то поддержать идею культурно-национальной автономии экстерриториальных меньшинств на Украине? Я имею в виду русских, евреев, поляков и представителей других народов, живущих на Украине.

Ш.: Да. Безусловно, это так. Безусловно. В декларации принципов у нас отмечено, что ни введение статьи о гражданстве в Конституцию Украины, ни придание украинскому языку статуса государственного не должны ущемлять прав национальных меньшинств на свободное пользование своим языком и на свободное развитие своих национальных культур. Более того, Украинская республика должна *обеспечить* свободное функционирование национальных культур всех национальных меньшинств. Это наши основные принципы.

М.: Я знаю, что Украинское хельсинкское сообщество бойкотирует выборы. Почему?

Ш.: Несмотря на то, что происходят в республике некоторые отрядные события, на то, что образовано Товарищество украинского языка, провозгласившее требование статуса государственного для украинского языка, что опубликована программа Народного движения Украины за перестройку (вопреки страшному сопротивлению идеологов из ЦК партии), — у нас всё же нет оснований для ликования. Партийная бюрократия в УССР выиграла главное сражение

— сражение за власть. Если высшие партийные руководители (я имею в виду Кремль) считают это и своей победой, то это может стать их роковой ошибкой. Я имею в виду хитро и расчётливо проведенные окружные предвыборные собрания, на которых тщательно отобранные «делегаты» проваляли большинство кандидатов правдоборцев, оставив на предстоящие в марте выборы своих номенклатурных чиновников. И вот пример. По Киевскому городскому национально-территориальному округу № 33 было выдвинуто 8 кандидатов на место одного народного депутата СССР от этого округа. Согласно новому закону о выборах, можно было всех восьмерых вписать в бюллетень и предложить народу самому осуществить выборы. Но можно было и провести предвыборное собрание делегатов от всех предприятий этого округа, чтобы отсеять часть кандидатов еще до выборов. В скобках можно поставить немой знак вопроса — ведь людей выдвинули кандидатами в депутаты на всеобщие выборы, а не на выборы какой-то окружной комиссии.

М.: Безусловно. Очевидно, что эта избирательная система явно не совершенна, и также очевидно, что власти не хотят допустить общественное движение к реальному участию в избирательной кампании.

Ш.: И вот провели, конечно же, окружное собрание, и на этом окружном собрании только один человек — это был «выдающийся партийный деятель» эпохи Щербицкого, первый секретарь Киевского горкома Масик — набрал достаточное количество голосов и обеспечил себе право быть единственным вписанным в бюллетень кандидатом. А среди отсеянных, обратите внимание, среди отсеянных — известный украинский поэт Иван Драч, возглавивший инициативную группу по созданию Народного движения, и известный украинский писатель Юрий Щербак, автор повести о Чернобыльской трагедии, активный участник движения «зеленых».

М.: Но если власти пытаются устранить общественное движение от участия в выборах, не намерена ли общественность бороться за так называемый «народный парламент»?

Эта идея была выдвинута в ряде республик. В частности в Москве она предлагалась руководителем «Демократической перестройки» Олегом Румянцевым. Я имею в виду создание в Союзе форума из представителей общественных движений республик. Для того, чтобы они могли выдвигать альтернативные программы, для того, чтобы они могли высказывать свое мнение по важнейшим государственным вопросам, и наконец для того, чтобы они могли быть услышаны миром. Потому что, к сожалению, связи Запада с республиками Союза гораздо слабее, чем, скажем, с Москвой, и голос представителей республик, да и многих городов в самой России плохо слышен. Ваше мнение по этому поводу.

Ш.: У нас на Украине нет реальных условий для создания вот такого общественного парламента. Но общественную реакцию, конечно, будет выражать Украинское хельсинкское сообщество. И свое отношение к выборам оно уже выразило в своем воззвании к гражданам Украины и своим призывом бойкотировать выборы, поскольку новый избирательный закон антидемократичный по целому ряду положений.

М.: Спасибо. Хотелось бы пожелать, чтобы Украинское хельсинкское сообщество и Народное движение Украины за перестройку стали самыми мощными общественными силами, с которыми власти вынуждены будут считаться.

КАК ЭТО БЫЛО

7 декабря в 11.42 страшное землетрясение обрушилось на нашу республику. В тот же день практически все члены комитета «Карабах» и активисты карабахского движения Армении выехали на место бедствия. Вечером в Доме писателей был создан штаб для координации работ участников Движения в районе катастрофы. Тогда мы мыслили себя помощниками правительственной комиссии и, связавшись с ней, договорились о нашей деятельности. Но уже к исходу 8 декабря стало ясно, что ни о какой централизованной организации работ не может быть и речи. Сотни предприятий сформировали и послали свои колонны техники, автомашин, людей в зону бедствия, но там никто не занимался организацией работ: никто не знал, куда направлять технику, как избежать громадных пробок, из-за которых даже раненых часами не могли вывезти из города, куда доставить еду, воду, палатки, одежду, какие работы уже выполнены и где, какие еще требуются. Помощь, которая сразу же стала поступать со всех концов страны и мира, из-за создавшегося хаоса не доходила до нужных мест, поскольку никто не знал, где и что нужно. На естественные трудности управления, связанные с чрезвычайностью ситуации, наложилась вопиющая некомпетентность многих руководителей. В этих условиях штаб, созданный Комитетом, принял на себя следующие обязанности:

1. Создание штабов в Спитаке и Ленинакане со своими представителями в сельских районах, которые занимались сбором информации и координацией работ. Подавляющее большинство членов Комитета и актива Карабахского

---

* А. Манучарян — член комитета «Карабах», в ноябре 1988 г. избран депутатом Верховного Совета Армянской ССР. После арестов членов комитета «Карабах» в декабре прошлого года, находится на нелегальном положении.

движения работало на местах в этих штабах.

2. Формирование отрядов добровольцев с техникой, инструментами, с запасом воды, одежды, еды и медикаментов для пострадавших. Начиная с вечера 7 декабря, мы в среднем ежедневно направляли в районы бедствия 60-70 автобусов с добровольцами. Многие из них отправились в пострадавшие деревни Спитакского и Ахурянского районов, полностью упущенных из виду официальными властями.

3. Вывоз потерявших кров людей из районов землетрясения и распределение их по семьям. Тысячи людей записывались в Доме писателей, выражая готовность принять пострадавших в свои дома, и дежурили здесь днем и ночью, увозя с собой прибывающих. Практически все желали усыновить детей-сирот.

4. Разъяснение ситуации в связи с распространением множества (в том числе и панических) слухов, сбор информации по тревожащим людей вопросам.

Поскольку все прибывающие отряды привозили информацию с мест, в том числе и запросы штабов, то у Комитета была наиболее достоверная информация о конкретных потребностях на местах, и мы договорились с правительственной комиссией о присутствии нашего представительства в аэропорту для конкретной адресации прибывающих грузов.

В связи с тем, что зарубежные поставки не учитывали существующих потребностей в том, чем не могла оперативно обеспечить наша страна, а собранные на восстановление деньги часто используются ведомствами, «забывающими» об их целевом назначении, — мы обратились к композитору Шарлю Азнавуру и губернатору Калифорнии Дж. Токмеджану с просьбой взять на себя организацию соответственно европейского и американского центров для сбора средств в помощь пострадавшим от землетрясения и их целевого использования. Этот призыв возымел свое действие, многие частные пожертвования пошли по этим каналам, и это, я думаю, послужило одной из главных причин резкого недовольства Горбачева деятельностью нашего Комитета.

10 декабря сотни женщин, до того выразивших желание усыновить детей-сирот, собрались у Дома писателей, требуя

от нас добиться решения этого вопроса. Причиной послужило обращение органов массовой информации к населению ряда городов страны с призывом усыновлять детей-сирот из Армении.

Людей также тревожила возможность новых землетрясений, а в связи с этим продолжающаяся работа АЭС и химических предприятий, возмущала «помощь» и «соболезнования» из Азербайджана после всенародного ликования в ряде городов Азербайджана по поводу землетрясения в Армении, после многочисленных «поздравительных» телеграмм по случаю землетрясения, после всего того, что с попустительством и при прямом подстрекательстве местных властей творилось над армянским населением в Азербайджане за последние 10 месяцев и особенно накануне землетрясения. С этими вопросами женщины уже обращались в ЦК и Совет Министров, но не получили там удовлетворительных разъяснений.

По согласованию с комендантом района я выступил перед людьми с разъяснениями:

— Мы благодарны всем людям в Армении и вне ее пределов, выразившим готовность усыновить детей, и согласовали с правительством, что правильнее всего принять тех, у кого нет близких родственников, в экспериментальный комплекс школы-детсада Мин. образования АрмССР, где есть опытные, заботливые педагоги, психологическая служба, которые постараются снять стресс и потрясения, имеющие тяжелые последствия для души ребенка. В дальнейшем, когда закончатся спасательные работы и прояснится положение детей, будем решать вопросы об усыновлении.

— Каких-либо данных о возможном новом землетрясении от специалистов не поступало, но мы обратились ко всем сейсмологам мира с просьбой выступить с комментариями по этим вопросам.

— О недопустимости работы АЭС и химпредприятий в сейсмоопасной зоне мы поставили в известность правительство. Наши оценки в основном совпадают. Будем ждать конкретных шагов.

— «Помощь» Азербайджана после такой реакции на землетрясение и вслед за антиармянской кампанией послед-

них месяцев действительно лицемерна и должна быть отвергнута.

Люди успокоились и разошлись, но часа через два вновь собрались другие и опять, по договоренности с представителем комендатуры, я выступил и попросил разойтись.

Вечером, около 18 часов, вновь появился комендант района и потребовал, чтобы мы отправили людей по домам. К тому времени их осталось гораздо меньше, чем днем, — около тысячи человек. Большая часть находилась там по делу — отъезжали в район бедствия, завозили продукты, одежду, палатки, ждали эвакуированных, чтобы взять к себе домой. Я упрямил коменданта подождать еще час, заверив, что к этому времени народу останется гораздо меньше. Но минут через двадцать он вновь появился вместе с новым комендантом города генералом А. Макашовым. Последний потребовал, чтобы мы всем велели немедленно разойтись, грозя в противном случае арестовать нас. Разойтись всем означало прекратить спасательные работы. Мы отказались и вскоре были арестованы, а собравшихся людей разогнали. Арестовали даже Бабкена Аракяна, который едва мог передвигаться, так как 8 декабря при спасательных работах в Ленинанкане с ребенком на руках он упал и сильно повредил ногу. Генерал, заместитель коменданта, отказался ознакомиться с моим депутатским удостоверением, а затем приказал отнять его у меня, «дабы я им не бравировал».

После шестичасового пребывания в комендатуре района им. 26 комиссаров меня пригласили в комнату, где находились комендант и еще несколько офицеров, по всей видимости, представлявших нечто вроде трибунала. Они потребовали, чтобы я ответил на их вопросы. Я отказался, потребовав представить решение Президиума Верховного Совета АрмССР о разрешении привлечь меня к ответственности. После этого меня заверили, что я не арестован, а задержан, и если выяснится, что я депутат, то меня отпустят, а пока просят продолжить беседу в частном порядке. Во время беседы я оценил происшедшее как провокацию, которая может привести к крайне отрицательным последствиям: к ухудшению отношений между населением и армией, к возможным столкновениям. До того часа мы

весьма конструктивно сотрудничали с прежним руководством комендатуры города. Мы призывали население к сдержанности, а если поступали жалобы на действия войск, то представляли их в комендатуру и там оперативно с этим разбирались. Все это позволяло в той непростой обстановке избежать серьезных инцидентов. Я считал, что положение еще можно спасти, согласился на предложение выступить по телевидению и призвать население к спокойствию, оценив происшедшее как недоразумение, если все арестованные в Доме писателей будут отпущены. Получив соответствующие заверения и придя к согласию, я тепло распростился с ними и ушел, уверенный в том, что инцидент исчерпан. Но на следующее утро выяснилось, что члены Комитета, а также активисты, задержанные накануне, арестованы. Десятки людей звонили и спрашивали, что делать. Я договорился с ними о встрече, пообещав до того выяснить обстановку. Когда в условленное время я подошел к памятнику Туманяну, там уже собралось около тысячи человек, войска же оцепили собравшихся и требовали немедленно разойтись. Я предложил всем перейти на другое место и там рассказал, при каких обстоятельствах были арестованы члены Комитета. К этому времени там уже собралось несколько тысяч человек, и возмущенные люди требовали решительных действий. Я предложил, избегая всяческих встреч с армией, пройти по центру города и дать людям знать о происшедшем. У кинотеатра «Россия» дорогу перекрыли танки, причем сделали это довольно провокационно: один танк вначале на большой скорости поехал в сторону людей, а затем резко свернул и поехал обратно. Около цепи танков люди остановились, и я подошел к старшему офицеру, находившемуся там, — зам. коменданта города. Он предложил, чтобы люди разошлись, а мы вместе с ним направились бы к коменданту для разбора ситуации. Я ответил, что не смогу предложить им разойтись, пока не скажу им чего-нибудь конкретного. Тогда он предложил: «Пусть люди останутся здесь, а мы поедем, выясним и, вернувшись, ответим». Но люди боялись остаться, думая, что пойдут войска, и двинулись вновь. Я попросил офицера, чтобы он сам переговорил с командантом и получил ответ, чтобы можно было что-то сказать людям. У универсама

«Гаянэ» меня вновь подозвали к нему, и он сообщил, что членами Комитета разбирается Московская (!!) прокуратура, и если шествие будет продолжено, то комендант их разгонит. Я ответил, что не думаю, что комендант способен на такое, и вновь попросил уточнить, в чем дело, почему не отпускают ребят. Шествие продолжилось. У железнодорожного моста из-за угла неожиданно напали солдаты. Народ под их ударами бросился бежать. Некоторые добежали до ближайшего сквера, схватили что попало под руку и приготовились к отпору. Я оказался между солдатами и людьми и просил солдат остановиться, но один из них ударил меня по спине дубинкой, и они вновь бросились на людей. Началась стычка, взаимное избивание.

Вот, собственно, все, что произошло. Вслед за этим началась очередная истерическая пропагандистская кампания против Карабахского движения, сопровождающаяся арестами. В чем же дело? Чем вызваны столь многочисленные резкие выпады властей, переросшие в прямые репрессии, осуществляемые в очень точно рассчитанное время: народ в горе, весь актив Карабахского движения занят спасательными работами, ответные акции затруднены. Одна из причин — трудность решения национальных вопросов в СССР, где один неточный шаг может привести к возникновению сотен новых проблем. Добавим к этому исключительную некомпетентность и серость подавляющего большинства руководителей, в том числе и высших, объясняемые объективно существующей партийно-бюрократической, планово-мафиозной системой подбора и расстановки кадров, и станет ясно, что решение сложных вопросов для директивных органов — задача из области практически неразрешимых. И не приходится удивляться, что все решения по карабахскому вопросу, принятые за прошедшие 10 месяцев, не только не решили проблему, но и все более и более усложняли и накаляли обстановку, а руководство страны никогда не брало ответственность за ошибки на себя, а искало виновных на стороне. И вот нашло — Комитет «Карабах». Но главная причина в другом. Читая обзоры зарубежной прессы, слушая радио, я иногда удивлялся неосведомленности, непониманию сути вещей некоторыми изданиями, характеризующими Карабахское движение как националистическое. На самом

деле, начавшись с вопроса о Карабахе, оно очень быстро переросло в общедемократическое, антимафиозное. И в этом корень столь яростных нападков на наш Комитет. Дело в том, что советская мафия особая. Это мафия, находящаяся у власти. На родине мафии, в Италии, общественный шок вызывают сообщения о подкупе мафией отдельного сенатора или о членстве в мафии крупного чина полиции. А теперь представьте себе целые республики, руководимые мафией. Министры, секретари ЦК, прокуроры, судьи — все члены мафии. Представьте страну, где многие высшие руководители либо подкуплены, либо являются членами мафии, либо боятся ее, ее могущества, пасуют перед ней.

Святая святых мафии — это система назначаемости руководителей, т. е. можно за соответствующую плату получить практически любую должность, которая в свою очередь дает возможность назначенному обогащаться, отчисляя часть «заработанных» средств наверх по иерархической лестнице, и накопить сумму для покупки новой, еще более высокой должности. Поскольку на любые, даже на «выборные», должности на самом деле назначаются, то можно понять, сколь опасно для мафии общенародное движение, требующее реальной демократии, реального участия народа в выборах и назначениях на всех ступенях управленческой иерархии, разоблачающее существующий мафиозный механизм расстановки кадров. И не просто требующее, но и добивающееся своих целей. Достаточно вспомнить снятие с должностей и выборы новых секретарей Эчмиадзинского, Абовянского, Алавердского райкомов партии, изгнание народом с должностей многих высокопоставленных чиновников, снятие и выборы директоров целого ряда предприятий. Многие только догадываются о той степени ненависти, которую республиканская мафия питает к Карабахскому движению и его лидерам, если учесть, что так называемое «новое руководство» республики, которое Горбачев наградил эпитетом «перестроечное», на деле оказалось совсем ручным. Даже самый поверхностный анализ кадровых перемещений, совершенных с конца мая этого года, показывает: все изменения свелись к перестановкам внутри мафии, абсолютно не затрагивая ее сути, не подрывая ее корней.

Карабахское движение представляет большую опасность и для союзной мафии. Для трудящихся России оно — опасный пример массового движения со своими демократическими лозунгами и целым набором эффективных, давших уже конкретные результаты методов: митинги, демонстрации, забастовки, демократические выборы и т. д.

Таким образом, 10 декабря объективно совпали интересы провозгласившего перестройку Горбачева и противостоящей этой перестройке союзно-республиканской мафии по вопросу Карабахского движения: оно им не только мешало, но и представляло реальную опасность.

Горбачев совершил в этой ситуации крайне безнравственный выбор: воспользовался беспомощностью народа и Движения после страшной катастрофы, взял на вооружение всю бессовестную ложь, угодливо подsunутую ему мафией, и обрушил на активистов движения всю мощь репрессивного аппарата и пропагандистской машины.

Ложь, что активисты движения не участвуют в спасательных работах в районах землетрясения: с первого дня и по сей день, несмотря на провокационные действия властей и подлые аресты, подавляющее большинство активистов находится в районах бедствия, ни один из них не покинет своего места до окончания спасательных работ.

Ложь, что движение организовывало какие-либо митинги, выдвигало какие-либо требования по Карабаху после 7 декабря. Ничего подобного. 10 декабря войска разогнали не митинг, а людей, спешивших на спасательные работы. Одиннадцатого декабря разгоняли людей, сообщавших населению города о подлом аресте штаба спасательных работ в Доме писателей.

Ложь, что Комитет хоть как-то причастен к распространению панических слухов в городе. Такие слухи вполне естественны после такой трагедии, они — инерция страха, инерция трагедии, и Комитет, насколько это было в его силах, наводил справки и успокаивал людей.

Ложь, что Комитет рвется к власти; есть внутреннее решение: любой член Комитета, принявший какую-либо должность, механически теряет моральное право в нем состоять.

Ложь, что Комитет был против вывоза пострадавших на

отдых в санатории и лечебницы страны. А лозунг о том, что армян якобы переселяют в Сибирь (кстати, я впервые услышал это из уст Горбачева), столь низкопробен и лжив, что мог быть подброшен только идеологической комиссией ЦК компартии Армении.

Но ложь эта не бессмысленна. Среди людей, на которых обрушилось столько горя и несчастья, которым трудно сегодня ориентироваться, которым трудно сейчас вспомнить, кто им десять месяцев лгал и обливал их грязью, а кто не сказал ни слова лжи, есть и внимающие им, но все это временно.

Политика, основанная на лжи и безнравственности, неразборчивая в средствах, может привести только к поражению, а то и к трагическим последствиям.

Все силы нашего народа сегодня поглотило горе, борьба за спасение людей, с последствиями землетрясения. Поэтому сейчас задача всех демократических сил как нашей страны, так и за рубежом — остановить этот путь катастрофы, решительно заявить Горбачеву о его ошибке.

История последних 70 лет предупреждает: если допустить репрессии, антидемократические акции, безнравственность в одном, даже малом, регионе, все это потом охватывает всю страну и дает о себе знать во всем мире войнами и иными катаклизмами. И не надо искать, по ком сегодня звонит колокол. Он звонит по всем нам, в каком бы уголке Земли мы ни жили.

Что касается нашего народа, то я уверен, он найдет в себе силы, воспрянет духом даже после этой страшной трагедии и вновь заявит о себе как о сообществе, твердо вставшем на путь гуманизма и демократии.

18 декабря 1988 г., Ереван.

Мехти Мамедов

ПРОБЛЕМЫ НУЖНО РЕШАТЬ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

8 февраля 1989 г. редактор журнала «Форум» связался по телефону с Баку и попросил активного участника общественного движения Азербайджана, преподавателя Азербайджанского государственного университета, кандидата исторических наук Мехти Мамедова рассказать о ситуации в республике.

Малинкович: Сейчас об Азербайджане говорят только в связи с Нагорным Карабахом или с проблемами коррупции. Но я хотел бы начать наш разговор с другого. Меня интересует, как далеко зашла перестройка в Азербайджане. Существуют ли в республике демократические организации, независимые журналы, Народный фронт? Как далеко зашел процесс демократизации в вашей республике?

Мамедов: Дело в том, что у нас где-то в начале ноября возникла инициатива создать Народный фронт, но, однако, она осталась незавершенной. И кроме того у нас были созданы некоторые неформальные организации «Варлык», «Ченлибель» и т. д. Однако они не были политическими организациями. Это были литературные или, скажем, культурно-просветительные объединения. Некоторых людей, в основном представителей молодежи, привлекают к следственному делу и задают им вопрос: «Почему вы хотели организовать Народный фронт?» А ведь в других республиках, в Москве, скажем, в Прибалтике или в Татарии Народный фронт уже создан, он уже функционирует и участвует, причем весьма активно, в процессе демократизации и перестройки. А у нас это все смешивают с пропагандой межнациональной розни. Якобы, если у нас будет создан Народный фронт, он будет содействовать дальнейшему разжиганию межнациональной розни.

Малинкович: Видимо, так считают представители власти республики...

Мамедов: Да, так считают консервативно настроенные круги власти.

Малинкович: Как смотрит на это либеральная интеллигенция? Намерена ли либеральная интеллигенция, Азербайджана, скажем, по примеру прибалтийских народных движений, создавать массовый фронт в поддержку перестройки.

Мамедов: Я вам скажу одно. У нас очень даже хорошо относятся к процессу демократизации и национальному возрождению в республиках, но у нас в Азербайджане сейчас очень сложная создалась ситуация. Вот это антиармянское настроение, которое у нас сейчас есть, оно со многим, если не со всем переплетается. Вот так проблема межнациональных отношений, межнациональных конфликтов у нас очень сильно тормозит процесс демократизации. И поэтому я не думаю, что у нас, в общем-то, эта демократизация в скором будущем осуществится. Хотя, конечно же, эти процессы перестройки и демократизации у нас очень даже приветствуются.

Малинкович: Вы имеете в виду идею Народного фронта в поддержку суверенности республики в рамках Союза?

Мамедов: Да, конечно. Но у нас накопилось столько проблем, идущих из глубин истории. Их масса накопилась за десятки лет. Это и экологические проблемы, и проблемы демократизации различных слоев общества. Ну, а что касается движения за суверенитет республики, то у нас это развивается сложно, как-то неопределенно. В каком смысле? В том смысле, что у нас сейчас даже нет конкретной программы для этого. Как только делается какая-то попытка, то она считается попыткой создать националистическую организацию или чем-то подобным. Но это вовсе не так, потому что у нас тоже есть здравомыслящие представители — и среди интеллигенции, и среди различных слоев населения. К тому же у нас даже нет обыкновенной связи с демократически настроенными писателями или с какими-то группами правозащитников, или неофициальными

журналами «Гласность», «Референдум», «Экспресс-хроника». У нас сейчас идет очень сложный и не всегда понятный процесс. Было бы хорошо, если бы Вы помогли информировать общественное мнение о процессах, которые происходят у нас в республике. Ведь очень многие невинные люди привлекаются к следствию — люди, которые вообще не имеют никакого отношения к пропаганде межнациональной розни.

Малишковиц: Но и нам трудно освещать события в Азербайджане и вам, видимо, трудно в изоляции. По-видимому, речь идет о необходимости для ваших либералов, для ваших демократически настроенных интеллигентов наладить связи с центральными республиками, с прибалтийскими республиками. Это и вам дает какую-то поддержку и, конечно же, больше информации поступит в открытое общество.

Мамедов: Верно, Вы совершенно правы.

Малишковиц: Я хочу все-таки коснуться проблемы Нагорного Карабаха. Конечно, это очень острая проблема, и мне кажется, что здесь есть один аспект, который беспокоит очень многих людей, живущих за пределами Кавказа. Это проблема мусульманского возрождения, в частности, вопрос о мусульманских традициях в Азербайджане. У вас мусульмане, в основном, шииты, у вас в Азербайджане традиционно интеллигенция ориентировалась на Иран. А в Иране сейчас страшный режим Хомейни, и, естественно, очень многих пугает перспектива мусульманского фундаментализма в Азербайджане. Насколько она опасна?

Мамедов: Владимир Дмитриевич, я Вам могу сказать с уверенностью, что эта опасность не велика. Я убежден в этом. Недавно совсем, месяц-полтора тому назад, я по Би-Би-Си слушал интервью. Там тоже был задан такой же вопрос: Насколько движение мусульманского фундаментализма в Азербайджане реально? По моему мнению, о фундаментализме, мусульманском фундаментализме в Азербайджане не может идти речи, потому что мусульманство здесь носит довольно примитивный характер. У нас Коран простому народу недоступен. Кроме того, у нас очень

многие города не имеют мечетей. Понимаете, что это такое? Города Сумгаит, Алибайрамлы, Мингечаур и другие промышленные города и многие населенные пункты лишены мечетей, какая может идти речь о мусульманской традиции. И поэтому разговор о мусульманской угрозе в Азербайджане — он какой-то совсем нереальный. У нас очень своеобразно проявляются мусульманские традиции. Обычно на похоронах у нас очень строго придерживаются обычаев мусульманских. В республике очень сложно с кадрами — с кадрами духовенства... У нас нет ни одной духовной школы, для подготовки мусульманских кадров. Вы говорите, что мусульманская ориентация у нас на Иран, но я бы не сказал, что это так. Иными словами, у нас мусульманские традиции слабее, чем в Средней Азии. Там они намного сильнее выражены, чем у нас, в Азербайджане. Азербайджан — это республика с большими интернациональными традициями. Здесь очень много представителей различных этносов. Я могу сказать, что мусульманство у нас нельзя считать направляющей идеей, движущей силой.

Малишковиц: Но во время демонстраций в Баку, довольно массовых демонстраций, развивались и зеленые знамена ислама, люди несли и портреты Хомейни. Это, конечно, нануло и демократическую общественность в стране, в Советском Союзе, и очень многих за рубежом. Несколько массовым было это движение?

Мамедов: Вы понимаете, у нас на демонстрации и митинги (я тоже участвовал в этих митингах, продлившись где-то 17-18 дней) выходили также представители студенчества из арабских стран. Как Вам известно, у нас в Баку очень много таких студентов, и они тоже участвовали в митингах. Они-то и несли вот эти знамена, зеленые знамена пророка. А это придавало специфический характер демонстрациям в Баку. Мол, в них и мусульманские представители участвуют. Они, конечно, тоже участвовали, но все же можно считать, я думаю, ошибочным мнением, что это были мусульманские демонстрации.

Малишковиц: Понятно. То есть, Вы не считаете, что опасность мусульманского фундаментализма сейчас в Азербайджане серьезна?

Мамедов: Я бы сказал: нет, не существует такой опасности!

Малишковиц: Хочу еще один вопрос задать — вопрос о Нагорном Карабахе. Желательно, по-видимому, какое-то компромиссное решение. Не будем касаться исторических проблем Карабаха, но, очевидно, что очень многие армяне, наверное, подавляющее большинство армянского населения Карабаха, недовольны статусом, который существовал и существует. Может ли азербайджанская интеллигенция пойти навстречу требованиям армян, искать возможности компромисса, быть может, при помощи московской либеральной интеллигенции?

Мамедов: У нас широко обсуждается новая, довольно своеобразная форма управления Нагорным Карабахом. Я не считаю это решение компромиссом. Ну, в какой-то мере это можно рассматривать, так сказать, как последний шаг в попытке примирить наши народы, удовлетворить желание армянского населения. Но дело в том, что у нас на это смотрят так: здесь нет никакого компромисса, потому что азербайджанскому народу ничего не было обещано. И кроме того, у нас очень остро стоит сейчас проблема беженцев из Армении. Они бросили там свои дома, свое хозяйство и бежали из Армении. Ну и отсюда тоже очень многие уезжали. Было объявлено, что из Армении вернулось к нам где-то около 44 тысячи человек, а из Азербайджана в Армению — 4 тысячи человек. Эта официальная информация.

Малишковиц: Да, это известно. Я знаю, что всего около 150 тысяч азербайджанцев бежало из Армении. Это очень сложная проблема, но, тем не менее, надо как-то искать взаимопонимания. Невозможное существование двух народов, живущих бок о бок и находящихся в состоянии непрерывной войны, непрерывной взаимной нетерпимости. Готова ли (я еще раз хочу спросить) азербайджанская интеллигенция искать шаги к примирению? Может, я повторяю, при помощи московской интеллигенции? Вы знаете таких писателей и поэтов, как Приегавкин, Евтушенко и Окуджава, которые известны своим интернационализмом. Вы знаете правозащитников Сахарова, Богораза, Ковалева. Может быть, с их помощью все-таки удастся наладить

разговор с армянами, чтобы все-таки с этой ненавистью покончить. Считаете ли вы это возможным?

Мамедов: Владимир Дмитриевич, это предложение у нас рассматривается очень даже позитивно. Я недавно слушал Сергея Ивановича Григорьянца, и он тоже предложил попытаться как-то ослабить это противостояние между армянами и азербайджанцами. Мы тоже считаем, что это очень даже мешает процессу демократизации, особенно в Азербайджане и в Армении. И, конечно, всё это нужно решать за «круглым столом», т.е. тем путем, что предложен Вами. Я совершенно согласен с тем, что этот конфликт нельзя решать путем насилия или другими какими-то недемократическими методами. Но Вы знаете, нас очень даже насторожило и даже породило у многих несимизм обращение Андрея Дмитриевича Сахарова, его высказывание, что якобы у нас в Азербайджане, в Баку, в ноябре демонстрации и митинги носили антиармянский характер, сугубо антиармянский характер, что здесь готовится геноцид армян. Вы знаете, нельзя так считать, если реалистично думать. Потому что у нас в Азербайджане тоже есть здравомыслящие люди. Их много и среди представителей интеллигенции и среди народа. Я согласен с тем, что у нас действительно имеются очень сильные антиармянские настроения, и мы должны их как-то ослабить — уже время, уже пора. Это принесет и нам, и армянам пользу. И то, что касается политического решения проблемы Нагорного Карабаха, то это, конечно, тоже необходимо. Это разумно, нужно искать выход, с помощью либеральной московской интеллигенции особенно. С помощью и Евлуненко, и Баткина, и Андрея Дмитриевича Сахарова и т.д. Но у нас, знаете, просто нет с этими людьми связи. Когда они у нас бывают, приезжают — уезжают, многие из нас не могут, не имеют возможности встретиться с этими людьми, чтобы обменяться мнением и впечатлением — выслушать их предложения, рассказать, как у нас всё это рассматривается. У нас в Баку сейчас действует комендантский час, особый военный режим, и поэтому у нас ограничено передвижение, ограничены встречи с различными людьми. У нас полностью отсутствует связь с Нагорным Карабахом. И главное, нам

нужна помощь, чтобы мы могли связаться с московскими интеллигентами, с представителями демократической общественности в других республиках.

Малишковиц: Насколько я понял из нашей беседы, во многом препятствует улаживанию армяно-азербайджанского конфликта то, что азербайджанская интеллигенция в значительной мере не консолидирована и кроме того находится в изоляции от демократически настроенной интеллигенции других районов страны. Мне кажется, что эту изоляцию было бы хорошо преодолеть, и это поможет решению сложных межнациональных проблем.

Большое Вам спасибо.

8 февраля 1989 г.

«ИСЛАМ И ДЕМОКРАТИЯ»

21 февраля сотрудник радио «Свобода» Савик Шустер связался по телефону с председателем среднеазиатского Комитета общества «Ислам и демократия» Алмазом Естековым и попросил его рассказать об этой недавно созданной организации. Мы публикуем выдержки из беседы.

Шустер: Что собой представляет движение «Ислам и демократия»?

Естеков: Движение «Ислам и демократия» — это новое движение, связанное с тем, что многие служители мусульманской мечети, многие верующие мусульмане считают, что Коран всегда уделял внимание демократии. В священном писании, в коране, сказано, что Аллах призывает мусульман к братству на земле, что все люди должны быть равны, что кроме Бога над человеком никого нет выше. Человек не имеет право эксплуатировать другого человека. Это самое главное, что донес нам устами пророка Мухамеда Господь наш. Ислам — это наша вера. Если у нас отнимут нашу веру, то отнимут и нашу душу. Мы перестанем существовать как нация, погибнет наша культура — и это самое ужасающее. Сегодня очень много молодых людей, которые не хотят одурманивать себя ни наркоманией, ни пьянством. Они разочарованы, не довольны этой жизнью, этой системой. Они находят себе отдушину, находят приют именно в исламе. Они идут с гордостью в мечеть. Сегодня в Джалалабаде, в Ташкенте, в Бухаре, в Самарканде, в Джамбуле, в Чимкенте увеличилось число верующих молодых людей, и это свидетельство того, что люди хотят жить немножко по-иному. Они устали от всего этого.

Шустер: Как велико ваше движение?

Естеков: Движение «Ислам и демократия» организовалось, начиная с октября прошлого года. 28-го октября собрался Исламский совет согласия. Это восемь имамов и

часть кари (кари — это люди, которые не кончали медресе, но знают наизусть коран). Эти люди собрались и выработали нашу программу, наш устав, нашу декларацию и затем под этим подписались. Приняв программу, мы начали свою работу. Подключилось сюда мусульманское движение Андижана, Бухары, Самарканда. Несколько подпольных имамов обучили по 10 человек. Всё шло, как потайные воды, — развивалось как движение познания корана, обучения молодых, и так далее, и так далее. Число людей у нас уже достигло двух с половиной тысяч.

Шустер: В начале февраля движение «Ислам и демократия», насколько нам известно, организовало демонстрацию в Ташкенте против Бабаханова, и в конце концов Бабаханова сняли. Является ли это признаком силы вашего движения?

Естеков: Мы не имеем никаких технических средств, не имеем никакой помощи, не имеем возможности распространять литературу. Мы решили своими силами предпринять какие-то практические шаги, надеясь только на волю Господа нашего, на имя Аллаха. Мы пытались таким образом начать действовать. В январе, в течение двух недель, объездили мы все кишлаки и все города. Кто ездил? Хаджи Саид — имам Янгибадской мечети, Булат Акай — имам Ташкентской мечети, Сафар Али Калимов — председатель Исламского совета согласия, и я — председатель комитета «Ислам и демократия». Мы объездили все аулы и кишлаки, районные города и агитировали людей. Мы показывали документы, свидетельствующие о том, что Бабаханов — это, во-первых, человек, не знающий ни одной, буквально ни одной, фразы из Корана. Человек пьющий, человек развратный, и какой позор перед Господом, что нас возглавляет вот такой человек, такой муфтий. Свидетелем является имам Булат, который в 1974 году, будучи вместе на Хадже в Мекке с Бабахановым, по просьбе Бабаханова читал вместо него хазы из Корана, проводил все мусульманские обряды, ибо сам Бабаханов ничего не знает. Но зато он устраивает власти, устраивает КГБ. Поэтому мы и создали комитет «Ислам и демократия», и первый наш практический шаг был, когда мы в конце января вывели на улицы Ташкента, прямо к зданию ЦК партии, 500 человек с плакатами, с требованиями убрать муфтия Бабаханова.

Шустер: Как сейчас относятся местные власти к вашему движению и к исламу в целом?

Естеков: Власти сначала пытались через религиозных деятелей преградить нам дорогу. Многие имамы, в том числе сам Бабаханов, на съезде заявили, что вот объявилось новое движение «Ислам и демократия», которое отводит от нас людей. И надо бы усилить свое воздействие на людей, чтобы показать, что «Ислам и демократия» пагубно для ислама. Но жизнь опровергла эти утверждения — народ фактически пошел за нами. Люди предпочитают не ходить в государственные мечети, потому что в понимании простых мусульман каждый имам — либо номенклатурный работник партийных органов, либо сотрудник КГБ.

Шустер: В какой мере возрождение ислама в СССР связано с войной в Афганистане, с тем, что исламскому движению в целом удалось победить.

Естеков: В нашем воззвании к мусульманам мы писали, что московская политика открыла свое истинное лицо. Это лицо двурогого дьявола. Именно экспансия в Афганистане — тому свидетельство. Именно притеснение крымских татар — тому свидетельство. И притеснение нашего ислама — тоже тому свидетельство. Поэтому наша задача сейчас сказать: мало того, что советские войска выведены из Афганистана — этого мало. Важно, чтобы наши братья по исламу в Афганистане не вступили бы в войну между суннитами и шиитами, которая их ожидает. Нам нужен сильный мусульманский Афганистан на юге. Нам нужны сильный Иран и Ирак. Знамя ислама сегодня — Аллах. И сказал Аллах: «Я ничего не изменю на земле, покуда сам человек не пожелает изменить того, что у него под руками».

Шустер: Вы представляете комитет Средней Азии и Казахстана, то есть суннитский комитет. Как складываются ваши отношения с шиитами?

Естеков: Наши отношения с шиитами? Возьмем нынешние события в Нагорном Карабахе. Азербайджанцы, в основном, — шииты. И мы стараемся наладить с ними контакты. Мало того, мы хотим убедить шиитов, что сегодняшний газават по отношению к армянским христианам, и то, что делается от Вазгена I христианами по

отношению к мусульманам, — это лишь на руку московской политике. Ибо виновником этого конфликта является наша прогнившая политико-экономическая система. Она виновница конфликта. И она хочет с больной головы на здоровую свалить вину свою. Она разжигает религиозный конфликт в Нагорном Карабахе, чтобы потом обвинить мусульман и христиан. И поэтому мы против газавата,* который объявил белый имам Азербайджана. Наоборот, сегодня надо примириться, примирить душу с Богом. Сила именно в единении религиозных общин.

---

*Азербайджанские историки Мехти Мамедов и Етибар Мамедов категорически опровергают утверждения Алмаза Ёстекова о каком-либо газавате, объявленном «белым имамом» Азербайджана.

Камил Икрамов

БЫСТРОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРИ ПЛОХОЙ ВИДИМОСТИ

В декабре 1988 г. редактор журнала «Форум» взял интервью у известного советского писателя Камила Икрамова.

К. Икрамов — народный писатель Узбекистана, автор книги рассказов «Злая мачеха», романов «Пехотный капитан», «Всё возможное счастье», целого ряда публицистических статей, недавно опубликованных в журналах «Огонек», «Собеседник», газете «Советская культура» и других центральных изданиях.

Малишковиц: Камил Акмалевич, Вы известный советский писатель и говорить мы будем сейчас о проблемах Советского Союза, но ... в Германии. Что привело Вас сюда?

Икрамов: Привела меня сюда крайне тяжелая болезнь. И, с точки зрения врачей, только здесь, в Кельне, есть профессор, профессор Хайнц Пихельмайер, который делает эти операции. И несмотря на то, что я уже почти 30 лет член Союза писателей и еще двух творческих союзов, возможность поездки в Германию на лечение никогда не была для меня реальной, она и перед самой поездкой казалась мне абсолютно несбыточной. Судите сами: ведь основным документом для того, чтобы отправить меня сюда, послужила телеграмма Льва Зиновьевича Конелева о том, что лечение мне здесь обеспечено. Так вот, телеграмма Конелева и решила вопрос о моей поездке. Но следует иметь в виду, что совсем недавно дружба с Конелевым могла сильно повредить любому гражданину, любому писателю, особенно если вопрос стоял о зарубежной поездке. Сегодня телеграмма Льва Зиновьевича обеспечила мне, в общем говоря, спасение жизни. Я бесконечно благодарен замечательному хирургу, профессору Пихельмайеру, который сделал мне сложнейшую операцию в университетской клинике Кёльна, его персоналу, достойному своего патрона.

Сегодня я не могу не сказать о другом профессоре, о профессоре Носрате Фирузяне, который занимается моей реабилитацией в Реклингхаузене, в больнице, которая у нас считалась бы районной и в которой сегодня меня ставят на ноги, проводят огромный цикл лечебных процедур. Не буду вдаваться в подробности, но и то и другое стало возможным, потому что у нас в стране в корне изменилась ситуация. Я довольно много прочитал здесь за те два месяца, что нахожусь на лечении, но не нашел ни одного советолога, который бы три, два и даже год назад мог бы предсказать те конкретные изменения, которые уже произошли в жизни страны. И в области демократизации, которая идет так сложно, и в области движения в сторону правового государства, которое тоже, может быть, идет не так быстро, как хотелось бы. Наивно и недооценивать первые шаги в реформе экономики. Вот ведь странность: прежде советологи могли предсказывать события куда более точно, правда всегда в сторону нессимальную.

М.: Это безусловно, но давайте все же вернемся из сегодняшнего дня на 60 с лишним лет назад. Вы — сын известного партийного руководителя, который с 29 года по 37-й возглавлял компартию Узбекистана, — Акмаля Икрамова. В 38-ом году Ваш отец вместе с Бухариным и Рыковым погиб от рук сталинских палачей. Вы в свое время писали о том, что конфликт Вашего отца со Сталиным впервые проявился в 1923 году. Не можете ли Вы сказать в чем была причина, суть этого конфликта?

И.: Да, это очень важная тема, но я хотел бы заметить следующее: При анализе исторической ситуации критики, исследователи слишком часто игнорируют добрую волю участников революционного процесса. И тут важно отметить, что мой отец, будучи потомственным интеллигентом, (он принадлежал к 13-му поколению интеллигентов в своем роду), знавшим уже несколько языков к своему совершеннолетию. Когда он вступил в революцию, стоял перед дилеммой: как будет развиваться его страна? По одну сторону был кровавый, лютой и абсолютно обскурантистский средневековый режим того типа, что был рядом с

Ташкентом — в Бухаре или в Хиве — и режим этот устраивал царскую администрацию сверху донизу. А царская администрация (и об этом мы очень часто забываем) в канун и в разгар Первой мировой войны вела совершенно невероятную шовинистическую пропаганду. Я исследовал этот вопрос внимательно. (Есть об этом в моем романе «Всё возможное счастье», Москва, 1979 г.). Сейчас не место говорить о подробностях, но когда я думаю о том, что столица огромного государства, огромной империи в самом начале, в первый месяц войны была переименована из Санкт-Петербурга в Петроград (как объяснялось тогда, «по воле национального чувства»), я полагаю, что это свидетельство невероятного националистического затмения. Ведь Санкт-Петербург наречен основателем, самим Петром. Так вот в ситуации безудержного великодержавного шовинизма программа социал-демократов (в частности программа большевиков, и в особенности ленинская национальная программа) была необычайно притягательна для каждого порядочного, интеллигентного человека. Надо представить себе тогдашний Туркестан, задавленную, голодающую колонию, и тогда будет легко понять активную часть местного населения, ставшую на путь революции, национального и экономического высвобождения. На сторону Советской власти. Я думаю, что, окажись мы в этой ситуации тогда, мы, сегодняшние люди, — мы поступили бы точно так же. Другое дело, как все это начало трансформироваться потом, позже, при Сталине. А конфликт, между моим отцом и генеском, проявился довольно рано — в открытом столкновении летом 1923 года. Поводом стала так называемая султан-галиевщина.* Это произошло на совещании по национальному вопросу, стенограмма которого хотя и не переиздавалась, но, в общем, доступна. У этого конфликта тоже была своя предистория. Дело в том, что теленинские высказывания, где он так резко и недвусмысленно говорит об опасности шовинизма, конечно, не могли не притягивать к себе лучших людей того времени и их добрую волю. Но именно тогда

---

*О М. Султан-Галиеве см. статью в «Форуме» № 12, сс. 96-100.

Сталин все настойчивей стал применять жупел национализма, с обязательным прилагательным «буржуазный». Борьба с национальным самосознанием велась планомерно и только внешне проявлялась в форме борьбы со старой интеллигенцией, — на самом деле это была чисто шовинистическая, великодержавная, по-русски сказать, черносотенная политика, против которой боролись такие люди, как мой отец. А так же многие партийные работники и деятели культуры на Украине, и в Белоруссии, и в Грузии. И, как Вы знаете, со всеми с ними Сталин расправлялся с самого начала и очень коварно, и очень кроваво.

М.: Это верно, но если в 20-ые годы многие участники национальных движений пошли за большевиками, потому что рассчитывали на освобождение своих народов, то где-то к середине 30-х годов было, по-видимому, уже очевидно, что Сталин взял курс на шовинизм, на великодержавный шовинизм, на традиции той самой Российской империи, против которой демократические силы нерусских народов в свое время выступали. Почему же, в 30-ые годы люди, подобные Вашему отцу, не отреагировали на такое изменение национальной политики большевиков?

И.: Дело, на мой взгляд, обстояло иначе. Вот, к примеру, в 29-ом году в Узбекистане была предпринята ГПУ широкая акция как раз по уничтожению местных национальных кадров. В истории Узбекистана известно дело Рамзи и Бату. Рамзи был председателем Научного совета (прообраз республиканской Академии Наук), а Бату, поэт Бату, был одним из руководителей Наркомпроса. Они были арестованы. Я долгие годы не мог простить моему отцу, что он допустил эти аресты, будучи уже первым секретарем ЦК (вообще-то, мой отец стал секретарем компартии Туркестана уже в 1921 году, а в 1929 — стал первым секретарем компартии Узбекистана).

Да, я обвинял отца с той категоричностью, с какой дети легко винят родителей. «Ну как же он мог допустить несправедливые аресты?»

Но в конце пятидесятых годов судьба свела меня в Самарканде с одним из ближайших друзей Рамзи и Бату, их

«подельником», ныне покойным Рахимбеком Шакирбековым, членом партии с 1918 года. Когда я спросил его: «Как же мой отец мог допустить?», Шакирбеков очень рассердился на меня, огорчился, что я не знаю истории. «Дело в том, объяснил Шакирбеков, — что они хотели арестовать Акмаля, а смогли арестовать только нас.» Он подробно рассказал о действиях ГПУ, о фальсификации дел, о методах допросов и о том, как мой отец пытался спасти от ареста Шакирбекова именно в 1929 году. Как планомерно и неотвратно надвигался террор.

«Боже мой, я никогда не думал, что у нас это так рано началось» сказал я — «Почему у нас?» сказал Шакирбеков. — Это началось повсеместно — по всей стране уничтожали национальную интеллигенцию».

М.: Очевидно. На Украине в это же время, в начале 30-х, были уничтожены почти все писатели. Из 250-260 писателей более 220 оказались в заключении, многие погибли. Это было действительно повсеместно. И тем более удивляет, что в 30-ые годы (я не говорю о Вашем отце конкретно, я говорю о многих большевиках, рассчитывавших на демократизацию межнациональных отношений) сопротивления сталинизму внутри партии не было.

И.: Если взглянуть сегодня в биографию, допустим, Бухарина или Рыкова, то становится ясно, что уже в 1929 году, когда их громили, они были уже совершенно лишены возможности сопротивления. Однако невозможность реального сопротивления в те годы, никем всерьез не исследована. Уже к этому времени они могли действовать только исподволь (я не хочу употреблять слово «подпольно»). Понимаете? И они надеялись, что соберут силы, что они сумеют. Но когда началась коллективизация и раскулачивание чудовищные страдания народа, гибель класса крестьянства, тотальный голод в огромных регионах, то на их фоне проблема внутрипартийной демократии, возможность или невозможность существования оппозиций и фракций, да и национальные проблемы отошли на второй план. На равных правах вымирали русские, украинцы, казахи. Это уже начало 30-х, но Бухарина, Рыкова, Томского

и их сторонников Сталин разгромил в 1929 г. Так что практических возможностей сопротивления внутри партийного и государственного аппарата не было никаких. Это важно констатировать, чтобы не объявлять пособниками Сталина в тридцатые годы тех, кто к тому времени был пусть в скрытой, неоформленной и разобщенной, но оппозиции.

М.: В чем же все-таки причина бессилия завтрашних жертв? Только ли в воле Сталина или в самом механизме власти, в системе, которой нельзя было даже сопротивляться?

И.: Без сомнения эта система родилась очень рано. Мы постоянно говорим про ГПУ и про ОГПУ, но забываем полное наименование организации — «Объединенное государственное *политическое* управление — политическое (!) управление. А посланцы ОГПУ на местах назывались полномочными представителями и обладали невероятной властью к тому моменту. Они могли арестовывать членов партийных комитетов без решения данных партийных комитетов, просто по указанию Москвы или получая указания Москвы после своих действий. Так было по всей стране.

М.: А не кажется ли Вам, что НЭП, хотя и был в свое время успешным, завершился неудачей (так же, как завершилась неудачей и ленинская национальная политика), потому что это была *только* новая национальная и *только* новая экономическая политика, а политических изменений в 30-ые годы не было. Та же система власти, которая существовала в эпоху военного коммунизма, сохранилась и в 20-ые годы, совсем небольшая группа людей уполномочена была решать судьбы страны. Власти Советов, как таковой, — той самой, о которой сегодня говорят многие, в частности Горбачев, по сути и в 20-ые годы не было.

И.: Но зато рос и набирал силу репрессивный аппарат.

М.: Я с Вами здесь совершенно согласен. Вы тоже жертва этого репрессивного аппарата. В 1943 году Вы были арестованы — как только вам исполнилось 16 лет, если я не ошибаюсь, — и дважды находились в заключении.

И.: В общей сложности, с лагерем и ссылкой, 12 лет. Но это уже были, так сказать, последствия. Дело в том, что еще в середине 30-ых годов были арестованы близкие родственники отца. Один вроде бы по подозрению в шпионаже, в связи с тем, что учился в Германии. Но это была не только фальсификация, но и предлог важно было выйти на Икрамова. Так дядя Исмаил, сын старшей сестры моего отца, которую отец очень чтил, был такой жертвой. Старшая сестра отца Рухсора была замечательной женщиной. Она рассказывала мне, как следователь в Ташкенте настойчиво советовал ей пойти к своему брату и уговорить его, чтобы он похлопотал об освобождении Исмаила. Но она этого не сделала, потому что сын при свидании дал понять, чтобы не слушала следователя.

Вы представляете себе, отец первый секретарь, он сто раз фотографировался рядом со Сталиным, именем отца (по моде введенной Сталиным, как китель и сапоги) назывались заводы, стадионы, улицы и населенные пункты, а «органы» уже набирали компромат. Характерно, что отец сам сказал сестре Рухсоре, сам вышел на этот разговор: «Я ничего не могу здесь сделать. Как только Исмаил выедет за пределы Узбекистана, я сумею помочь». И действительно, как только дядя Исмаил прибыл по месту заключения, он был расконвоирован и затем освобожден. Правда, очень скоро его вновь арестовали и тут же расстреляли. Теперь-то именно потому, что за него заступался Икрамов.

М.: Когда Ваш отец был убит Сталиным, Вы были десятилетним ребенком. Как Вы относились к Сталину и как Вы относились к отцу до своего ареста — когда Вам было, скажем, 15 лет?

И.: Это необычайно сложно объяснить человеку нового поколения! Вот почему значение массовой пропаганды и всеобщего затмения достойно серьезного художественного исследования и изображения, которых все еще мало. Много упрощают и все хотят быть умны задним умом.

М.: Пожалуй, *только* художественным исследованием не обойтись.

И.: Да, но я говорю «художественного» в том смысле, что я даже не знаю, можно ли объяснить это с научной точки зрения — разве что с точки зрения психиатра. Ведь величие Сталина оставалось долгие годы какой-то бесспорной и мистической доминантой. И кроме всего, эта проклятая политическая целесообразность, — она тоже казалась очень важной. Я понимал, что мой отец не вредитель, не английский шпион, но я думал, что была некая политическая борьба, жертвой которой он стал. Ну, а поскольку Сталин был безгрешен, естественно, что его политические противники, видимо, совершали какие-то ошибки или даже грехи. Мне стыдно признаться, но впервые я до конца понял, что такое Сталин, лишь в 1951 году. Может быть, чуть раньше. Так или иначе, запомнилось, как в 1951 я, отбывший первый срок и находившийся после второго ареста в ссылке, лежал ночью в пустыне на кошке, укрытый другой кошмой. Вокруг ходили козы и бараны, было замечательное звездное небо. Я лежал и думал о том, что, если бы сейчас явился волшебник и предложил бы мне не три желания — нет, а только одно, — какое бы желание я ему продиктовал? Нет, не свободу, не воскрешения родных и близких. Я хотел одного — попросить у Волшебника, чтобы в небе над Москвой (почему-то я не думал обо всей стране) висели, написанные ночью огненными буквами, а днем черными, два слова: «Сталин — говно!» Я очень четко помню эту ночь и тот нехитрый текст.

М.: В лагере Вам, вероятно, приходилось встречаться с людьми, которые по-разному относились к Сталину: были и те, кто считал, что они — жертвы политической борьбы, а были, наверное, и откровенные противники системы.

И.: Да, но так получилось, что люди, с которыми я был в лагере и которые очень хорошо ко мне относились, — представляли спектр, так сказать, от социал-демократов в сторону большевиков. И большевики. Дело в том, что к этому времени почти не оставалось представителей других партий в лагерях. Меня арестовали в 1943г., в лагерь я попал в 44-ом. С другой стороны, там было много к этому времени коллаборационистов, полицаяв. Наверное, среди них были и такие, кто кое-что понимал и мог бы рассказать (а может

быть, даже рассказывали — не помню) о Сталине и о его преступлениях. Но шла война, понимаете, шла война, и было только две позиции. Одна за Родину и за Сталина. Это обязательный дуэт. А все, что против, — это против Родины и Сталина. Так оно сложилось. Война очень сильно помогла Сталину в этой поляризации. История часто не оставляет возможности для третьего пути. Он кажется заманчивым для историков, но невозможным для современников.

М.: Давайте вернемся опять в наше время из того военного. Сегодня, по-моему, в советской печати сталинизм как явление уже разоблачен.

И.: Да. Хотя еще недавно казалось, что на это нужно много времени, — разоблачение в целом состоялось. Правда, недавно некие национал-экстремисты на своем собрании приветствовали небезызвестного отставного прокурора Шеховцова, который борется за честь имени Сталина в судебном порядке. Это я узнал из газеты «Советская культура» уже здесь.

М.: Ну, и теперь, по-видимому, самая важная задача закрепить — и законодательно, и в сознании людей, и в правосознании нации — достижения перестройки. И мне кажется, что очень важно сейчас заняться пересмотром национальной политики нынешнего советского руководства. Этот пересмотр уже происходит — происходит он прежде всего в Прибалтике. Там не только общественные движения, но и государственные органы принимают решения, которые соответствуют, по сути, принципам ленинской национальной политики, политики создания союза суверенных республик. Ваше отношение к решениям прибалтов?

И.: Мне кажется, что в целом другого пути, чем возвращение именно к осуществлению ленинской идеи Союза Советских Социалистических республик, идеи объединения *полноправных* республик, — другого выхода сегодня нет. Но проблема заключается в том (и это постоянно игнорируют наши историки и теоретики — на протяжении десятилетий игнорировали), что Ленинград —

это не Баку, а Таллинн — не Самарканд, и что пути демократизации, аспекты плюрализма мнений — для прибалтов являются совершенно реальными и осуществимыми, в то время как в других регионах (я беру не только азиатские, не только, традиционно исламские регионы) к этому еще практически не готовы. Владимир Дмитриевич, я опубликовал несколько статей и интервью, где касаюсь национального вопроса.

М.: В частности в «Собеседнике».

И.: В частности в «Собеседнике». Но нигде не прошла сказанная мною фраза о том, что если бы в каких-то определенных регионах у нас появился бы человек типа Ле Пэна французского, то он бы собрал не 10 или 15 процентов голосов.

М.: Я боюсь, что это касается не только национальных республик, но и самой России. Мы сегодня имеем общество, подобное обществу Ле Пэна во Франции, это общество называется «Память». Как, кстати, Вы относитесь к этой организации и к тем людям, которые поддерживают общество «Память»?

И.: Порой кажется, что это та самая сила, которая может погубить не только нынешнюю перестройку, но и в целом Россию, — именно общество «Память». Я, может быть, недостаточно хорошо знаю внутреннюю структуру и тайные программы этого общества. Но и то, что выплескивается наружу то, с чем мне приходилось сталкиваться, поражает феноменальным обскурантизмом. Возьму на себя смелость сказать: если то, что происходит в Прибалтике — в Эстонии, Латвии и Литве, никак не провоцируется деятельностью «Памяти», то то, что случилось в Азербайджане и в Армении, без влияния «Памяти» не произошло бы. Я говорю о подражании «старшему брату», которому нас столько лет учили подражать. Некоторое время назад пришел ко мне коллега по одной из моих художественных профессий и предложил вместе с ним сделать некое произведение, прославляющее «люберов» — эти зачатки штурмовых отрядов, которые тогда появились в городе Люберцы под

Москвой. Коллега объяснил мне, что нынче, мол, единственная надежда на молодежь, которая будет защищать русскую национальную идею от нашествия всех и всяческих инородцев. Я сказал этому моему гостю: — «Недалеко от Ташкента, примерно как Люберцы от Москвы, есть город Чирчик. И вот представь себе, что могут возникнуть отряды чирчикеров, которые будут кулаками защищать узбекскую национальную идею. По аналогии. Как ты к этому относишься? Тебе не становится страшно за тех русских, которые окажутся в поле зрения этих чирчикеров?» К счастью, ничего такого плохого про город Чирчик я не знаю, но слово «чирчикер» само по себе хорошо звучит в данном контексте. Мой собеседник сказал: «Ну что ж, кровушка прольется, пусть». Такова идеология. Таков гуманизм.

М.: Пугает, что эти идеи поддерживаются очень многими. Недавно в Москве была выставка Ильи Глазунова, где было огромное панно «Сто веков». У Льва Николаевича Толстого, изображенного на этой картине, висел на груди плакат с масонскими знаками и сионистской звездой Давида. Это явная провокация, явное утверждение, что все беды России — результат жидо-масонского заговора. И тем не менее москвичи на выставку шли, были огромные очереди, многие требовали продления этой выставки. Так что эти идеи, к сожалению, имеют, по-моему, общественную поддержку.

И.: Я не был на выставке Глазунова и сейчас с ужасом слушаю о том, что Лев Николаевич Толстой объявлен жидо-масоном. Но, с другой стороны, это вполне вписывается в то, что происходит. В то, что принято называть идеологической бомбой. Кстати сказать, когда я смотрю некоторые издания, к которым интеллигентная эмиграция относится с презрением (не хочу пропагандировать и называть эти издания), то меня берет оторопь. Мне говорят, что здесь, на Западе, в эмиграции, эти издания не пользуются никакой популярностью. Но к сожалению, я не могу сказать, что их шовинистские идеи не находят сторонников у нас.

М.: И причем ее поддерживают не только откровенные экстремисты: антисемиты, шовинисты, но и некоторые

известные русские писатели, что, естественно настораживает.

И.: Да, это меня убивает, тем более, что с некоторыми из них я дружил и относился к ним с уважением. Я пытался объяснить, что не социалисты-утописты виноваты в том, что произошло в России. И вовсе не фаланстеры, а Сталин создавал на Украине, на Кубани, и в Рязани. Что особенность была не в опоре на инородцев как таковых, а на *опричнину*, на тех, кто социально, нравственно, религиозно *опричь* данной общности, крестьянской, индустриальной, интеллектуальной и т. н. И когда вслед за Достоевским у нас говорят о том, что эти идеи пришли с Запада и нас погубили, то, почему-то никому не приходит в голову, удивиться, что идеи пришли с Запада, но на Западе почему-то в таком виде не восторжествовали. Значит, здесь нашли почву, чтобы взойти не злаками, а беленой.

М.: Мы сейчас говорим о крайних формах русского национализма, но, наверняка, крайние формы национализма есть и как-то проявляют себя в Средней Азии. В чём *особенности* национализма в частности, в Узбекистане?

И.: Тут есть по меньшей мере два аспекта. Один, очень сложный экономический, ибо разрушение экономики в целом в стране мало ведомо большинству людей, допустим, в среднеазиатском регионе. Они плохо представляют себе, что те экономические трудности, с которыми они столкнулись, являются общими для страны. Им кажется, что это происходит только потому, что метрополия задавила, так сказать, периферию. И тут кому-то выгодно разжигать страсти и зависть. Говоря же о коррупции, про которую столько пишут сегодня, надо сказать, что теневая экономика, вторая экономика стала первой в этом регионе. На долгие годы. Рашидов был как раз великим создателем второй экономики и сумел придать ей некие национальные черты. Он прикрыл это феодально-байскими отношениями, отношениями подчинения, соподчинения, приношений и так далее. А разрушение второй экономики, борьба против коррупции, за законность, кажется теперь некоторым борьбой с исконными, национальными традициями. Вот ведь какая трагедия.

Отсюда опять же трагическая ситуация: в Узбекистане ходят слухи, что Рашидов жив. Просто оторопь берет, когда слышишь вопрос: «А правда ли, что Шараф Рашидович жив?»

Вторая сторона этой проблемы не менее своеобразна и сложна. Так, борьба за экономическую самостоятельность, за республиканский хозрасчет здесь представляется мне весьма далекой перспективой. Нет не только опыта демократии, нет и понимания, что без подлинной демократии не будет сдвигов в экономике. Некоторые «национальные» идеи абсолютно противоречат принципам демократии и выглядят иногда просто фашистскими. Любая национальная идея приемлема только при условии святого соблюдения принципов демократии, уважения не только воли большинства, но и прав меньшинств. Право же, нам пока до этого далеко.

М.: Национализм в крайних формах своих, безусловно, страшен, но, тем не менее, национальное самосознание у народов есть, национальные проблемы надо решать, решать каким-то компромиссным путем, с учетом интересов всех. Принимать решения очень трудно, но это предстоит сделать в самое ближайшее время.

И.: А эти проблемы не разработаны совершенно. Мы не умеем слушать противную сторону. В течение многих лет эти проблемы загонялись вглубь (как, впрочем, и экономические и культурные) и сегодня всё это может вырваться из тех загадочных глубин и стать неуправляемым.

М.: Тем более, надо сделать всё возможное, чтобы всё происходило гласно, чтобы можно было выслушать все стороны и принять какое-то решение. Времени для этого, к сожалению, осталось очень мало, потому что летом следующего года решение должно быть принято, а демократическая общественность, особенно в центре страны, в Москве, мало занимается национальными проблемами. Не нужен ли здесь какой-то толчок, импульс какой-то новый?

И.: Вы знаете, страна сейчас движется в сторону демократизации, реформ. Она движется быстро, я бы сказал движется бегом при плохой видимости и очень плохом

дорожном покрытии. И поэтому подталкивать очень страшно. Я против слова «толчок» и против всякого подталкивания. С начала XX века нас толкали немало, проку же, сами видите... Я думаю, что наша задача — искать аргументацию, поставить проблему и говорить о необходимости ее решать всесторонне. Так я вас понял?

М.: Когда я говорю о толчке, я имею в виду, что решения по национальному вопросу должны приниматься не только властью, но и общественностью. Недавно, были опубликованы проект изменений Конституции, проект закона о выборах, и в подготовке этих проектов общественность почти не участвовала. И я боюсь, что общественность будет инертной и при разработке программы по национальному вопросу. Если не будет конструктивной, с учетом мнения общественности, программы, возможны обострения национальной напряженности, взрывы, национальные конфликты.

И.: Хотел бы заметить, что идея с выборами в Верховный Совет, которые не предусматривают полностью равного и прямого голосования у меня не вызвала тревог и сомнений. Дело в том, что лет 10 или 12 тому назад Владимир Тендряков в одной из своих теоретических работ, которые пока ещё не опубликованы, писал как раз о том, что в переходном периоде прямые выборы в нашей стране невозможны в связи с тем, что не готов к этому народ. Я помню, как я с ним спорил тогда, исходя из общих демократических представлений. Тендряков был человеком отважным, и это не был компромисс, это было его внутреннее убеждение. Точно также с национальным вопросом. У нас неправильно употребляют слово местничество, забыв первоначальное его значение. Но национализм, допустим, тот самый национализм с которым я сталкиваюсь в Узбекистане, это национализм особого рода. Это желание иметь как можно больше министерств, министерских постов. Это желание иметь как можно больше синекур. И при Брежневэ этот вид чудовищного национализма, разоряющий и в целом страну, и каждую республику, процветал. Я часто говорю о значении азиатчины в наших преступных

сообществах, о том, что неологизм «коррупция» менее понятен, нежели старое слово «бакшиш».

М.: Я думаю, что в условиях демократизации всё это не будет столь выраженным, потому как гласность не позволит коррупции разрастись до тех размеров, что были при Брежнев.

И.: Вашими бы устами, да мед пить. Но дело в том, что борьба с коррупцией сделала только самые первые шаги, только самые первые. И очень выборочные.

М.: И гласность делает только первые шаги.

И.: Да, но в некоторых регионах гласность осуществляется только при помощи слова «гласность», за которым следует большое «НО» с восклицанием, похожим на окрик «руки вверх!» Мы говорим «гласность, гласность, гласность», но, как известно, опять же, раз мы говорим о Востоке, можно сто раз сказать «халва», но от этого сладко не станет.

М.: Это верно. И читая, скажем, «Правду Востока» и «Советскую Эстонию», видишь, какая колоссальная разница между гласностью в Средней Азии и гласностью в Прибалтике...

И.: Зачем Прибалтика? Даже с гласностью в Москве, даже с газетой «Правда».

М.: Все же будем надеяться, что гласность распространится на все регионы Советского Союза и национальный вопрос будет решен без взрыва экстремизма.

И.: Владимир Дмитриевич, я хотел бы еще высказать одно замечание. В прогнозе перестройки и перспектив Советского Союза, необходимо обязательно учитывать добрую волю нынешних руководителей страны, ту самую добрую волю, в которой мы отказали людям 20-ых годов, людям революции. Были и более поздние доказательства непредсказуемости личного поведения. Кто мог предположить, что в недрах растленного сталинского Политбюро найдется некий круглоголовый, с оттопыренными ушами, лысый человек, который сосредоточит в себе какую-то

чудовищную энергию, чтобы взорвать то, чему он безропотно служил в течение десятилетий? Можно сказать, что феномен Хрущева — очень важный оптимистический момент. Я-то вообще романист, беллетрист, но занимался и публицистикой, и это помогало мне ездить, собирать материал. И еще 10-15 лет тому назад жизнь меня сводила с очень крупными партийными функционерами. До сих пор для меня загадка, почему эти люди, оставшись со мной тэт-а-тэт, вдруг говорили: «Но вы понимаете, товарищ Икрамов, что дальше так продолжаться не может? Мы идем к пропасти». Когда я впервые это услышал, я подумал: «Провоцирует в своем роскошном кабинете. Провоцирует гад! У него там стоит магнитофон. Он потом на меня донесет! Оказалось — нет. Оказывается, в этих эшелонах (не хочу их в целом идеализировать) находились люди, которые мне, едва знакомому заезжему журналисту, говорили о том, что мы идем к пропасти.

М.: Можно верить в добрую волю многих советских руководителей, в частности самого Горбачева и Александра Яковлева. Но все-таки нельзя забывать и отрицательный опыт хрущевской оттепели. Все-таки Хрущева подавили. Повидимому, потому что он шел против всего аппарата без поддержки народа. Поддержка народа в данном случае необходима. Необходим процесс с двух сторон — и сверху и снизу, со стороны общественности.

И.: Да, конечно. Ну и, конечно, страх за перестройку, за ее судьбу ощущают многие. Экстремизм ретроградов серьезная опасность. Я должен Вам сказать (и тут я не оригинален), что, если восторжествуют эти экстремистские, националистические идеи в стране в целом, если по аналогии с «Памятью» будут развиваться подобные движения на периферии, то возникнет опасность превращения нашей огромной, трехсотмиллионной страны в атомный котел с совершенно непредсказуемыми выбросами, допустим, по примеру Ливана. Но что такое Ливан? Крохотная страна. А представляете себе подобную ситуацию в нашей стране? Как-то выступая в Москве, я сказал, что альтернативой перестройке может быть только новая мировая война. Я и

сейчас придерживаюсь этой точки зрения, и когда я вижу, как западные руководители поддерживают политику Горбачева, как они идут навстречу его предложениям, я понимаю, что они, обладая, видимо, большей информацией, чем я, тоже понимают, что названная альтернатива перестройке опасна для всего человечества.

Декабрь 1988 г.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

Борис Ельцин

КАКОЙ ЖЕ СОЦИАЛИЗМ МЫ СТРОИЛИ?

От редакции:

12 ноября 1988 г. заместитель председателя Госстроя СССР, в недавнем прошлом первый секретарь Московского горкома партии и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Борис Ельцин выступил перед студентами и преподавателями Высшей комсомольской школы и ответил на их вопросы. Как сказал Борис Ельцин в беседе с корреспондентом радио «Свобода» 12 января, на встрече «были редакторы молодежных газет, областных и республиканских, они были там на стажировке... И они опубликовали вопросы и ответы. Пермская газета опубликовала, правда, с некоторым оформлением редакционным, со своей интерпретацией, не совсем, с моей точки зрения, удачной... Полная стенограмма — 55 страниц, поэтому, конечно, полный материал туда попасть не мог».

Мы предлагаем вниманию читателей материал, опубликованный Пермской комсомольской газетой «Молодая гвардия», но уже без редакционного комментария.

Вопрос: Расскажите, пожалуйста, о себе и своей семье.

Ответ: Сам я — из Свердловской области. Родился в 1931 году в крестьянской семье. После голодных лет, 1933-1935, отец завербовался на стройку, и из села пришлось уехать. Я был рабочим. Окончив Уральский политехнический институт, прошел все стадии от мастера на производстве до директора крупного комбината. Потом меня перевели на партийную работу. Был заведующим отделом обкома партии, секретарем обкома, почти десять лет — первым секретарем Свердловского обкома КПСС.

Потом меня перевели в Москву, в Центральный Комитет. Работал заведующим отделом, секретарем ЦК КПСС. Ну, а затем два года был первым секретарем МГК КПСС, после чего меня освободили от обязанностей и кандидата в члены Политбюро, и первого секретаря Московского горкома партии. Причем освободили не просто

так, а со скандалом. Предложили работать в Госстрое. Теперь я министр, постигаю аппаратную работу.

О семье — женат, две дочери, две внучки и один внук. Внук — Борис Ельцин.

В.: Прошел год вашей работы в Госстрое. Удовлетворены ли вы ею!

О.: Нет. Я привык к работе с людьми — живой, динамичной. К работе с бумагами я оказался не приспособлен, хотя профессиональные навыки не потерял.

В.: На XIX партийной конференции были в некоторой степени затронуты молодежные проблемы. Какова ваша точка зрения на вопросы взаимоотношений партии и комсомола?

О.: Сейчас в печати ведется много дискуссий на эту тему, особенно в молодежной, в «Комсомолке», в частности. Я выскажу личное мнение, поэтому хочу, чтобы вы, если не согласны со мной, поспорили, высказали свои взгляды. Помоему, комсомол до кризиса обюрократился. Причем бюрократические отношения в комсомоле сложились не без помощи партии. Обюрокращивание ВЛКСМ продолжается и сейчас. Дальше это терпеть ни в коем случае нельзя. Комсомол должен организационно быть совершенно самостоятельным, но политически находиться под руководством партии. Но так, чтобы партия не вмешивалась во внутрисоюзные вопросы, не заставляла согласовывать каждую бумажку. Я на практике наблюдал эти «челночные» рейсы комсомольских работников между зданиями ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС. Там даже дорожка протоптана. Одним словом, комсомол оказался как бы подмят партией, став ее приводным ремнем.

Комсомолу нужна самостоятельность. Но стратегические цели, которые ставит партия, должны совпадать с конечными целями ВЛКСМ.

В.: Не пора ли пересмотреть сам принцип партийного руководства комсомолом? Ведь Ленин говорил о духовной, идейной связи партии с Союзом молодежи?

О.: Он не совсем так говорил. Он говорил о том, что

партия политически должна руководить комсомолом. Но формой ее взаимоотношений с комсомолом должно быть духовное братство, содружество и, прежде всего, на идейной основе.

В.: Суть вашей деятельности как депутата Верховного Совета СССР?

О.: Вообще все зависит от добросовестности депутата, его возможностей. Ведь они у депутата-рабочего и депутата министра, к сожалению, разные. И даже депутаты Верховного Совета, приехав на сессию в Москву, оказываются в очень тяжелом положении. Им не хватает суток, они бегают по министерствам, «вышибая» ответы на вопросы, заданные им избирателями.

В.: В Программе КПСС сказано, что страна вступила в период «развитого социализма». Считается, что такая формулировка была принята в угоду «прорабам застоя». Ваше мнение?

О.: Действительно, получается так, что формулировки составляются в угоду очередному лидеру партии. В свое время мы «построили социализм». Потом «построили» его «окончательно и бесповоротно». Потом начали «строить» «развитой». И вот в программе партии оказывается, что мы и «развитой» уже «построили». Потом стали придумывать, какой же у нас следующий этап социализма, поскольку коммунизм еще не виден, хотя и должен был быть в 80-м году. Сейчас пока затрудняются сформулировать — какой же социализм мы строили.

Если вспомнить историю революции, то получается так, что захват власти большевиками в октябре 1917 года произошел на фазе очень низкого уровня производительных сил в России. Но Ленин предполагал, что если мы демократизируем это отсталое общество и партию, то за счет этой демократизации выйдем на тот уровень, о котором говорил Маркс, характеризуя социализм и коммунизм. Но в 1929 году Сталин обрубил процесс демократизации. И тогда социализм превратился в государственно-авторитарный, государственно-бюрократический.

Если анализировать классические составные социализ-

ма, то я бы сказал так — у нас выполнена пока только одна часть. Мы обобществили собственность. И все. А остальные составляющие? У нас их или нет, или они в работе. Где-то промелькнуло, что сейчас идет «обновление социализма», но ведь это — неправильно. Обновлять можно то, что уже есть. А если этого нет, то что обновлять? Считаю, что мы просто строим социализм.

В.: Можно ли строить социализм, не имея теории, отражающей реальное состояние нашего и капиталистического общества, не имея реального анализа сил, которые могут социализм строить? В чем вы видите разрешение этой проблемы?

О.: Сейчас мы не можем опираться только на то, что провозгласил когда-то Ленин. Если следовать догме, то получается, что раз мы пять пунктов ленинской программы выполнили, значит, социализм уже построен. Но ведь мы живем не в оболочке. Мы должны учитывать объективные процессы, происходящие в мире. Вот сейчас на Западе укрепился неоконсерватизм. Ох какая опасная это штука, с которой мы еще до конца не разобрались. А что будет дальше? Что будет дальше с рабочим движением, коммунистическим движением? Как это повлияет на наше мировоззрение, на нашу модель нового социализма, который мы хотим построить с учетом обстановки во всем мире и с учетом опыта, который приобрели? Нельзя же семидесятилетний опыт отбросить.

Много сделано и народом, и партией, и комсомолом — от этого не отмахнуться. Сейчас мы должны работать и с учетом классических канонов, и с учетом реальной сегодняшней обстановки — как в стране, так и во всем мире.

В.: Какой процесс происходит сейчас в нашем обществе — демократизация или либерализация?

О.: Конечно, процесс демократизации, и вы это видите по тому, насколько активизировались люди, как они активно выступают на всех форумах, собраниях, активах, митингах, уличных демонстрациях, создают различные общественные организации — формальные, неформальные. Это объективный показатель. Гласность — тоже часть процесса

демократизации. Но не торопимся ли мы некоторые процессы перенести на демократические рельсы, которые пока без шпал? Мое мнение: торопимся.

К сожалению, не только наше мышление, но и даже некоторые научные разработки, вся политическая структура не готовы. Правового государства нет -- мы только хотим его сделать таковым. Сколько на это уйдет времени? Поэтому нельзя говорить, что закончился период командно-административных методов руководства -- началась демократизация. Тут-то, действительно, и возможны проявления либерализации.

Допустим, что предприятиям сразу дали самостоятельность, а они к этому оказались не готовы -- упала дисциплина, дисциплина поставок. То есть мы пожинаем плоды опять же лозунгового провозглашения, что с завтрашнего дня у нас -- демократизация. Вот тут проглядывает либерализация и даже опасная. Надо постепенно переходить к процессам демократизации по мере готовности в первую очередь людей, да и средств производства, условий труда. Помните, еще Ленин говорил: митинговать -- митингуй, но требовательность должна быть и может быть даже больше, чем у капиталистов.

В.: На XIX Всесоюзной партконференции М. С. Горбачев по поводу вашего выступления на октябрьском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС сказал: «Надо было проинформировать, сказать все, и тогда процесс не развивался бы так, как это произошло». Но ведь мы по-прежнему не знаем, что же вы сказали на Пленуме...

О.: Я поставлен с ответом в трудное положение. Есть в партии демократический централизм. Есть порядок: если решено документ засекретить, не публиковать, значит, он засекречен. Другое дело, что я с этим категорически не согласен. Безусловно, мое выступление надо было опубликовать, тогда не было бы ажиотажа вокруг фамилии Ельцина. Люди четче представляли бы себе, кто я такой и что же было сказано на Пленуме.

У меня, во-первых, нет стенограммы выступления, я ее так и не получил. Во-вторых, на Пленуме мое выступление

вообще не предусматривалось. Но я поднял руку и вышел на трибуну. Нарушил десятилетиями сложившуюся традицию, по которой я должен был предварительно записаться для выступления недели за две, в ЦК свое выступление раз пять переделать, завизировав каждую фразу. Большинство тезисов моего выступления было высказано на XIX Всесоюзной партконференции. Большинство, но не все. Думаю, это «не все» и определило то, почему мое выступление до сих пор не опубликовано. Я предлагал: давайте раздадим делегатам конференции стенограмму и снимем этот вопрос.

В.: На XIX Всесоюзной партконференции вы сказали, что ваша ошибка была лишь в том, что неверно выбрано время для выступления. Но разве 70-летие Октября — преграда для критики?

О.: Конечно, не преграда. Но больно уж все на октябрьском Пленуме были настроены на юбилей.

Любят у нас юбилеи. Даже встречи партийных руководителей с комсомольцами, как правило, проходят накануне юбилея, а не между ними — в рабочие будни.

В письмах, которые я получал по сто — сто двадцать в день, особенно после конференции, большинство моих корреспондентов считают, что все-таки это не ошибка. Я против того, что мое выступление признали политически ошибочным. Ведь когда те же вопросы были высказаны на конференции, их не признали политически ошибочными... Правда, меня на партконференции не реабилитировали, даже не поставили этот вопрос на голосование. Выходит, что пока мы не дошли до настоящей партийной демократии.

В.: Товарищ Горбачев говорил, что вы выступали на том Пленуме вопреки договоренности. Что за договоренность, если не секрет, была между вами и была ли?

О.: Понимаю, что текст сегодняшней нашей встречи ляжет ему на стол... У нас в Политбюро было немало споров по различным вопросам, больше всего споров между мной и Е. К. Лигачевым. Михаил Сергеевич занимал разную позицию... Хотя и прошло уже два с половиной года, я понял, что в Политбюро трудно отстоять свою позицию, свои взгляды.

С учетом других обстоятельств после долгих размышлений я направил товарищу Горбачеву (он в то время был на отдыхе) заявление с просьбой освободить меня от обязанностей кандидата в члены Политбюро и первого секретаря МГК КПСС. Когда Михаил Сергеевич вернулся в Москву, он позвонил и сказал, что давай, мол, вернемся к этому позже. То есть разговора о том, чтобы мне вообще не выступать на Пленуме, не было. Вернемся позже — хорошо, я жду. Неделю, вторую... Потом я решил, что имею моральное право выступить на Пленуме ЦК, раз не получаю ответа на свое заявление.

В.: Не думаете ли вы, что политический руководитель такого масштаба, каким являетесь вы...

О.: Являлся.

В.: ...должен был найти в себе силы бороться за победу перестройки в составе Политбюро ЦК, а не уходить в отставку? Вам не хватило политического мужества или человеческих сил? Верите ли вы в перестройку?

О.: Таких упреков я получал немало. Долго анализировал и еще раз повторю: учитывая, что очень многие принципиальные вопросы, которые слушались в Политбюро, не нашли должного их разрешения, я считал, что не могу находиться в его составе. Бороться можно лишь тогда, когда ты имеешь возможность победить. Поэтому, скажем, в спорте устанавливаются разные весовые категории. А когда борются две разные весовые категории, победитель уже predetermined. Нельзя, конечно, отбрасывать и вопросы политического мужества, человеческих сил, поскольку я привык работать в уральской ситуации, где все открыто, все проще.

Может быть, сказалось и то, что два года работы первым секретарем МГК по 18-19 часов в сутки были и физически тяжеловаты. Короче, это вопрос неоднозначный. Судить людям.

Я не оправдываюсь, но все-таки уход из Политбюро трусостью не называл бы, потому что и сейчас я не ухожу от политической работы. Разве кто-то меня заставил встречать-

ся с комсомольским активом — слушателями ВКШ, давать интервью советским и иностранным корреспондентам?

Можно избрать другой путь: сидеть спокойно в Госстрое и быть здоровым долгие годы. Учитывая, что моей маме 90-й год, гены есть...

В. Прокомментируйте следующую цитату из речи Горбачева: «Не понятно и его, Ельцина, утверждение, что якобы в подготовке тезисов ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партконференции не участвовали члены ЦК...»

О. Считаю, что большинство членов ЦК не участвовали в разработке тезисов. Ведь есть разница: или провести беседу с какой-то группой членов ЦК, или они сами будут работать над Тезисами. Мы сейчас ощущаем, что у Тезисов есть много минусов, недоговоренностей. Это показала и конференция. Потому я убежден, что к перестройке мы подошли без окончательно отработанной по всему фронту научно обоснованной концепции, обозначив конечные цели. Этому принципу я не могу изменить. Сейчас же пожинаем плоды того, что было не продумано.

Интересно, что после конференции приняты постановления и по продовольствию, и по товарам народного потребления, и по сфере услуг. Значит, признали, что в концепции перестройки была допущена тактическая ошибка. Вы представляете, если бы люди в первые три года почувствовали реальность всех этих мер, какая была бы отдача на других фронтах?! Если не двойная, то полуторная — точно.

Где мы сдвинулись с места достаточно заметно, так это в вопросах гласности. Средства информации быстро подхватили этот процесс, а партия, комсомол и другие общественные организации отстали.

Гласность не должна останавливаться, поскольку всей правды мы еще не знаем.

В. Что тогда значат слова товарища Горбачева? Отсутствие культуры дискуссий или уход от прямого ответа?

О. Я бы не сказал, что это отсутствие культуры дискуссий. Михаил Сергеевич — человек политически

грамотный и умеет вести дискуссию — он доказал это особенно в вопросах внешней политики.

В.: Ваше отношение к обсуждению проектов Конституции СССР и Закона о выборах?

О.: Мне непонятна поспешность принятия этих Законов, ведь обсуждался вопрос дальнейшей жизни общества, вообще судьбы перестройки, демократизации.

Наше всенародное обсуждение я бы не рассматривал как настоящее общественное мнение. На партконференции еще и речи не было о проектах Законов, но я там предлагал чаще выносить принципиальные вопросы на референдум. Референдум — это настоящее волеизъявление всего народа.

В.: Чем вы объясните грубое поведение товарища Лигачева, его выпады в ваш адрес на XIX Всесоюзной партконференции?

О.: Слова «Ты, Борис...» и другие, по-моему, быстрее всех подхватили кооператоры: уже появились значки и майки с надписями «Борис, борись!», «Егор, ты не прав!». Считаю, что в этике наших партийных, да и вообще товарищеских отношений это называется одним словом — бескультурие.

В.: Означает ли передвижение Лигачева то, что его позиции в Политбюро пошатнулись?

О.: Я получаю массу писем и знаю общественное мнение о нем. Письма коммунистов идут, видимо, и в Политбюро... Вообще на его месте надо бы хорошо подумать и самому подать в отставку.

В.: Собираетесь ли вы обратиться к делегатам предстоящего XXVIII съезда КПСС с просьбой о политической реабилитации?

О.: Для начала я бы хотел сказать несколько слов о том, как шли выборы на XIX Всесоюзную партконференцию. До демократии было далековато, хотя проводились выборы по утвержденной инструкции. Мою кандидатуру выдвигали московские коллективы — не прошла, свердловские — не прошла. Бюро Свердловского горкома партии поддержало

инициативу 15 тысяч коммунистов «Уралмаша», проголосовавших за выдвижение, но мою кандидатуру все равно отклонили. В самый последний момент, когда дальше ждать уже было некуда, меня направили в Карелию, где меня хорошо встретили и избрали в число 13 делегатов от этой республиканской партийной организации.

Памятуй горький для себя опыт последних лет, чиновники-аппаратчики оставили на пути идущего снизу пополнения такую узкую щель, очень хорошо просматриваемую, что проскочить через нее «чужому» человеку чрезвычайно трудно. Об этом как раз говорит опыт выборов на XIX партконференцию, когда из всех выдвинутых кандидатур аппарат отбирал нужный ему узкий круг, за который и голосовали на Пленуме. Можно себе представить состав делегатов конференции, куда попали члены бюро райкомов, горкомов, обкомов, советские и хозяйственные руководители и лишь малая прослойка рабочих, молодежи.

Если так же будут выдвигаться делегаты на XXVIII съезд партии, то буду ли я на съезде, у меня никакой уверенности нет. Но если я не буду на съезде, все равно обращусь к съезду письменно. Если, конечно, ничего не случится за эти два года.

Да уж откровенно, чтобы пробиться к трибуне, выступить на конференции, пришлось потратить ой как много усилий. Пришлось не просить, а требовать. Ну, а что было дальше — вы знаете.

В.: Не слишком ли велики моральные издержки, которые пришлось Вам пережить, чувствовали ли вы душевный, внутренний дискомфорт? Остались ли рядом товарищи по партии, в которых вы были уверены?

О.: Дискомфорт — деликатно сказано. После таких потрясений считали, что теоретически я не должен был бы быть выше земли. Но благодаря хорошему физическому состоянию здоровья я все-таки пережил это крупное моральное потрясение.

Не слишком ли велики моральные издержки? Нет, категорически нет. Что же, мне идти по более легкому пути — все время по асфальту или по протоптанной дорожке?

Считаю, и это не фраза, что общественная работа и какие-то личные дела — понятия несовместимые и несравнимые. Революционеры умирали, а декабристы шли в Сибирь... Неужели мы потеряли эти или подобные моральные качества, разучились жертвовать собой? Я думал, что выдержу три года, работая с 8 часов утра до 24 часов ночи каждый день, считаю, что в период перестройки все должны работать на самом крайнем пределе. Вот тогда мы сдвинемся с места, тогда действительно будет дан какой-то толчок перестройке. Понимаю, что оценивается работа не только по затраченному времени. Но если ты, руководитель, кончил работу в восемь часов вечера, поезжай на завод, посмотри условия труда второй смены, как работает в это время столовая и т. д. А если мы будем считать минуты, когда бы только уйти, то о каком самопожертвовании можно говорить?

В отношении поддержки скажу, что прежде всего остались рядом студенческие друзья. Окончили мы УПИ, строительный факультет, в 1955 году и уже на второй день после окончания договорились каждые пять лет вместе проводить отпуск. До сих пор эта традиция соблюдается. Они первые меня поддержали, съехавшись в Москву. Мало того, приезжают справиться, как дела, звонят постоянно и сейчас. Большинство друзей — коммунисты, руководители.

Немалая поддержка свердловчан, москвичей и других, в письмах которых моя позиция поддерживается, помогает устоять, не сломаться морально.

А за Волкова, секретаря парткома свердловского завода имени М. И. Калинина, который выступил на XIX партийной конференции в мою защиту, по приезду, конечно, зацепились.

Но завод не дал в обиду. Завод этот могучий — 12 тысяч коммунистов. Когда Волков как делегат конференции отчитывался перед рабочими во Дворце культуры, а зал у них примерно на тысячу человек — его бурно поддерживали и приняли решение: только попробуйте тронуть! А с такой партийной организацией никто на конфликт не пойдет.

Была ли поддержка среди членов и кандидатов в члены Политбюро? Поддержка, возможно, есть, но она настолько

скрыта... Хотя по поздравлениям с праздником 7 Ноября можно было четко разделить, кто поддерживает. Кстати, я четко угадал тех же и поздравил открыткой.

В.: Вы выступаете против «спецнайков» для «голодающей номенклатуры». Что вы думаете о «спецнайке» для общественных организаций в виде 750 депутатских мест на Съезд народных депутатов РСФСР?

О.: В отношении «спецнайков» моя позиция известна. Я все время о ней говорил и говорю. Везде, в том числе в Политбюро. Кстати, мой оппонент — против. Я ни в коем случае не за уравниловку, но я против такой вот иерархической лестницы в распределении благ. Считаю, это аморально.

С первого сентября отменен так называемый «кремлевский» паек. Он по-разному называется. Кто говорит «кремлевский», кто «лечебное питание». У нас все так похудели и измождены, что требуют подкрепления. Вроде Цурюны. И все-таки опять кое-кто находит лазейки.

Теперь относительно социальной справедливости и того утверждения, что средняя зарплата партийного работника 216 рублей. Эта сумма усреднена. Например, инструктор обкома КПСС имеет зарплату 240 рублей. Заведующий отделом 380. Секретарь 450. Первый секретарь — 550-600 рублей. Так что слова о том, что мы бедненько живем, не очень-то соответствуют действительности. При всей напряженности работы партийного аппарата у него все-таки есть то, чего нет у рабочего на производстве. Это надо учитывать.

В отношении депутатских мест. Конечно, их можно было бы и сократить. На Съезде 2250 мест. В Верховном Совете 422. Но я, например, рассматриваю выборы на Съезд, как еще один фильтр. А вот если бы Съезда не было, а в Верховном Совете было 1000-1200 мест и выборы сюда были бы прямыми, настоящими, в том числе и Председателя Верховного Совета, это отвечало бы всем нашим классическим канонам социалистической демократии. Но будем надеяться, что сегодня только первый этап.

В.: В чем суть ваших расхождений с товарищем Лигачевым? Есть ли у вас общие взгляды на проблему перестройки?

О.: Тут кто-то мне на днях написал: «Неужели построение социализма возможно в одной, отдельно взятой области?» По стратегическим направлениям перестройки у нас нет расхождений. Но в тактике мы расходимся по многим вопросам. Даже по вопросу борьбы с пьянством. Сколько мы «дрались» по поводу него. За каждую новую винную точку я подвергался чуть ли не физическому давлению. Сейчас мы признаем, что где-то перебрали в этой борьбе. Нельзя применять только запретительные меры, это чревато негативными последствиями. Нужно изучить весь мировой опыт, накопленный в этой области.

В.: Как вы относитесь к перемещению Лигачева «с идеологии на сельское хозяйство»? Связано ли это с его взглядами на перестройку?

О.: Я сейчас имею практически такую же информацию, что и вы. Как он поднимет сельское хозяйство, посмотрим по результатам.

В.: Что вы думаете о первом секретаре ЦК ВЛКСМ Викторе Мироненко?

О.: Учитывая, что, выступая на октябрьском Пленуме, он, почти ничего не зная обо мне, вылил на мою голову порядочно грязи, я его характеризовать не хочу.

В.: Как Вы думаете, может ли комсомол иметь полную самостоятельность, собственную программу? Может ли лидер комсомола высказывать свое мнение, отличное от мнения Генерального секретаря ЦК КПСС?

О.: Я в этом убежден. Как и в том, что если уж не удастся Председателя Верховного Совета СССР избрать прямым голосованием, то первого секретаря ЦК ВЛКСМ нужно. Безусловно, избирать только так. Выборы лидера в комсомоле должны быть прямыми — снизу доверху. И, как минимум, из двух кандидатур.

Как вы думаете, куда должен был идти первый секретарь ЦК ВЛКСМ после партконференции, чтобы о ней рассказать? Мое мнение, на второй день должен был собрать весь аппарат ЦК, на третий — выступить в Высшей комсомольской школе. Ни того, ни другого он не сделал.

В.: На сессии Верховного Совета СССР было принято решение о совмещении двух первых постов в партии и в государстве в одном лице. Согласны ли вы с этим? Почему этот вопрос не был затронут в Тезисах конференции, а сразу прозвучал на ней и вызвал неоднозначную реакцию?

О.: И сейчас вызывает. Он действительно возник экспромтом. Его не было в Тезисах, и поэтому такой поворот событий для всех был неожиданным. Видимо, на это и был расчет. Я считаю так: с точки зрения международной политики логика в совмещении должностей Генерального секретаря и Председателя, несомненно, есть. Но вот ниже, на местах — это, по моему, грубейшая ошибка.

На собственном опыте знаю, что работы и секретарю обкома, и председателю облисполкома — каждому на целые сутки. Как это будет под силу одному человеку, совмещившему две функции? Не укладывается в голове. Но у нас существует партийная дисциплина: если до принятия решения ты против, после его принятия — решение выполняй.

В.: Вы входите в руководящий орган «Мемориала». Действительно ли туда вошел и А. Солженицын?

О.: Солженицын — не член общественного совета «Мемориала». Членами совета должны были стать те, кто вошел в десятку по итогам обсуждения, — Сахаров, Солженицын, Коротич, Адамович, Ельцин и другие. Послали телеграмму Солженицыну. Он ответил, что своей книгой «Архипелаг Гулаг» внес достаточную лепту в этот вопрос, и отказался быть членом общественного совета.

В.: Как вы относитесь к процессам, происходящим сейчас в Прибалтике?

О.: Процессы там, конечно, идут сложные. Лично я — за народные фронты, если эти фронты действительно борются за перестройку. Но вместе с тем и националистический душок там есть. Об этом говорят цифры. В Народном фронте Эстонии 91 процент эстонцев. А сколько в республике русских? 40 процентов! Благодаря Народному фронту приняли решение о том, чтобы государственным языком

сделать эстонский. А что делать тем, кто его не знает?

У нас давно говорилось о том, что в СССР национальных проблем нет. Некоторые обнимались и целовались с Рашидовым и прочими, а недооценка этого тончайшего вопроса привела к тому, что мы потеряли равновесие. Наш корабль стал шататься: одни гребут в одну сторону, другие — в другую.

В.: Какие ошибки вы допускали на посту первого секретаря МГК КПСС?

О.: Я недооценил влияние организованной мафии в Москве на все сферы. Тут меня не хватило. Как только мы взялись за торговлю, общественное питание, милицию и др., все и пошло. Вытаскиваешь, убираешь одно звено цепи, а другие звенья соединяются снова. Мафия — это как ведро с грязью: вроде зачерпнул руками, выплеснул — и на миг увидел дно, только отвернулся, опять дно закрыто.

Когда раскрыли всю систему подношений со стороны торговли, 2000 человек были арестованы. Сменили руководство главного управления милиции, главного управления общественного питания, городского КГБ и других организаций. На должность председателя исполкома Моссовета мне предложили четыре кандидатуры, но я чувствовал, что все они «свои». Поэтому я пошел на рискованный шаг: рекомендовал на эту должность генерального директора ЗИЛа, который с этой системой не был связан. И он, действительно, честно боролся и борется со всеми злоупотреблениями. Ему очень трудно, поскольку Моссовет, пожалуй, одна из самых бюрократических организаций. Моя ошибка в том, что я не полностью воспользовался той помощью по проблемам Москвы, которую могли оказать Генеральный секретарь и Политбюро. Мог полностью использовать Лигачева, Долгих, других членов Политбюро. Но не хватило меня для этого.

О связи с массами. Тут я не могу себя упрекнуть. Побывал за два года на 200 промышленных предприятиях, не считая предприятий торговли, общественного питания, транспорта. Наверное, в этой ситуации сыграли свою роль и мои личные качества, в частности, требовательность, о которой многие не знали. Будучи чистыми функционерами,

многие первые секретари райкомов отвыкли работать с людьми. Мою требовательность воспринимали как жестокость. Может, надо было быть несколько гибче.

Мое назначение на этот пост произошло неожиданно. Меня пригласили на заседание Политбюро, сказали: вот есть такое предложение и даже пяти минут не дали на размышление. Московское хозяйство оказалось сложным. Пока я в нем разбирался, не обошлось и без ошибок, хотя я не согласен с выступлением товарища Горбачева, в котором говорилось, что я пошел по второму и третьему кругу смены первых секретарей райкомов. Такого не было. Да, 23 первых секретаря из 33 были заменены. Но если посчитать в процентах, сколько заменено первых секретарей обкомов партии, то получается не меньше. Приглашал я людей на беседы, бывал в райкомах — мы сначала вели разговор о делах, а потом я при всех высказывал мнение бюро горкома об аппарате райкома, в том числе и о первом секретаре. Сами понимаете, это не особенно нравилось. Говорил: «Вырвите сорняк, который в вас сидит, будем работать, нет придется расстаться». Один раз в месяц мы собирались на бюро горкома, чтобы выяснить, какие есть вопросы у членов бюро горкома друг к другу. Долго приучал людей высказывать несогласие и с первым секретарем. Это оказалось самым трудным. Потом начали постепенно «раскручиваться».

В. Как вы считаете, насколько реальна программа обеспечения каждой советской семьи отдельной квартирой или домом к 2000 году?

О. Тяжелый вопрос. Как у нас бывает, мы сначала провозгласили лозунг, потом стали считать. Так мы однажды «коммунизм построили»... Когда же наметили обеспечить к 2000 году жильем каждую семью, то планировали в 13-й пятилетке построить 700 миллионов квадратных метров жилья и 800 миллионов — в 14-й. А когда стали считать основательнее, то, «к ужасу» строителей, оказалось, что в 13-й пятилетке надо построить почти миллиард квадратных метров. Соответственно больше 1 миллиарда — в 14-й пятилетке. Базы для такого строительства нет.

Сегодня требуются колоссальные усилия по решению жилищной программы. Я не имею права не верить, потому что сам прямой участник реализации этой программы. На днях собирали коллегню Госстроя, которая подготовила документ об участии в создании базы для строительства жилья и объектов соцкультбыта каждого работника, независимо от его служебных обязанностей.

В.: Есть ли у вас свой взгляд на реформу экономики и, в частности, в деле строительства?

О.: Я думал об этом почти год и даже изложил для себя на бумаге кое-какие мысли по поводу выхода из тупиковой ситуации в экономике, финансовых делах.

Что же у нас получается? Устойчивое превышение спроса над предложением порождает безудержный рост цен, инфляцию, снижение активности производительных сил. Это, в свою очередь, приводит к застою, апатии общества в целом. С другой стороны, при превышении предложения над спросом товарно-денежные отношения ведут к активизации деловой жизни, конкуренции, соревновательности, стабилизации цен в пределах общественно необходимых затрат труда. И дело не в игнорировании экономических законов, а в практических действиях государства.

Мы длительное время шли и сейчас идем по первому пути. Сфера строительства не является исключением. Могу назвать несколько цифр: принято правительственных постановлений о строительстве в 13-й пятилетке объектов на сумму 1,1 триллиона рублей. Если прибавить 300 миллиардов рублей на жилищное строительство, получается 1,4 триллиона рублей, что полностью исчерпывает возможности двух пятилеток. Таким образом, дефицит запланирован заранее. У нас почему-то не хватает силы воли остановиться, оглянуться назад и, наконец, сказать, что если мы сформировали план пятилетки, то больше постановлений принимать нельзя.

Между прочим, так было, когда сформировали 12-ю пятилетку, но указаний хватило на две недели, после чего снова стали рассматривать очередные постановления.

Переход с административно-государственного управления на экономическое саморегулирование можно реализо-

вать только через вторую модель товарно-денежных отношений, когда предложение опережает спрос. Надо решиться на постановку вопроса о денежных средствах. Что же нужно делать? Долг растет — и внутренний, и внешний. Поэтому необходимо (мое мнение) на 40 процентов сократить государственные капиталовложения на промышленное строительство. И вот эти 50-60 миллиардов рублей надо не перекачивать в другие отрасли, а изъять из бюджета. Тогда мы как бы создадим обстановку опережения предложения над спросом — не только товаров, но и средств производства.

Это под силу сделать, может быть, не за один год, а за два. Но если на это пойти и отказаться от принятия новых постановлений, мы сразу оздоровим экономику.

Высвободившиеся материальные ресурсы нужно реализовать только через оптовую торговлю или по прямым связям между предприятиями с целью стимулирования и вовлечения средств предприятий, населения для развития социальной сферы. Нужно разрешить предприятиям свободно выходить из состава министерств и ведомств и существовать самостоятельно. Позднее резкое сокращение числа министерств, а в последующем переводение их аппарата на хозрасчет и самофинансирование, приведет к самоликвидации многих.

Функции заказчика по государственным заказам необходимо возложить на плановые органы и на посреднические организации на контрактных условиях, а реализацию научно-технических достижений в народном хозяйстве через систему заказов осуществлять на основе рекомендаций Академии наук СССР.

В.: Ваша популярность в народе не меньше, чем у М. С. Горбачева. Могли бы вы возглавить партию и государство?

О.: Когда будут альтернативные выборы, мог бы, наверное, в них поучаствовать, как и кто-нибудь другой.

В.: Уход Полторанина, редактора «Московской правды», из газеты совпал с вашим перемещением. Это случайность?

О.: Нет. Видимо, не захотели иметь такого редактора: сильного, самостоятельного, смелого — ведь он и коллектив создал независимый. Может быть, я субъективен, но мне кажется, что теперь «Московская правда» несколько «посередла».

А вообще пресса должна быть, конечно, более самостоятельной, иначе так и будет все — с оглядкой на Старую площадь. Правильнее было бы вывести ее из-под контроля комитетов и сделать органом всей организации, включая и центральные издания.

В.: Вы все время повторяете, что здоровы. Не боитесь ли вы, что в ближайшее время в печати появится сообщение о том, что товарищ Б. Н. Ельцин отправлен на пенсию по состоянию здоровья?

О.: Здоров, хотя в любой момент могу быть «нездоров» или оказаться в Эфиопии.

В.: Есть ли у Вас идеал?

О.: Если в отношении женщины — то моя жена. В трудные минуты моей биографии уровень наших переживаний всегда был одинаков...

Что касается политических лидеров — выше идеала, чем Ленин, я себе не представляю.

Завершая нашу встречу, хочу поделиться некоторыми мыслями. Что же все-таки мы добились за 70 лет Советской власти?

Крестьянина все эти годы призывали к совершенствованию сельского хозяйства, но при этом лишали возможности продавать излишки на рынке. Отнимали землю, личный скот, гнали с насиженных мест в самые отдаленные уголки страны.

Рабочего поднимали на увеличение производительности труда, но при этом снижали расценки, оставляя заработную плату на неизменно низком уровне.

Люди перестали слушать призывы, подниматься на трудовые подвиги, уже не поддаются каким бы то ни было внушениям. Вот почему, когда было предложено проводить реформы, наводить в запущенном доме порядок, многие по

привычке отмахнуться. И только через три года начали сознавать, что суть перестройки вовсе не сводится к поддержке инициативы сверху. У народа появился шанс победить в схватке за утраченное когда-то собственное достоинство.

Нужно избавиться от равнодушия, от страха, который гнетет нас до сих пор. Нужно избавиться от врожденной боязни вести политическую борьбу. Нужно, чтобы эта борьба стала нормой жизни, особенно в наш перестроечный период. Страх рождается от того, что монополия на политическую власть в стране принадлежит партийно-бюрократическому аппарату, в жертву которому нас издавна учили приносить личное благополучие и достоинство. Сначала народ заставили положить на алтарь антинародной политики сельское хозяйство, затем принудили его расстаться с такими непреходящими ценностями, как духовность и культура, потом лишили возможности самостоятельно определять для себя задачи и самим решать их.

С незапамятных времен движение под лозунгом «Вся власть народу!» возглавляет не народ, а партийно-бюрократический аппарат. Возродившееся движение «Вся власть Советам!» под свое крыло взял не Совет, а этот же аппарат. Вот почему после проведения важнейших политических акций скрывается информация, которую в аналогичных случаях не утаивает правящий класс даже на капиталистическом Западе. Почему, наконец, вместо ответов на острые вопросы бдительный аппарат тщательно выскинывает в этих вопросах малейшую «крамолу»?

Нередко еще можно услышать упреки в безыдейности после первой же робкой попытки вырваться из пут бюрократического аппарата. Но ведь отказ от служения бюрократии, паразитирующей на идее, ни в коей мере не означает отказа от служения самой идее. Отказавшись от унижительной для себя роли «подручного», человек сможет служить этой идее с еще большим успехом.

Сегодня гражданин все настойчивее реализует свои конституционные права и посвящает себя политической деятельности, активно участвует в предвыборных кампаниях, поддерживая или не принимая кандидата. Еще целенаправленнее и энергичнее действует в различных неформальных и

формальных объединениях и не должен стыдиться открытого выступления против бюрократии.

У нас должна быть вера в перестройку, несмотря на все трудности – иначе мы ее не осуществим. В этом деле, я считаю, велика роль комсомола, молодежи, Высшей комсомольской школы, которая должна готовить кадры самого высокого интеллекта, настоящих политических бойцов.

Желаю вам успеха в активной борьбе за перестройку, за обновление нашего общества!

Москва, 12 ноября 1988 г.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ КЛУБЫ МОСКВЫ

В ноябре 1988 г. редактор журнала «Форум» встретился в Мюнхене с одним из активистов неформального движения в Москве, руководителем Клуба социальных инициатив Григорием Пельманом и попросил его ответить на несколько вопросов.

Малинкович: Как возник ваш Клуб социальных инициатив?

Пельман: Это уже достаточно давно было, по масштабам нашей общественной жизни. Наш клуб по этим меркам является, наверное, патриархом. Он возник весной 1986 года. Неверное, это был первый клуб, который претендовал на форум единомышленников. Сначала это был своеобразный семинар, а потом уже он стал общественно-политическим клубом. У истоков этого клуба стоял Глеб Павловский, он только-только вернулся тогда из ссылки — 4 года назад, еще не имел московской прописки и не знал, где будет жить и работать. Борис Кагарлицкий, Михаил Малютин, Александр Беркович. Это все люди, с которыми мы имеем очень тесные контакты — друзья. И до этого клуба мы очень часто обсуждали общественно-политические проблемы, перспективы нашего будущего, что из этого может получиться и как можно действовать.

Нало сказать, что в тот момент не было еще никакого общественного движения в нашей стране и мы только могли мечтать о том, чтобы найти новые политические ресурсы для того, чтобы вовлечь людей, заинтересовать их общественными преобразованиями, процессом перестройки, процессом обновления. Для нас было совершенно очевидно, что даже те программные документы и те инициативы, что исходят от нашего политического руководства, — это далеко не всё. Это необходимый, может быть, шаг, но недостаточный для устойчивого политического равновесия и продолжения начавшегося обновления.

Так родилась у нас идея этого клуба. Мы обсуждали различные инициативы, пытались отвечать своим корреспондентам, даже пытались приглашать московских авторов различных социальных изобретений, включать их в нашу команду. Идея клуба родилась именно при анализе социальных изобретений и попытках сформировать коллективы, группы людей, для которых близка та или иная проблема и которые готовы как-то поддерживать и реализовывать социальные проекты. Таких проектов была масса. Это проект помощи плохо обеспеченным группам — пенсионерам; это и проект экологического использования ресурсов, утилизация отходов; это проекты, которые можно часто встретить сейчас на Западе и которые достаточно широко обсуждаются в советской прессе, — проекты защиты интересов потребителей; это проекты, тогда достаточно новые, создания альтернативных экономических структур, кооперативов.

Так мы сформировались как клуб и начали писать какие-то маленькие программы. Пытались оформить наш клуб как официальный, готовили комплект документации и, параллельно с нашей организационной работой, проводили встречи. Мы приглашали на эти встречи научных работников, общественных деятелей.

Все мы немножко социологи и по базовому образованию, и по своим интересам. Мы занимались и занимаемся поддержкой общественных инициатив, попыткой включить людей в общественно активную жизнь и сделать процесс преобразований зависимым в первую очередь от общественного мнения, а не от политического настроения нашего руководства. Поэтому социальная и социологическая проблематика для нас была близка и поэтому у нас было очень много контактов с учеными-социологами. Мы были уже хорошо сформировавшимся клубом. У нас были уже какие-то структуры и коллективные члены: клуб «Община», историко-политическое объединение Московского педагогического института... Мы предложили советской социологической организации стать нашими спонсерами, стать организацией-учредителем... Именно такая структура и предполагается по положению о любительских клубах и объединениях — у каждого клуба должен быть свой учредитель. И 12 мая 1987

года на правлении Советской социологической ассоциации было принято решение поддержать нашу инициативу и стать нашими учредителями. После этого нам нужно было утвердить нашу программу, наш статус и всё остальное.

Мы постоянно носились с идеей, что необходимо провести большой форум, собрать всех и учредить большую ассоциацию. Понимая, что только ассоциация, интегрирующая большое число социально активных людей, способна повлиять на общественно-политический процесс.

Это оказалось чистой случайностью, что тогда же начал существовать и работать московский клуб «Перестройка», организованный по инициативе ленинградской группы «Перестройка». Мы предложили им объединиться. Они эту инициативу не поддержали, но вдруг на одном из заседаний, где я сделал очередное предложение: «Ребята, давайте проведем большую конференцию», оказалась Марина Мулина, корреспондент «Собеседника», которая сказала: «Как здорово, давайте опубликуем материал». С ее помощью была организована конференция в августе 1987 года. И она же опубликовала материал. Все это было в новинку «Собеседнику» — ведь это орган ЦК ВЛКСМ. А ЦК ВЛКСМ в тот момент уже начал побаиваться нашей активности. Тогда же начала расслаиваться наша общая позиция и каждый придерживался уже какой-то своей точки зрения. Т. е. колоритность и мозаичность нашего общества уже тогда начали понемножку проступать.

Мулина опубликовала статью (вернее, мое письмо) в разделе — «Союз содействия перестройке», придумав такое красивое название. В этом письме было предложение провести конференцию общественно-политических клубов в поддержку перестройки. Письмо было опубликовано и скоро выявилась реакция читателей. Но началась уже и непонятная реакция партийных и комсомольских органов: «Кто разрешил? На каком основании?». В результате каких-то непонятных (или понятных) интриг отдельных наших коллег по общественному движению удалось убедить московский горком партии, что лучше провести конференцию в Москве под наблюдением политического руководства нашего города, чем проводить ее в тайне где-нибудь в лесах на

Кавказе. И пусть это будет *наша* конференция, на которую мы привлечем конструктивное ядро общественно-политических клубов. Московский горком после долгих диалогов с нами или с членами партии, которые были в нашем клубе, решил: «Почему бы не попробовать?».

В конце августа 1987 года мы провели эту конференцию, которую назвали «Общественная инициатива в перестройке». Под эту конференцию при содействии Севастопольского райкома партии мы получили несколько домов культуры. Надо сказать, что политическим руководителем Московского горкома партии был тогда Ельцин, и всё это происходило при его авангардном правлении.

Эта конференция продолжалась четыре дня. Надо сказать, что все было неожиданно и для нас, и для Московского горкома, поскольку в конференции принимали участие не только новые какие-то социальные образования, но и традиционные диссидентские группы. В том числе там было блестящее, очень яркое выступление Леры Новодворской со своими воззваниями и декретом, с описанием своей деятельности. По мнению Московского горкома партии это было не иначе, как антисоветское выступление. Но настораживало не только то, что говорила Новодворская, но и реакция аудитории, которая ее приветствовала аплодисментами. Это была далеко не однозначная ситуация, это был первый диалог нового общественного движения и традиционного движения 60-х годов. Была очень серьезная и острая полемика по разным политическим вопросам.

На этой конференции было 8 секций: экологическая, политическая, эколого-культурная, организационная, просто культурная, юридическая... И было выдвинуто ряд общественных инициатив, в том числе та, что тогда называлась «Памятник», а потом получила название «Мемориал». И первые подписи под «Мемориалом» собирались как-раз на этой конференции. Надо сказать, что это был первый очень серьезный шаг — сбор подписей. Многим было и страшно, и непонятно, чем это все кончится. Тогда же прозвучало предложение о проекте «Милосердие». Сегодня «Милосердие» — уже общественная организация. Группа «Гражданское достоинство» тоже провозгласила свой декрет. Работала секция по борьбе с экстремизмом и

национализмом. И было принято решение о создании двух объединений — ассоциации «Кольцо общественных инициатив», которая так и не зародилась, и федерации социалистических общественных групп, которая, по всей видимости, жила до лета 1988 года. Сейчас она преобразовалась в какую-то новую структуру.

М.: Почему возникли сразу два объединения?

П.: Как всегда, это были две совершенно разные концепции. Одна концепция — попытка объединить людей в организацию. Другая — это интеграция людей в более широкое движение. Ассоциация «Кольцо общественных инициатив» — это модель движения, где нет жесткой структуры, но есть какие-то проекты. И если группа солидарна с каким-то проектом, она принимает участие, поддерживает его в общих каких-то программах и действиях. А федерация социалистических общественных клубов — это *организация* со своими членами, со своей программой, с ярко выраженной социалистической ориентацией, вернее — *декларируемой* социалистической ориентацией. Может быть, именно жесткость программы и требовала формирования модели типа организации. В нее вошло примерно 18 клубов. Подписали декларацию более двадцати клубов. На конференции было подготовлено несколько документов и среди них декларация, где провозглашены принципы трех «нет». «Нет» — национализму и шовинизму. «Нет» — насилию. «Нет» — монополии на истину. И потом, после долгих дебатов, родилось одно «Да», которое, скорее, было тактическим, — я не думаю, что оно отражало мнение большинства людей. Это «Да» — демократическому социализму.

Это был август 1987 года. Дальше мы начали жить как клуб «социальных инициатив». На каком-то этапе мы свою задачу исчерпали, мы ощущали себя своеобразным социальным посредником между другими общественными группами

Для нас это был период поиска. Мы решили, что ближайшая для нас важная задача — провести конференцию по производственному самоуправлению. Мы представляли перспективы нашей экономики и понимали, что без ломки

традиционных экономических структур, без формирования культуры самоуправления на производстве, без осознания рабочими собственных интересов на предприятиях, без способности их защищать и без способности управлять предприятием, вряд ли можно говорить об эффективных экономических преобразованиях в нашем обществе. Мы чувствовали, что социальные последствия экономических преобразований на предприятиях будут тягостными для рабочих. Это может привести к большим потрясениям и кризисам. Особенно в условиях отсутствия какой-либо политической, социальной, демократической культуры как у администрации, так и у рабочих. Поэтому мы хотели каким-то образом обсудить проблему производственного самоуправления и попытаться найти рекомендации: что необходимо делать, как необходимо формировать советы трудовых коллективов, какие у них должны быть права, какая ответственность, как должна быть распределена ответственность, как должны быть разделены функции между администрацией и рабочими.

Конференцию по производственному самоуправлению решили провести совместно с Советской социологической ассоциацией. Мы и провели ее в конечном счете совместно. Это тоже определенная наша политика: мы пытаемся выстроить своеобразные мостики между различными социальными структурами в нашем обществе. Мы осознавали, что сегодня решать проблемы перестройки, решать проблемы экономические и социальные, находясь только в оппозиции, невозможно. Поэтому мы стремимся постоянно использовать во-первых, новые политические возможности и, во-вторых, те ресурсы, которые представляются новым законодательством, новыми политическими решениями для вовлечения новых слоев общества в процесс обновления. Поэтому для нас традиционным является и включение радикальных политических деятелей, представителей научной среды, прогрессивных администраторов в наши инициативы. Мы ищем их, приглашаем на наши мероприятия. И, в конечном счете, формируем своеобразную социальную структуру, социальную сеть общества с устойчивыми связями. Связи эти не формальные: связи взаимопомощи, взаимоподдержки.

М.: Группа единомышленников всегда ограничена. Она не дает простора для широкой общественной жизни.

П.: Это справедливо, конечно. Но мы пытаемся сформировать социальную ткань общества на уровне социально активных групп. Пытаемся формировать какие-то вертикальные связи, включая людей до сих пор социально не активных. Да, это чрезвычайно большая проблема.

Я хотел бы привести полюбоившееся мне высказывание Л. М. Баткина. Баткин заявил, что жить в нашем обществе не стало легче, но жить стало веселее. Эта ставшая крылатой фраза достаточно хорошо отражает интересы многих социальных групп и настроение многих людей. В первую очередь, жить *не стало легче* слабым социальным группам: части рабочих, неквалифицированному персоналу. Они не ощущают и веселости этой жизни, потому что для них интеллектуальная среда, которая во многом и впитала все результаты перестройки, — это чуждая среда. А экономическая среда стала для них более агрессивной.

М.: Есть еще довольно широкие слои людей социально активных, но политически не подготовленных, желающих принять участие в процессах, но не знающих, как войти в общественные структуры и чего добиваться. Вы их не подключаете в свою деятельность?

П.: Подключаем. Я бы хотел подчеркнуть: личные отношения — это чрезвычайно важная вещь, особенно в нашем неформальном обществе, когда разорваны все социальные связи. Но мы проводим разные программы, и многие из них открытые. Иногда это программы митингового плана, когда мы можем оповещать о них и вести открытый диалог с людьми. Кроме того, формируются специальные лекторские группы, организуются выступления в трудовых коллективах, в домах культуры, в университетах, институтах, т. е. идет информирование людей.

Сейчас мы живем, скажем, в коридоре нерегламентированного запрета. С одной стороны, то что мы делаем, традиционно считается криминалом. Но в то же время проявляется достаточно высокий уровень терпимости. Т. е. мы можем издавать наши журналы — сейчас есть множество различных самостоятельных органов печати. Это не пресе-

кается. Много открытых дискуссий проводится в больших помещениях, в том же дворце молодежи, в других домах культуры, когда нам удастся получить их. Иногда расклеиваются листовки. Словом, какие-то формы выхода на массовую социальную среду существуют. Люди находят социальную нишу, куда они могут прийти для реализации своего потенциала, общественной активности.

У нас в клубе было множество всевозможных социальных проектов, но все они требовали финансовой поддержки. Мы долгое время не могли реализовать эти проекты, они так и оставались только бумажными проектами. Но сегодня, когда появились новые формы экономической деятельности, мы можем многое реализовать через кооперативные структуры. Сейчас некоторые клубы формируют при себе и хозяйственный орган, который, с одной стороны, позволяет реализовать социальные проекты, с другой стороны — осуществляет — финансовую поддержку жизнедеятельности общественного движения. Такой кооператив есть и у нас. Называется он «Перспектива». Одно из направлений деятельности этого кооператива — информационно-справочный центр по общественному движению в стране. Это и архив гражданской истории, это и документация, это и публикация материалов самодеятельных клубов, это и попытка создать информационный банк данных по клубам и общественным движениям. Мы сознаем, конечно, что это информация может быть использована и в негативном отношении, но мы понимаем, что она крайне необходима для самих клубов, чтобы знать, кто есть кто, кто чем занимается, чтобы наладить нужные контакты. В нашей картотеке мы имеем информацию о 600 клубах.

М.: А не слишком ли много всего? Не слишком ли много целей? По-моему, если вы начнете реализовывать все свои планы через кооперативы, вы можете уйти от главной цели — организации гражданской жизни в стране. Всё это требует колоссального времени, каждый проект надо создать, нужны люди, нужны деньги.

Насколько я понимаю, ваш клуб имел одну главную цель — координацию деятельности общественных организаций. Служил объединительным органом. А сейчас вы уходите во множество конкретных программ, не так ли?

П.: Да, это, бесспорно, так. Абсолютно правильно. Сегодня функция координации возможна только на уровне какого-то взаимного информирования людей. Мы уходим от попыток иерархического управления этими процессами. Это немножко нам чуждо. И в этом отношении информационный центр, который мы создаем, как раз и служит этой идее. Это действительно реальный информационный центр, в который действительно каждый день приходят десятки людей, знакомятся с материалами, приносят что-нибудь, дают что-то... Я, может быть, не совсем согласен с тем, что это другая деятельность — та, что связана с кооперативами. Одна из программ, которую мы хотим реализовать, это программа создания общества потребителей или создание общества милосердия. Существуют уже государственные инициативы, но эти инициативы реализовать свои проекты не могут, поскольку это традиционная ведомственная структура. И ничего у них, как правило, не выходит. Для того, чтобы реализовать чрезвычайно важные программы (и это новая для нас концепция), нужна интеграция людей. На первом этапе это были общие программные декларации на уровне оппозиционного отношения. Сегодня понятно, что людей можно привлекать, предлагая участвовать в каких-то конкретных конструктивных программах.

М.: И не только экономического порядка. Мне кажется, что сегодня на первый план выходит как раз программа политическая. А у вас она отодвигается на второй план. Может быть, я ошибаюсь. Но сравним с ситуацией в Эстонии. В Эстонии, как и в других прибалтийских республиках, сейчас самое важное — законодательно закрепить доступный на сегодня уровень демократии. В Союзе, как Вы говорите, сегодня уже много разрешено, в Москве еще больше *позволяется*, но все это пока никак не закреплено... Сегодня это позволяют, а завтра перестанут позволять. Сейчас как-раз строится новая политическая структура, создается проект конституции, разрабатываются проекты целого ряда жизненно важных законов. Для того, чтобы общественное мнение могло стать фактором, с которым надо будет считаться, которому в чем-то надо будет уступить, в чем-то к нему прислушаться, оно должно быть хорошо организованным. Так, как оно организовано в

Прибалтике. У вас же (я не говорю о вашем клубе конкретно, а вообще о неформалах), по-моему, нет тенденции организовать движение, которое могло бы стать выразителем широкого общественного мнения. К примеру, сейчас принимается новый закон о выборах. В этом законе есть хорошие и плохие моменты. Плохих совсем не мало, но кто их будет оспаривать? Может, появится несколько сотен писем, может, пройдут 2-3 митинга в каких-то группах, но четко выраженного общественного мнения по пунктам, которые многих не устраивают, некому будет выразить. А значит, оно не будет услышано. Только потому, что общество в центре страны не организовано. Мнение есть, но выразить его и активно поддержать будет некому. Очень скоро придет время, когда нужно будет выдвигать кандидатов в высшие органы власти. Кандидат не станет депутатом, если будет выдвинут лишь на одном каком-то предприятии. Его нужно поддерживать массой организованной. А вот такой организованной массы вроде бы и нет. И у меня сложилось впечатление, что сейчас, в отличие от конца прошлого года, наблюдается тенденция не к сближению клубов (скажем, вокруг предвыборной программы), а наоборот, к разобщению, к появлению множества программ. Конечно, ваша деятельность важна, очень важна, но она долгосрочна. А реакция на ближайшие события слабая.

П.: Этот не совсем так. Несмотря на то, что каждый клуб имеет свое направление, свою ориентацию, существует и политическая реальность. Каждый раз время нам приносит какие-то большие, значимые политические события, и тогда клубы объединяются для совместного коллективного действия. Не только в Москве, но и в Ленинграде, в других городах — везде. Поэтому многие программы, которые мы проводим, это как-раз программы событийные, программы межклубного диалога межклубного взаимодействия. Можно однозначно сказать, что в Москве существуют разные тенденции — центростремительные, центробежные. Доминируют разные концепции, которые воспроизводятся психологически различными типами лидеров. Именно психологический тип воспроизводит тот или иной тип общественной организации. Но вне зависимости от этих противоречий

практически все значимые общественно-политические, да и не только общественно-политические, но и экологические, культурные, оздоровительные клубы принимают активное участие в совместном обсуждении программ и в совместных проектах.

Пример: после августовской конференции министерству юстиции было дано указание срочно разработать проект о добровольных общественных организациях. Этот проект необходим был для регламентации деятельности самодеятельного неформального движения. Причем он разрабатывался уже в течение 10 лет, с 1977 года, с момента новой редакции конституции, но ни у кого тогда не болела голова, никому он не нужен был. Но после августовской конференции все увидели, что общественное движение — это что-то новое, интересное и, по выражению Татьяны Ивановны Заславской, это джин, которого выпустили из бутылки. Что с ним будет, куда он полетит — неизвестно. Поэтому и решили построить какую-то клетку. Надо сказать, что у нас существовал закон 1932 года, который регламентировал порядок и принципы создания общественных организаций, но он был настолько широкий, настолько многогранный, что предоставить возможность сегодняшним общественным самодеятельным организациям конституироваться по прежним правилам было бы просто опасно. Поскольку каждая общественная организация могла бы оформляться только в заявительном регистрационном порядке. Опротестовывать ее решения было бы невозможно, и она могла бы издавать свои печатные органы и вести хозяйственную деятельность. Блестяще. Но в чем проблема? Дело в том, что в течение длительного времени у нас были не совсем плохие законы и не совсем плохая конституция. Мы имели права, но не имели гарантий реализации этих прав. Есть право на квартиру, но квартиру не получишь. То же самое с правом на работу, на отдых. И общественное движение с августа 1987 года начало искать и формировать механизмы реализации гражданских прав. И поэтому закон 1932 года стал опасным для традиционных бюрократов (я не люблю этого слова). Для кого-то стало опасным, что наконец-то будет освоен весь спектр правовых полномочий, предоставляемых законом 1932 года. Поэтому срочно было дано распоряжение, и в феврале была

подготовлена окончательная редакция нового закона. И вдруг пронесся слух по академическим кругам, что этот закон будет принят без какого-либо широкого обсуждения на одной из сессий Верховного Совета. Что же делают общественные группы? На фоне всех своих противоречий. Например, я нахожу источник, где можно проект этого закона найти — в Президиуме Верховного Совета или в Академии наук, — и достаю его. Далее, собирается специальное заседание межклубных групп, где обсуждается проблема, связанная с этим новым указом об общественных организациях. И разрабатывается некая программа. Каждый клуб берет на себя определенную функцию. Один подготовить альтернативный проект, собрать альтернативные предложения. Другой — организовать митинг. Третий — организовать обсуждение в зале. Четвертый — связаться с законодательной комиссией. Пятый — связаться с научной группой. Пригласить ее для обсуждения альтернативных проектов на дискуссию. У других — связь с прессой, с кинематографической группой. Клубы работают. Работают вместе на одну общую, серьезную проблему, осознавая, что это для них какой-то критический порог. Появляются и альтернативный проект, который мы имеем, и большое обсуждение, большая демонстрация, большой митинг. И диалог с членами государственной комиссии по подготовке этого проекта. В итоге — проект закона накануне его утверждения в качестве указа приостанавливается, и до сих пор он неизвестно где.

М.: Это пример удачи. Но принят указ (теперь он уже закон) о митингах и демонстрациях — явно не демократический. Сделали вы что-либо, чтобы воспринять его принятию?

П.: Делалось очень многое. Организовывались митинги и демонстрации. То, о чем я говорил, — это удачный пример того, как политическая ситуация привела к одновременной реакции многих клубов в различных городах. Но во многих случаях — и это действительно была реальная проблема нашего общественного движения в Москве — нам не удалось сформировать общей программы действий. Все действия были разрозненными, одно не усиливалось другим. Это наша беда.

М.: Более того, официальная критика сосредоточила огонь на одном клубе — на «Демократическом союзе». Сообщалось только о митингах этой организации. И всегда с негативной оценкой. Хотя я знаю, что параллельно проходили, в этом же месте или рядом, другие митинги, демонстрации, объектом для битвы был выбран именно «Демократический союз».

П.: Это было чуть-чуть не так во времени. У «Демократического союза» было очень бурное лето, очень много всяких демонстраций — там всё смешалось. Указ был в конце июля — в начале августа. И в октябре стал законом. Несмотря на то, что не удалось выработать общей программы, хотя мы бились над этим, у нас было не одно совещание межклубных групп. Есть стенограмма с планом того, что мы пытались сделать, но, видимо, была такая волна. В начале лета, после партконференции, мы очень серьезно размежевались с другими общественными структурами. И был утерян язык диалога.

М.: Об этом я и говорю. Ваши удачные действия были все-таки раньше. А сегодня, кажется, преобладают тенденции к размеживанию, которые лишают вас возможности объединить усилия.

П.: Естественно, тенденции такие есть, но есть и политическая реальность. Есть и тенденции, которые работают в другом направлении. И как любая политическая активность, эта активность волнообразна — то спад, то подъем. Август-октябрь — это был период преобладания центростремительного движения в общественной структуре.

М.: Хочу все же провести параллели с Эстонией. Там Народный фронт образовался буквально в течение нескольких дней. Быстро подготовили проект программы. С небольшими минусами, правда, но он появился. И быстро удалось собрать людей. Почему вам нельзя такого же типа программу подготовить? Конечно, многое решают амбиции, психологические акценты. Но не в этом же, все-таки, дело?

П.: Проблема сотрудничества — это проблема прежде всего какого-то персонального взаимодействия. Поэтому психологические амбиции здесь очень важны.

М.: Но в Эстонии они не были весомее интересов общего дела.

П.: Да, там не было. Потому что есть какие-то внешние причины, которые интегрируют людей. И для них это проблема регионального, национального суверенитета, политического, идеологического суверенитета, которая объединила всю структуру общества.

В Москве и в России всё не так. Во-первых, нет этого центрального общего стержня. Во-вторых, взаимодействие с политическим руководством проходит совершенно на другой ноте. Скорее, на ноте терпимости, но не на ноте поддержки.

М.: В Эстонии движение начиналось вопреки руководству. Нынешняя позиция руководства — это вынужденная уступка движению. Я думаю, в Москве отношения между неформалами и властью лучше, чем были в Эстонии до того, как Вяяс возглавил компартию республики.

П.: Может быть, это правильно, но все-таки мотив национального, экономического и политического суверенитета — это очень важный объединительный мотив. Сегодня самой актуальной становится программа обсуждения проекта новой избирательной системы, проекта поправок к конституции и одновременно участия в новой избирательной кампании, в выдвижении кандидатов. Мы просто очень многого не успеваем сделать. Политическая жизнь динамичнее, чем наша реакция. Мы планировали проведение специальной конференции для обсуждения проекта новой избирательной системы именно как межклубную и межрегиональную программу.

М.: Опять поздно. Проект уже фактически принят.

П.: Правильно. Естественно, поздно. Проект будет принят. Но я не сомневаюсь, что сейчас идет может нескоординированное, но интенсивное обсуждение. Это бесспорно. И, как я могу наблюдать по нашей прессе, это на 90 % критика этого проекта...

М.: Профессиональными юристами?

П.: Да, это профессионалы, но многие из тех, кто

публикует такие материалы (например, Аметистов, Яковлев). — это наши реальные партнеры по общественному движению. Аметистов — просто член клуба. Яковлев не принимает активного участия в его работе, но когда необходимо, поддерживает нас.

М.: Одним из первых, кто в печати выдвинул идею Народного фронта был профессор Борис Курашвили. Есть у вас какие-то контакты с ним?

П.: Конечно. Со всеми этими людьми у нас просто приятельские контакты, и идея Народного фронта прежде много раз обсуждалась у нас в клубе. У нас было очень много встреч, в том числе и обсуждение закона о предприятиях, где мы обсуждали альтернативный закон Курашвили. Он друг нашего клуба. У нас отношения единомышленников. У нас действительно очень много хороших друзей. А впервые идея о Народном фронте (нельзя сказать, что это оригинальная идея) прозвучала на августовской, 1987 года, конференции. Мы тогда пытались проанализировать, кто же мы такие: клуб, тенденция к образованию партии, зародыш какого-то общественного движения либо зародыш Народного фронта? Я делал тогда сообщение, и это вызвало море негодования и настороженности со стороны московского политического руководства и различных других органов.

М.: Еще одна проблема, которая живо обсуждалась на XIX партконференции и после нее, — тезис «секретарь-председатель», т.е. объединение в одном лице двух должностей — секретаря парткома и председателя Совета. Обсуждалась ли у вас в клубе эта проблема?

П.: Обсуждается, хотя специальных организованных обсуждений еще не было. Часто эта тема обсуждается, так сказать, в кулуарах, в приятельских кругах.

М.: Я помню интервью с Т. И. Заславской по телевидению. Она сказала, что сначала была буквально в шоке, услышав это предложение Горбачева (и все ее друзья были в подобном же состоянии), а потом этот шок прошел. В кулуарах это, конечно же, важно, но важнее, по-видимому, когда это выражено в какой-то общественно значимой форме. А такого почти не было. Это кажется удивительным:

так остро реагировали на это предложение делегаты конференции, кто-то даже голосовал против, и почти не ощущается реакция неформалов.

П.: Можно привести еще массу других примеров, когда не было острой и быстрой реакции неформалов. Наверное, трудно представить себе, что такое «неформалы», на что они реагируют. То, что они спят по 4 часа, это очевидно, то, что они печатают, перепечатывают, бегают до 7 утра, встают в 2 часа ночи... Это жизнь, жизнь на износ, и на все они реагировать не успевают.

М.: Но это важный вопрос, вопрос, который будет закреплен или не закреплен в самое ближайшее время.

П.: Нет. У меня есть на этот счет свое собственное мнение и я готов его обсуждать, но не в рамках разговора о деятельности клуба. Но в проекте поправок к конституции об этом не сказано ничего.

М.: Ничего не сказано. Но тем не менее Председателем Верховного Совета СССР будет, видимо, Генеральный секретарь ЦК Горбачев. Он уже Председатель Президиума. Не закреплено, и слава Богу...

П.: Хотя многие предлагают. Но это уже обсуждение другой темы.

М.: Меня в данном случае интересует вопрос, почему столь острая и важная тема коллективно (мне так кажется, может я ошибаюсь) не обсуждалась?

П.: Коллективного обсуждения действительно не было. Пожалуй, был только ряд публикаций в самостоятельной прессе. Но я хочу еще раз подчеркнуть: лето — это был период митингов, демонстраций. Это была уличная школа для московских «неформалов». Это было время массовых обсуждений программ партконференции, параллельных конференций. Это был период дебатов по поводу Народного фронта, различных объединительных и разъединительных тенденций, внутренних конфликтов, обсуждения все тех же указов, которые проходили организованно, но не скоординированно. Упущено очень много. И очень многое зависело именно от персоналий. Роль общественного лидера нефор-

мального движения очень важна. Но я не сомневаюсь, что обсуждение вопроса о новом избирательном законе на какое-то время объединит людей. И бесспорно — в момент избирательной кампании будут какие-то объединительные проекты и предложения.

М.: Но в этот же момент могут, как никогда прежде, сыграть свою роль личные амбиции лидеров. Ведь можно будет стать кандидатом в депутаты.

П.: Я понимаю, что каждому хотелось бы стать Председателем Верховного Совета либо, как минимум, депутатом Совета. Это очень приятно, тем более это будет освобожденная должность и будет сохраняться средний заработок.

М.: Это прежде всего доступ к самой главной в стране трибуне.

П.: Но, мне кажется, в общественном движении достаточно разумных людей, и они, думаю, будут изучать различные способы влияния на сам избирательный процесс. Не верю, что люди будут стремиться выдвигать себя и только себя. Мне не кажется, что это самый эффективный способ влияния на политическую структуру, на Верховный Совет как орган власти. Более важно сейчас, скажем, составление списка людей, общественно известных, встроенных в политическую структуру нашего общества, и поддержка этих кандидатов. То, что было накануне XIX партконференции, когда общественные группы смогли провести Юрия Афанасьева, способствовали Коротичу, поддерживали Карякина. И уже сейчас ребята готовят списки кандидатов, которые нужно поддержать во время избирательной кампании. И будут, конечно, разработаны методики, как организовать работу, как работать с избирательной комиссией. Всё это будет, и масштабность этой проблемы такова, что она будет преобладать над ложными амбициями, центробежными силами. Но я согласен: сегодня общественное движение разорвано, в нем есть большая дыра, но она начинает потихоньку заполняться. Я имею в виду центр, который должен вращать это колесо общественной деятельности.

М.: Таким центром мог бы стать «Мемориал»?

П.: Не думаю, что это будет «Мемориал». «Мемориал» — это большая, но локальная программа. В тот момент, когда она становится официально признанной программой, она во многом теряет инициативный импульс.

М.: И все же «Мемориал», вероятно, будет участвовать в предвыборной кампании со своей программой, со своим кандидатом.

П.: Да, но представлять такую сильную организацию двумя, а тем более одним кандидатом — это слишком мало. К тому же это организация никак не интегрирует все общественное движение. Это программа, это большая, значимая, глобальная программа, но это не общественное движение. На самом деле центральную роль будет играть не «Мемориал», а, надеюсь, «Московская трибуна».

М.: Расскажите, пожалуйста, об этой организации. Вы были на первом заседании «Московской трибуны»?

П.: Да, я был на первом заседании. Оно состоялось 12 октября 1988 года и проходило в помещении Историко-архивного института. Началось заседание в 8 часов вечера. Это было совсем поздно. И хотя помещение было предоставлено волею ректора этого института Юрия Афанасьева, сам он отсутствовал, был за границей. Активную подготовительную работу проводили Леонид Баткин и Лен Карпинский. Было письмо-обращение в адрес обществоведов и деятелей творческих союзов, творческой интеллигенции, с приглашением принять участие в работе клуба «Московская трибуна» и с изложением общей задачи этого клуба (буквально в одной фразе: активно содействовать общественным преобразованиям и что-то еще в таком духе). Инициативное письмо подписано Л. Карпинским, Ю. Афанасьевым, Л. Баткиным, М. Гефтером, А. Сахаровым, Р. Сагдеевым, Ю. Карякиным...

Пришло очень много людей. В зале была Татьяна Ивановна Заславская. Из западных корреспондентов я помню корреспондента французской газеты «Монд» Бернара Гетта. И начали обсуждать программу клуба, организацион-

ные принципы, членство. А также обсуждали два документа. Один документ об указе о демонстрациях и указе о спецчастях МВД, о конституционных поправках. А другой документ — по национальным проблемам. Пришли к выводу, что оба указа антиконституционны и их действие надо приостановить.

Клуб, по мнению Баткина, должен занять позицию интеллектуальной оппозиции, точнее не оппозиции, а оппонирования законодательным документам и проектам, должен реагировать на общественно-политические события в стране и готовить альтернативные проекты. А также в силу своей включенности в политические, научные структуры, влиять на депутатов при принятии политических решений. Завершилась работа поздно ночью.

М.: Насколько я знаю, клуб не завершил работу, т. к. отложен был проект по Нагорному Карабаху...

П.: Да, проект по национальному вопросу они отложили, т. к. не было общей точки зрения.

М.: Но как этот клуб сможет стать центром общественного движения Москвы в ближайшее время, если он по сути еще и не сформировался как следует? Нет конкретной программы, не понятно, каким он должен быть — элитарной ли организацией или основой большого, массового движения. «Мемориал» — это уже сложившаяся организация, включающая многих авторитетных общественных деятелей. У них действительно всего одна тема, но тема сквозная. Она, эта антисталинская тема, может стать основой предвыборной программы.

П.: Я могу говорить только так, как я чувствую. Многие московские общественно-политические клубы и группы готовы быть партнерами лишь на равных. Они не замкнуты на одну программу. Они многопрофильны. «Мемориал» — это уже сложившаяся структура, и здесь, как в любой такой структуре, если ты не пришел ко звонку, ты опоздал. Сотрудничество с «Мемориалом» возможно лишь как сотрудничество на вторых, третьих ролях. Причем отношения такие, как правило, не очень эффективны. Т.е. ты работаешь на эту структуру, но эта структура не работает на

твои интересы. Традиционно система взаимоотношения различных организаций — система взаимной поддержки равных субъектов в политической деятельности. Это очень важно. Поэтому я не думаю, что «Мемориал» может стать центром общественной и социальной активности, притягательным центром, куда будут доведываться различные другие структуры.

Но сегодня нужен такой центр общественной жизни Москвы или России, вокруг которого смогли бы сгруппироваться другие клубы.

М.: Наиболее авторитетный.

П.: Наиболее авторитетный, но не только. Этот центр должен быть реальным проводником многих общественных, социальных инициатив других клубов. Ведь дистанция от любого другого клуба (скажем, «Демократической перестройки» или Клуба социальных инициатив) до политического руководства страны — это расстояние от неба до земли.

М.: Это замечательная идея. Но готова ли «Московская трибуна» быть таким посредником между группами и партийным руководством?

П.: Я надеюсь.

М.: В вашем клубе есть несколько «шестидесятников», но в основном это люди молодые, это новое поколение — люди, пришедшие вместе с перестройкой...

П.: Я бы сказал, что они начали активно действовать еще до перестройки. Видимо или не видимо, но участвовали в общественной жизни.

М.: Скажу иначе. С правозащитным движением 60-70 годов связи у вас косвенные. Сейчас, во времена перестройки, прежнее диссидентское движение разбилось на группы, точнее — на направления. Наиболее конструктивным направлением мне представляется то, что связано с пресс-клубом «Гласность» (с пресс-клубом, не с журналом!). Складываются ли у вас рабочие отношения с этим клубом? Этот клуб, к примеру, проводил семинары по общественно-политическим проблемам...

П.: В которых мы принимали участие — делали доклады, сообщения.

М.: Вот и ответ.

П.: Я бы хотел его немного дополнить. Среди московских клубов есть клуб, ставящий перед собой чисто правозащитные цели. Это «Гражданское достоинство». Есть еще несколько клубов, сфера деятельности которых связана с этой проблематикой.

Что же касается диссидентов-«шестидесятников», то надо признать, что у нас далеко не со всеми складываются нормальные взаимоотношения. А там, где они складываются, это происходит на основе духовной, нравственной близости, на ощущении схожести наших позиций по отношению к политическим преобразованиям сегодняшнего дня. Далеко не все общественные, издательские группы готовы осознать те преобразования, что сейчас происходят, как новую политическую реальность, в которой можно по-новому жить. Я, к сожалению, никак не могу относиться дружески к журналу «Гласность», к группе «Доверие».

М.: Возможно, это объясняется тем, что определенная часть диссидентов рассматривает перестройку как временный этап, который можно использовать для активной деятельности, исходя при этом из того, что она (перестройка) в общем-то обречена?

П.: Мне трудно оценивать то, как они воспринимают перестройку, но то, что они замечают в этом богатом спектре только негативные стороны и продолжают относиться к ней с позиции агрессивной конфронтации, это бесспорный факт. Для чего это делается — то ли для выражения своей убежденности, то ли здесь присутствует определенный элемент спекуляции (в нашем движении, кстати, тоже бывают мотивы спекуляции, блефа), — сказать трудно.

М.: Есть еще и такой момент. Диссиденты прошли — продемонстрировав мужество — сквозь самый черный период «доперестроечных времен». Очень многие из них пострадали в этот период, были репрессированы. Самые мужественные погибли. Сегодня у многих, как вы говорите,

«шестидесятников» вполне могло сложиться недоверие к режиму, а значит и к проводимой сверху перестройке. Помимо личных амбиций, помимо ощущения, что они отходят на второй план, что приходят новые люди, имеет место, видимо, и вполне обоснованное недоверие к режиму.

П.: Бесспорно, есть и недоверие к режиму. И играют роль и стереотипы, выработанные в доперестроечное двадцатилетие. Человеку свойственно быть консервативным и продолжать свою социальную активность в прежнем русле. А сегодня жизнь предоставляет новые ресурсы, новые возможности. Нужно создавать новый потенциал.

А с такими людьми, как Лариса Богораз, Сергей Ковалев, Лев Тимофеев, которые являются для нас просто нравственными образцами, мы очень близки. И они, кажется, расположены к нам. У нас много контактов, много встреч. Мы их приглашаем на наши конференции, и сами принимали активное участие в конференциях, которые устраивал прессклуб «Гласность». Мы стремимся «реабилитировать» (это, конечно, неудачное слово) «шестидесятников» в глазах нового общественного движения. Это тоже нужно понять. Стереотип, который создавался годами, действует и сегодня: диссидент — это враг народа. Мы работаем на реабилитацию этого движения и в журнале «Век XX и мир». В нравственном отношении для участников нового движения правозащитники — «шестидесятники» — это эталон для подражания. Есть большая разница на самом деле, потому что новое движение использует иные механизмы интеграции в социальную структуру. Порой диалог с политическим руководством, с администрацией приводит к конформизму, чего никогда не допускало движение 60-х годов.

16 ноября 1988 г., Мюнхен

Борис Кагарлицкий*

НАРОДНЫЙ ФРОНТ И КРИЗИС ПЕРЕСТРОЙКИ

Любое новое правительство, провозгласившее курс на перемены, по мнению политических аналитиков, на первых порах пользуется своего рода «кредитом доверия» со стороны народа. Все прекрасно сознают, что преобразования невозможно осуществить за один день, что надо дать властям время на осуществление своей программы. В таких условиях символические жесты, обещания и декларации государственных деятелей вызывают не меньший интерес, нежели конкретные реформы. Но чем больше надежд возбуждено этими обещаниями, тем больше спрос, тем труднее будет платить по счетам, когда «политический медовый месяц» подойдет к концу.

М. С. Горбачеву и его окружению пришлось затратить около года на то, чтобы убедить советское и мировое общественное мнение в том, что новые люди, пришедшие к власти в Москве, действительно хотят перемен. Как ни парадоксально, в конечном счете это лишь укрепило авторитет Горбачева в советском обществе, после того как первоначальные сомнения и предубеждения были преодолены. Горбачев, освободив политзаключенных, позволив свободную дискуссию о перспективах реформ в печати и поощряя кампанию критики сталинизма, доказал, что к его реформистским намерениям надо относиться серьезно. В итоге «медовый месяц», начавшийся с опозданием, растянулся почти на год. Тем не менее все рано или поздно приходит к концу, и надежды все чаще сменяются новыми сомнениями, а то и протестом.

Первым «сбоем» в процессе демократизации оказалось

---

* Б. Кагарлицкий — социолог, один из организаторов Московского Народного фронта, бывший политзаключенный.

«дело Б. Н. Ельцина» осенью 1987 года. Благодаря своим радикальным антибюрократическим заявлениям Ельцин не в меньшей мере, чем сам Горбачев, стал для множества людей символизировать перестройку, решимость не только говорить о переменах, но и осуществлять их на деле. Легкость, с которой Ельцин был смещен с поста руководителя московской партийной организации, явное нежелание Горбачева защитить своего недавнего протеже и соратника, молчание прессы — все это вызвало серьезное беспокойство масс. Не случайно после осенних событий 1987 года Ельцин стал самым популярным политическим деятелем в стране. Опросы общественного мнения, проводившиеся в Москве и провинции, показывали, что опальный московский радикал явно опережал Горбачева. В Свердловске, где Ельцин «царствовал» до перемещения в Москву, прошли массовые демонстрации, со всей страны в руководство партии были направлены тысячи писем, многие парторганизации столицы отказались поддержать решение о снятии Ельцина.

Падение Ельцина подорвало и авторитет «либеральной» прессы. «Московские новости», еще недавно рекламировавшие Ельцина, опубликовали статью известного экономиста, сторонника свободного рынка Гавриила Попова, где опальный деятель обвинялся во всех возможных грехах — авантюризме, экстремизме, троцкизме. «Огонек» взял интервью у Ельцина, но отказался его опубликовать, причем главный редактор журнала В. Коротич выступил с резкой критикой ненапечатанного интервью; как позднее заявил Ельцин, смысл его высказываний был Коротичем грубо искажен.

«Осенний мини-кризис» не означал резкого изменения официального курса, он лишь явно продемонстрировал ограниченность официального либерализма и болезненную реакцию общества на любой «сбой» в проведении демократизации. Характерно, что именно низы советского общества отнеслись к устранению Ельцина наиболее болезненно. Московская интеллигенция быстро почувствовала для себя реальные результаты перестройки — публикация ранее запрещенных книг, поездки на Запад, возможность реорганизации творческих союзов, во многих случаях повышение гонораров, пенсий и окладов. Напротив, большинство

мелких служащих и рабочих продолжали жить надеждами на будущее и терпеть многочисленные, порой возрастающие трудности в настоящем. Ельцин символизировал для них идею социальной справедливости, представлял в глазах трудящихся защитником «простых людей», отстаивающим не права элиты, а повседневные интересы масс, выступающим за участие низов в принятии решений и постоянно прислушивающимся к их голосам. Вот почему «фактор Ельцина» и связанное с ним недоверие к официальному либерализму продолжали играть все возрастающую роль на протяжении всего последующего времени.

Так или иначе, все ждали XIX внеочередную партийную конференцию, которая должна была определить стратегию перестройки. Вся зима и весна 1988 года прошли под знаком этого ожидания. Некоторые опасались (особенно после «осеннего кризиса») резкого консервативного поворота и даже падения Горбачева; другие, напротив, ожидали резкого движения вперед. На практике, однако, не произошло ни того, ни другого. Борющиеся бюрократические фракции предпочли пойти на компромисс и не раскачивать лодку. Либерально-технократическая «молодежь», прорвавшаяся на ключевые посты благодаря Горбачеву, уже не испытывала потребности в быстрых и решительных переменах, которые могли бы дестабилизировать ее собственное положение. Хотя слова о «революционной перестройке» продолжали произноситься, на практике все большую роль стала играть забота о поддержании порядка, поиск «положительных примеров», доказывающих, что дела идут хорошо, призывы «не торопиться». Между тем в обществе, где уже начались стихийные и, в сущности, неконтролируемые политические процессы, спровоцированные самими же официальными реформаторами, подобная попытка стабилизации, как ни парадоксально, оказалась дестабилизирующим фактором. Горбачевское руководство не решалось или не хотело применить жестоких репрессивных мер для подавления новых массовых движений, давая им возможность действовать совершенно открыто, и в то же время постоянно вступало в конфликт с этими движениями. В результате с весны 1988 года один политический кризис сменялся другим.

Армяне требовали воссоединения находящегося под властью Азербайджана Нагорного Карабаха со своей республикой. Прибалтийские народы вспомнили об утраченной в 1940 году независимости и настаивали по меньшей мере на пересмотре своего положения в составе Союза. В Молдавии возникло движение за культурное самоопределение (лозунг присоединения к Румынии не был использован исключительно потому, что режим Чаушеску в Бухаресте не вызывал симпатии даже у самых яростных местных националистов).

Массовое движение, однако, развивалось не только на национальной почве. Выборы делегатов на XIX партконференцию вызвали многочисленные протесты. Рядовые члены партии, не говоря уже о беспартийных, обнаружили, что, несмотря на заявления властей о гласности и перестройке, формирование делегаций оставалось полностью под контролем местной бюрократической олигархии, совершенно не собиравшейся прислушиваться к мнению низов, а московские реформисты не собирались ничего предпринимать, дабы изменить это положение. В результате в самых разных концах России начались митинги, демонстрации и даже забастовки с требованием устранения наиболее одиозных и коррумпированных местных партийных боссов. Эпизентами движения стали промышленные города Куйбышев, Ярославль, Свердловск, Южно-Сахалинск. В Куйбышеве митинги, организованные марксистской группой «Перспектива» и экологистами собрали в первый раз 30, а во второй раз 50 тысяч человек. В Ярославле число участников митингов достигало примерно 8000, по данным официальной прессы. В Южно-Сахалинске дошло до забастовок. В Свердловске коллектив крупнейшего местного завода «Уралмаш» требовал избрать делегатом на партконференцию Бориса Ельцина и снял это требование лишь после того, как было объявлено, что Ельцин уже избран на конференцию от другого округа. Характерно, что в большинстве случаев в центре событий оказывались небольшие радикальные социалистические группы, еще недавно почти не пользовавшиеся влиянием. «Жаркое лето» 1988 года выдвинуло их на политическую авансцену.

Радикальные бунтовщики неожиданно получили многотысячные аудитории, стали давать интервью местной прессе, которая уже не могла игнорировать движение подобного масштаба. В большинстве случаев движения протеста достигали результата. В Куйбышеве и Южно-Сахалинске были сняты местные партийные руководители. Волна кадровых перемещений несколько позднее прокатилась и по республикам Прибалтики. Очень скоро, впрочем, участники выступлений протеста осознали, что простая замена одного официального деятеля другим серьезно не изменит положения. Для подлинных революционных перемен необходима демократическая самоорганизация масс. По всей стране начали формироваться комитеты за создание Народного фронта.

Идея создания подобной организации была предложена официальными исследователями, академиком Т. И. Заславской и юристом Б. П. Курашвили, еще за несколько месяцев до партийной конференции, но в тот момент не получила поддержки в обществе. Фактически движение Народного фронта родилось стихийно снизу, причем никто из либеральных экспертов в Москве не принимал участия в его создании. Более того, активисты НФ, наученные опытом трех лет перестройки, не очень склонны были доверять официальным либералам, опасаясь предательства с их стороны. Эти чувства еще больше усилились после XIX партконференции.

Конференция не подтвердила ни надежд, ни опасений, характерных для весны 1988 года. Острая полемика между делегатами не привела к радикальным политическим сдвигам в ту или другую сторону. Главным результатом конференции неожиданно оказался проект политической реформы, даже не обеуждавшийся до ее открытия. Прямые выборы в Верховный Совет предполагалось заменить косвенными. Народу предстояло избрать многочисленный Съезд народных депутатов, который в свою очередь должен был назвать состав нового двухпалатного Верховного Совета. Наряду с депутатами, избранными прямым народным голосованием в состав этого форума, предполагалось включить представителей различных официальных органи-

защиты — партии, комсомола и т. д., делегированных их руководящими органами (такое «представительство» имело место ранее, пожалуй, только в Италии времен Муссолини). Посты руководителей партии и Советов должны были быть совмещены, а полномочия президента переходили к Горбачеву, ранее довольствовавшемуся должностью руководителя партии. Сразу же после завершения партконференции Президиумом Верховного Совета были приняты указы о войсках особого назначения и о митингах, демонстрациях и уличных шествиях. Оба эти указа резко ограничивали конституционные права граждан. Войскам особого назначения, в частности, разрешалось при поисках «подозрительных лиц» нарушать неприкосновенность жилища, а проведение митингов становилось возможно лишь при соблюдении многочисленных формальностей и с согласия местных властей. Если речь и шла о создании правового государства, то лишь в том смысле, что законодатели всячески заботились о том, чтобы защитить права государства и бюрократии от инициативы граждан. В сущности, предложенный после конференции на основе ее резолюций проект конституционной реформы был последовательно авторитарен и представлял собой шаг назад даже по сравнению с брежневским или сталинистским законодательством. Официальный либерализм явно демонстрировал свою оборотную, охранительную сторону. Новое законодательство было явно направлено против тех, кто, по выражению журнала «Огонек», «щеголяя сегодня «левой» фразой, пытается использовать волны демократии и гласности для раскачивания корабля» («Огонек», 1988, № 38, с. 8).

Совершенно ясно, однако, что обострение политической напряженности было вызвано вовсе не «безответственными радикалами» — на протяжении 1986-87 годов неформальные левые группы показали, что могут в случае необходимости проявлять достаточную лояльность и терпимость по отношению к властям, провозгласившим прогрессивный курс, — а кризисом самого официального реформизма, его неспособностью удовлетворить вызванные им самим ожидания. Фактически перестройка дала конкретные результаты лишь в сфере культуры, где достаточно было отменить

некоторое количество наиболее глупых и позорных запретов. Экономическая реформа продолжала пробуксовывать. По признанию академика Л. И. Абалкина, «радикального перелома в экономике не произошло и из состояния застоя она не вышла» («Известия», 30. 06. 88). Бюрократия на местах не собиралась сдвигать своих позиций. Гласность выявила многочисленные нерешенные экологические и социальные проблемы, но не разрешила их. Стремление малых народов к самоопределению натолкнулось на устойчивый централистский инстинкт Москвы.

Интеллектуальная элита Москвы и Ленинграда все в большей степени испытывала страх и разочарование. Заявления о поддержке руководства сменились на первых порах осторожной, а затем все более решительной критикой. Однако здесь, в свою очередь, выявились границы гласности. Все большее количество журнальных и газетных материалов наталкивалось на цензурные или редакционные ограничения. Видные представители столичной интеллигенции академик А. Д. Сахаров, историк Ю. Н. Афанасьев, культуролог Л. М. Баткин, объединившиеся в клуб «Московская трибуна», неожиданно обнаружили, что не могут распространять свои воззвания иначе как в самиздате — официальная пресса оказалась для них закрыта. Либеральная газета «Московские новости» поместила на своих страницах статью, призывающую бороться против любых форм организованного неофициального движения, будь то фашистская «Память», праволиберальный «Демократический союз» или левые из Народного фронта. Характерно, что автором этой статьи оказался известный журналист Глеб Павловский, первоначально выступавший с радикальных позиций, но летом, во время массовых выступлений в провинции, резко изменивший ориентацию. Период либеральной эйфории, когда все старались перещеголять друг друга прогрессивными высказываниями, явно подошел к концу. Наступало время делать решительный выбор.

Кризис перестройки отнюдь не означает конца перемен. Мы лишь переходим от широких и доброжелательных дискуссий к подлинной политической и социальной борьбе, от которой в конечном счете и будет зависеть судьба перемен

в Советском Союзе. Во многом колебания официального реформизма напоминают знаменитую непоследовательность Хрущева, шарахавшегося от ниспровержения Сталина к атакам на инакомыслящую интеллигенцию, от реабилитации политзаключенных к расправе над забастовщиками в Новочеркасске в 1962 году. Однако на сей раз масштабы политического кризиса гораздо значительнее. Левые силы обрели собственную организацию — Народный фронт. Движение за демократический социализм впервые за много лет перестало носить характер интеллигентской оппозиции. Не случайно именно крупные индустриальные центры русской провинции сыграли ключевую роль в создании НФ. Политика перестает быть исключительно делом интеллигенции. Массовое движение уже стало реальностью, и каждый новый поворот политического кризиса лишь усиливает его.

В национальных республиках формирование Народного фронта оказалось гораздо более легким делом, ибо национальные (а порой и националистические) требования находили отклик в самых разнообразных слоях, включая и значительную часть местной бюрократии. Однако решающие события происходят именно в России. Успех или поражение левых сил, да и исход перестройки в целом будут зависеть прежде всего от боеспособности и сознательности массового движения, от того, насколько различные социальные слои, выступающие за подлинную социалистическую демократию, смогут консолидироваться на общей платформе. И здесь нет никаких гарантий победы. Но есть основания для надежды.

Декабрь, 1988 г.

Лен Карпинский

БЫТЬ РЕАЛИСТОМ — ТРЕБОВАТЬ НЕВОЗМОЖНОГО

От редакции: Постоянный автор нашего журнала Валдим Белоцерковский связался по телефону с известным московским социологом и журналистом, активным участником общественного движения в поддержку перестройки Леном Карпинским. В годы так называемого «застоя» Л. В. Карпинский был за свои критические выступления исключен из партии. В конце 1988 года его в партии восстановили. В. Белоцерковский попросил Л. Карпинского ответить на несколько вопросов.

Белоцерковский: В парижской газете «Русская мысль», посвященной 70-летию Солженицына, я обнаружил целый ряд писем и обращений в Верховный Совет, к Горбачеву, в Союз писателей, подписанных большим числом знаменитых людей, призывающих к реабилитации Солженицына и публикации в СССР всех его произведений. Я не знал о существовании такого числа обращений с таким большим числом подписей. Как Вы, Лен Вячеславович, относитесь к этому вопросу?

Карпинский: Я считаю, что эти обращения правильные, и я бы присоединился к ним. Солженицын является первым, кто поднял столь внушительный и острый голос против сталинщины, в защиту жертв сталинизма. И заслуга его в этом плане непреходящая, она останется в веках. Некоторые его произведения я не читал, что естественно для наших условий. И я лично далеко не во всем с ним согласен, когда он оценивает отрицательно такую фигуру, как Ленин, когда он рассуждает о значении Октябрьской революции, когда он выдвигает свои проекты государственного и общественного устройства в нашей стране, но это не делает нас врагами и совершенно не означает, что он не должен и не может иметь гражданства в своей родной стране. У него своя позиция, у других людей своя позиция, но чтобы получилось, если бы

мы из-за разницы в позициях начинали выбрасывать из страны своих сограждан, так как это сделали с Солженицыным? Я целиком поддерживаю эти обращения.

Б.: Я с Вами тут, конечно, совершенно согласен, но Вас не удивляет, что призывают реабилитировать только Солженицына, не призывая при этом реабилитировать всех политэмигрантов и всех политзаключенных? Из истории мы знаем, что почти всегда при установлении демократического режима (последние примеры этого — Испания, Португалия) в первые же дни, как только начинается демократизация, открываются для всех политзаключенных двери тюрем и всех реабилитируют. А всех политэмигрантов приглашают вернуться на родину. Почему же советская общественность не добивается сейчас такого же отношения ко *всем* политзаключенным, ко *всем* политэмигрантам. А то получается, что освободили из ссылки Сахарова, а другие политзаключенные продолжали сидеть (некоторые сидят еще и до сих пор). Теперь призывают реабилитировать и пригласить на родину Солженицына, что совершенно справедливо, но забывают об остальных политэмигрантах. В чем здесь дело, по-Вашему? Не результат ли это, будем говорить откровенно, какого-то культового, элитарного сознания, глубоко укоренившегося, я бы даже сказал, рабского сознания, неуважения к личности как таковой, если она не увенчана знаками отличия и славой?

К.: Мне кажется, Вы правы, и в данном случае элитаризм и стереотипы как бы проявляются в обратном направлении. Мы прежде всего замечаем людей так или иначе известных, а масса заслуженных и незаслуженных людей, просто людей, остается в тени. Я думаю, Вы правильно анализируете причины этого, и наша общественность должна поднять голос в защиту всех политзаключенных и тех, кто вынужден был уехать за пределы страны, с тем чтобы вернуть их на родину и полностью реабилитировать.

Я имел беседу с газетой «Московские новости» по поводу своего восстановления в партии, и в заключение этой беседы я сказал, что необходимо как можно быстрее закончить этот процесс реабилитации, поскольку амнистия — это только прощение. А за что, собственно, прощать этих людей, в чем

они провинились? Справедливое решение — это реабилитация.

Б.: Еще вопрос. В латвийской газете «Советская молодежь» за 3-е декабря напечатано интервью в Росем Медведевым. Так вот, Рой Медведев высказывает мнение, что в произведениях Солженицына имеются, как он говорит, «концепции, полные ложных измышлений», и некоторые из них способны возбудить национальную рознь и ненависть к евреям, что Солженицын утверждает, будто евреи финансировали с помощью подпольной системы банков (такой пример приводит Медведев) большевистскую партию перед революцией. Что Израиль Парвус (по Солженицыну — немецкий шпион, ненавистник России, сексуальный маньяк) был идейным наставником Ленина, что он непосредственно руководил революций 1905 года, и Советы он изобрел. Что Мордко Богров (не Дмитрий, а Мордко Богров — так у Солженицына) убил Столыпина, главную и последнюю надежду России, и т. д. И вот Рой Медведев считает, что подобное нельзя печатать без комментариев. Ваше мнение?

К.: Я согласен с тем, что обязательно нужно оспаривать подобные вымыслы, потому что это, конечно же, вымыслы. Солженицын тут не одинок. Есть у нас и живущие в стране лица, которые прорабатывают и разворачивают эту версию источников революции и характера революции — националистическую и шовинистическую. С этим никак нельзя согласиться. Это как раз то, о чем я сказал ранее: со многими солженицынскими концепциями и взглядами я лично согласиться никак не могу. И если бы они появились в печати, я бы принял участие в их оспаривании.

Б.: В связи с обращениями советской интеллигенции, призывающими реабилитировать Солженицына, возникает вопрос: почему нет подобных обращений по другим важнейшим поводам? Например, не было обращений (массовых, чтобы вся элита интеллигенции выступала) в защиту требований крымских татар, нет таких обращений в защиту права армян Нагорного Карабаха на воссоединение со своей родиной, нет обращений в защиту требований эстонского народа. Знаете ли Вы, кстати, что недавно эстонская интеллигенция опубликовала обращение к совет-

ской интеллигенции с просьбой поддержать ее позицию — понять и поддержать?

К.: Этого обращения я не знаю.

Б.: Оно было опубликовано, видимо, только в эстонской прессе. Возникает вопрос: почему нет такой активности русской, московской интеллигенции?

К.: Вы ставите вопрос об интеллигенции как о чем-то целом и объединенном в определенные какие-то организации или союзы, которые могли бы активно выдвигать эти вопросы и ставить их перед правительством, перед общественностью. Но такой интеллигенции, сплоченной и объединенной, пока просто нет. Возникают отдельные клубы, отдельные объединения, которые выдвигают разные вопросы — и политические, и экономические, и социальные, но это всё находится в зародышевом состоянии. Ваше вполне справедливое недоумение в связи с тем, что множество важнейших проблем остается вне поля зрения интеллигенции, я разделяю и объясняю это тем, что перестроечная интеллигенция сама еще никак не консолидировалась и не имеет самостоятельного голоса. В частности, в Москве возникло объединение «Московская трибуна», которое только начинает свою работу, и с рядом проблем оно уже обратилось и к правительству, и к общественности. Но и оно находится в зародышевом состоянии. У меня такое впечатление, что в дальнейшем, возможно даже в ближайшем будущем, интеллигенция каким-то образом сможет объединиться для постановки подобных и других проблем.

Б.: Это очень приятно слышать. Я читал в неформальной прессе о том, что объединение «Московская трибуна», в которое и Вы входите, должно было, по предложению Елены Боннэр, выработать обращение к общественности Советского Союза по поводу проекта изменений Конституции и избирательной системы — с призывом пересмотреть этот проект или даже отложить его обсуждение. Это обращение было принято?

К.: Да, оно было принято. Вот оно передо мной. Оно было направлено в Президиум Верховного Совета и

средствам массовой информации, то есть, проще говоря, в газету.

Б.: И было опубликовано?

К.: Нет, оно не было опубликовано. Дело в том, что «Московская трибуна» предложила вообще по-иному отнестись к обсуждению этого первого и очень важного этапа политической реформы верховных органов власти. Мы полагали, что это центральный этап, и поэтому проект заслуживает более продолжительного и более тщательного обсуждения. Кроме того, сама форма обсуждения должна быть иной. Мы предлагали провести предусмотренный конституцией референдум — народное голосование по поводу нескольких ключевых вопросов. Во-первых, выборы депутатов Верховного Совета СССР, который будет постоянно работающим парламентом. Как их проводить — через съезд народных депутатов, как это сейчас предусмотрено, или же они должны быть прямыми? Во-вторых, как избирать главу государства — на съезде народных депутатов или непосредственно, прямо? В-третьих, как вообще проводить выборы — исключительно по территориальному принципу или же на двоякой основе: часть по территориальным округам, а часть на съездах всесоюзных общественных организаций? Это вопрос спорный, и в печати также были большие споры. Ну, и в-четвертых — можно ли выдвигать более чем одного кандидата на любую выборную должность или же этот принцип следует как-то ограничить? Вот несколько пунктов, по которым, как нам казалось, целесообразно было бы провести именно референдум. Мы еще подчеркивали в этом обращении, что вот такая всенародная дискуссия явилась бы очень важной школой, необходимой для вовлечения в политический процесс большинства народа, для воспитания демократического правосознания и гражданской активности и ответственности. Но это предложение так и не было учтено, и ни одна газета его не опубликовала.

Б.: Это очень печально. Лен Вячеславович, а не обсуждался ли у Вас вопрос вообще о замене территориальных выборов выборами по производственному принципу? Эту идею уже кто-то выдвигал год назад в советской

прессе, а совсем недавно ее обсуждали в газете эстонские юристы. Они считают, что было бы гораздо рациональнее и демократичнее в условиях однопартийной системы проводить выборы главным образом по производственному принципу, то есть когда люди знают, за кого они голосуют и когда больше уже не будет никакого второго голосования или третьего. Сейчас ведь даже 3-4 этапа будет на выборах. Первый — это выдвижение кандидатов. Затем избирательные комиссии и окружные предвыборные собрания будут отбирать из общего числа кандидатов тех, кого они впишут в бюллетень, затем уже официальные выборы по территориальному признаку, потом выборы членов Верховного Совета на съезде народных депутатов. Всего четыре этапа. Это уже никак не прямые выборы. Обсуждалось ли это у вас?

К.: Я, честно говоря, над этой проблемой не задумывался. Ну, кроме того, я не вижу ничего страшного в том, что будет несколько этапов. На каждом этапе должна быть предвыборная борьба, агитация за своего кандидата. И здесь нет никакой катастрофы. Важно, чтобы это действительно была свободная состязательность, возможность неограниченного выдвижения кандидатов и отбора кандидатов, которые имеют свою четкую общесоциальную и конкретную программу.

Б.: Понимаю. Но этот вопрос, наверное, рано или поздно встанет; ведь первые Советы, за возрождение которых сейчас ратуют в стране, проводили выборы именно по производственному принципу. Тогда люди хорошо знали тех, за кого они голосуют, кого они выдвигают. Было очень легко контролировать поведение своего депутата и при необходимости его отзывать и т. д.

К.: У нас целостная реформа политической системы, а также пересмотр Конституции. впереди. В частности, впереди такой этап, как формирование местных органов власти, местных Советов. Я убежден, что поставленный Вами вот сейчас вопрос обязательно возникнет в ходе обсуждения этой платформы и проекта о местном самоуправлении. Вы даже подсказываете эту проблему, которую я также постараюсь донести до своих товарищей, и мы глубже займемся ею со временем. Я имею в виду ту же «Московскую

трибуну», которая собирается выдвинуть ряд социальных проектов в своей дальнейшей работе. Надо сказать, что «Московская трибуна» до сих пор не успела наладить правильный ритм работы. Мы начинаем подключаться к обсуждению тех документов, которые уже где-то в кабинетах разработаны и вынесены на обсуждение. Оспаривать их принципиально становится уже очень трудно. Это старая, так сказать, наша традиция: спущенное сверху — как бы уже безусловно. Поэтому «Московская трибуна», объединяющая столичную интеллигенцию, должна бы, по нашему мнению, *заранее* разрабатывать и исследовать проблемы и выдвигать свои проекты по насущным вопросам, не дожидаясь тех документов, которые подготовлены в правительственных кабинетах.

Б.: Вы сейчас затронули чрезвычайной важности вопрос. Сможет ли общественность активно участвовать в законотворчестве. Она сможет это делать только если будет выдвигать свои альтернативные проекты. В Эстонии так и произошло. В Эстонии и в Латвии, и в Литве общественность выдвигала свои проекты изменений конституции — и своей конституции, и всесоюзной — и партийному руководству пришлось с этим считаться. Я могу еще вспомнить польскую «Солидарность». «Солидарность» разработала законопроект, не дожидаясь правительственного законопроекта, разработала в 1981 году замечательный, на мой взгляд, законопроект о самоуправлении трудовых коллективов, об органах самоуправления на предприятиях, и обнародовала его, послала его на партийный съезд, который состоялся летом 1981 года. И в результате развернулась уже дискуссия вокруг проекта «Солидарности». А в октябре месяце сейм вынужден был принять закон, в котором 70 % пунктов взяты прямо из программы «Солидарности».

К.: Я с Вами совершенно согласен. Мне вспоминается одна известная мысль Гегеля, который говорил вот о таких опережающих прорывах мысли или действия. Он говорил, что участники и герои такого поступка, поскольку они нарушают существующий закон, индивидуально часто гибнут, но дело их обязательно вскоре торжествует, хотя, быть может, и в другой форме. Вот так я отношусь к эстонскому почину. Я думаю, что этот почин нечто по сути правильное и очень важное, хотя с формальной точки зрения

и нарушает существующее законодательство. Но, как Вы помните, в свое время революционная молодежь говорила: «Будьте реалистами — требуйте невозможного». Он сыграет большую роль — почин прибалтийских республик. Кстати, на сессии Верховного Совета голоса резко разделились. Это были контрастные голоса, когда речь шла об эстонском примере. К сожалению, значительная часть депутатов высказала очень жесткую, авторитарную, нетерпимую позицию. Эстонских товарищей обвиняли чуть ли не в том, что они уронили международный престиж нашей страны, что они ослабили обороноспособность, что они подрывают единый народно-хозяйственный комплекс. И никто не сказал о том, что речь-то идет не просто о федерации, отличной от конфедерации, а речь идет о *бюрократической* федерации (которая существовала до сих пор), которую-то и федерацией на деле нельзя назвать, потому что ведь эта «федерация» требовала подчинения не столько конституционным законам, сколько подчинения сотням тысяч мелких повседневных приказов и указаний, которые шли из центральных органов и центральных ведомств и ставили республики в положение, когда они могли распоряжаться лишь мизерной долей своих фондов, земель и ресурсов. Зачем же абстрактно обсуждать, что лучше — федерация или конфедерация. Ведь реально мы имеем *бюрократическую унитарную* систему, а вовсе не федерацию. Многие депутаты, на мой взгляд, совершенно несправедливо выискивали поводы обвинить эстонских товарищей, эстонский Народный фронт, эстонский Верховный Совет. Но была и другая позиция, которая начинала не с упреков и обвинений, а начинала с признания правильности и обоснованности выдвижения этих проблем и этого вопроса в Эстонии и в Прибалтике. Отмечалась, правда, такая, что ли, партизанская форма этого выдвижения, но по существу-то многие признавали своевременность постановки проблемы суверенности союзных республик, предоставления им значительно большей самостоятельности, регионального хозрасчета. И я могу вам напомнить, что и М. С. Горбачев, хотя и выступив резко против формы, в которой это сделали в Эстонии, одновременно признал, что постановка вопроса правильная и он будет обязательно обсуждаться и решаться. Так что у нас даже на официальном уровне неоднозначное отношение к эстонскому почину.

АРЕНДНАЯ КАМПАНИЯ

Во время своей поездки по Красноярскому краю Горбачев, оправдывая отсутствие заметных результатов перестройки в социально-экономической сфере, неоднократно говорил о том, что перестройка практически началась всего лишь полгода назад, а до того надо было обдумать политику, план, концепцию перестройки, чтобы опять не захватить в тупик. Так что время не было потеряно. Теперь, де, в основном всё обдумано и нужно действовать, и будут результаты. Правда, что перестройка в экономике только начинается. Но большие сомнения вызывает другая часть утверждения Горбачева — а именно, что три года, прошедшие с момента объявления курса на перестройку, даром не пропали и план действий в целом разработан. На мой взгляд, разработан этот план очень плохо. Его авторы не пошли дальше, чем реформаторы в странах Восточной Европы — в Югославии, Венгрии, Польше. А ведь в упомянутых странах царит тяжелый кризис. Они пришли в результате своих реформ в тот самый тупик, от которого предостерегает Горбачев. Драматическим или ироническим, не знаю уж как сказать, фоном к выступлениям Горбачева в Красноярском крае служило, в частности, развитие событий в Польше, где уже стало очевидным полное поражение реформы. А ведь в Польше сделано все, о чем советские реформаторы в партруководстве только мечтают. Горбачев, например, уповаet на арендный подряд в сельском хозяйстве, а в Польше с 1956 года 80% сельского хозяйства вообще находится в частных руках. Однако Польша сейчас одна из самых голодных стран советского лагеря.

Горбачев уповаet на кооперацию, которая сейчас в СССР дает менее одного процента валового национального продукта, а в Польше кооперативный и частный сектор дает более 20%. Однако польский народ все больше и больше нищает. И это при том, что в Польше количественно (и

качественно) сохранилось крестьянство. Т.е сохранились навыки к единоличному хозяйствованию и аппетит к нему, и мужчин в селах хватает. То же относится и к частному предпринимательству в городах.

На что же рассчитывают Горбачев и его советники в советской реальности?

Выступая 16 сентября 1988 г. перед активом Красноярска, Горбачев ратовал за то, чтобы неисправимо убыточные предприятия передавались в аренду трудовым коллективам. Он привел в пример Бусовский комбинат стройматериалов. В начале года было принято решение о его закрытии, так как комбинат из года в год становился всё более убыточным. Тогда коллектив, по словам Горбачева, решил взять предприятие в аренду на 8 лет и за несколько месяцев произвел подлинную революцию: выпуск товарной продукции увеличился на 30%, сократился численный состав работников и расходы топлива и энергии, и вместо прежних убытков было получено уже через 8 месяцев 500 тысяч рублей прибыли. Увеличилась и средняя зарплата — на 50 рублей в месяц. Обо всем этом сообщил Горбачев. Сразу же возникает простейший вопрос: почему же бóльшую часть других предприятий не передать их трудовым коллективам хотя бы в аренду? Ведь Горбачев сам же утверждает, что и на других предприятиях, отданных в аренду трудовым коллективам, дела идут очень хорошо. Но таких коллективов в стране очень мало — меньше, чем кооперативов.

И еще вопрос: а смогут ли и дальше процветать и улучшать свои показатели такие арендные предприятия, оставаясь окруженными морем государственных предприятий, оставаясь без свободного рынка и рыночного ценообразования, без твердых демократических и правовых порядков? Опыт всё тех же восточноевропейских стран, да и логика, говорят о том, что не смогут. Честно говоря, и сейчас не очень-то верится в данные об арендных предприятиях, приводимые Горбачевым и советской прессой. Ничего, к примеру, не говорится о порядке назначения цен на продукцию арендных предприятий, о политике госзаказа по отношению к ним, о том, где и как добывают они сырье и оборудование. Ведь свободной продажи в СССР ни того, ни другого еще нет!

Наконец вопрос, над которым, судя по прессе и выступлениям, никто в СССР не думает: почему предприятия, особенно нерентабельные, сдают в аренду, а не продают? Что это значит — сдать предприятие в аренду? Уже через несколько лет все оборудование будет заменено за счет средств коллектива-арендатора, но он должен будет продолжать платить государству арендную плату. За что? За стены? Это же полуфеодалская наследственная форма собственности на средства производства. Недавно я читал у Бухарина, что сдачу «кулаком» в деревне в аренду крестьянам сеялки или других орудий труда надо рассматривать как скрытую форму эксплуатации. А ныне в СССР спокойно сдают в аренду целые предприятия и гордятся этим. Но если сеялка выйдет из строя, то «кулак» не сможет уже брать за нее арендную плату, а социалистическое государство намерено взимать арендную плату, невзирая на изнашиваемость оборудования?

Тут пора сказать о чрезвычайно интересном обстоятельстве, о котором советская печать ничего не пишет. В капиталистических странах уже давно — несколько десятков лет — существует практика передачи предприятий, находящихся под угрозой закрытия, банкротства в руки трудовых коллективов. Но они не сдаются в аренду, а в полную собственность — продаются! В рассрочку. Между прочим, особенно распространена такая практика в США. Там имеется уже более 8 тысяч предприятий, больших и малых, принадлежащих трудовым коллективам. И они показывают великолепные результаты, как правило, превосходя по многим показателям сравнимые с ними капиталистические предприятия, частные или акционерные. Потому и существуют! Но существуют, не забудем, в условиях свободного рынка и настоящей, жесткой конкуренции, в условиях демократического и правового государства, когда никто не может вдруг изменить условия их существования. Придумать, например, для них специальный удушающий налог или какие-нибудь обязательные поставки, закрыть вообще или отобрать в государственную казну.

Ну и, конечно, коллектив там является полным хозяином предприятия: делает, что хочет, с доходами, нанимает и контролирует менеджеров, устанавливает какие

угодно порядки. Будет плохо хозяйствовать — прогорит. Но банкротств среди таких предприятий меньше, чем среди капиталистических. Увы, этот опыт советское руководство пока что полностью игнорирует.

После выступления Михаила Горбачева на встрече с работниками агропрома стала ясна линия партии в сельском хозяйстве. Линия на массовое внедрение арендного подряда, главным образом, семейного. И, что очень важно, с использованием методов давления на крестьянство и колхозное руководство. «Главный вопрос, — говорил Горбачев на встрече, — чтобы подстегнуть процессы, переходные процессы на аренду.» «Подстегивать» Горбачев предполагает, судя по всему, и экономическими, и административно-силовыми методами. Он уже заявляет о «массовом желании в народе» переходить на аренду. Только, дескать, специалисты и руководители хозяйств сопротивляются. Но, по свидетельству советской прессы, до сих пор всё было наоборот. Всего лишь за две недели до выступления Горбачева перед работниками агропрома академик Тихонов, президент *ВАСХНИЛ*, утверждал в «*Известиях*»: «Но настоящей тяги к земле не видно, и это тревожный показатель...»

Очень многие «горячо одобряют» новый курс. Видят в нем стремление партии к расформированию колхозов и надежду на преодоление сельскохозяйственного кризиса в СССР.

Но вот в Эстонии, на учредительном съезде Народного фронта в поддержку перестройки выступает председатель эстонского колхоза Тено Тиитс и заявляет, что он и «слышать не хочет об аренде земли». Говорит, что предложение советского руководства об аренде земли даже на 50 лет является не только полумерой, но и оскорблением для крестьян, которые в прошлом были собственниками обрабатываемой ими теперь колхозной земли. «Крестьяне, — сказал Тено Тиитс, — эту землю уже много раз выкупали своим трудом, причем у разных режимов.» С ним трудно не согласиться. Советское правительство в 1917 году передало

землю крестьянам в бессрочное пользование. С этой землей они потом вступили в колхозы. На основании какого же права они теперь должны брать в аренду свою же собственную землю? И ведь не только арендную плату им придется платить за эту землю (это помимо ренты!), но и выполнять какие-то условия аренды. А эти условия для колхозников хорошо известны из нового закона о кооперативах и рекомендаций агронома. Большую, запланированную часть продукции (если не всю!) арендатор должен продавать, а точнее сдавать колхозу по государственной цене, так как и колхоз в свою очередь должен эту продукцию сдавать государству в счет пресловутого госзаказа по твердой госцене. Как хорошо было отмечено в той же «известинской» беседе с академиком Тихоновым, «арендатор имеет право только на сверхприбыль, которую должен заработать сверхтрудом». И вот мы уже читаем, что арендаторам приходится трудиться днем и ночью, и даже дети их работают от зари до зари. Единоличный труд, но в рамках колхоза. Что же это за дикий гибрид? Своего рода система крепостного оброка на барской, то бишь колхозной, земле! Но к подобному советским людям не привыкать. Самое поразительное тут — надежда Горбачева и его советников с помощью аренды решить проблемы сельского хозяйства. Но как можно на это надеяться, если в деревнях осталось очень мало мужчин и мало семей с *нормальным составом*? И если почти нет уже навыков единоличного труда?

«Многих завораживает пример Китая, — писал в «Литературной газете» 28 сентября Юрий Булах, — Китаю удалось на базе семейного подряда в короткий срок решить проблему снабжения продовольствием населения страны... Но в Китае... на каждый гектар приходится в 40 раз больше рабочих рук, чем в СССР... И еще надо учитывать разницу в численном составе китайской и нашей крестьянской семьи.» Справедливое замечание. Мы еще дабавим, что надо учитывать и разницу в соотношении городского и сельского населения. В Китае сельских жителей — 80%, а в СССР — меньше 20%. То есть, в Китае четверо крестьян должны кормить одного горожанина, а в СССР — наоборот.

Удивительно, что Горбачев и сторонники арендного

подряды не учитывают опыт Польши, где 80% сельского хозяйства давно уже в частных руках, но страна не выходит из продовольственного кризиса. Причина этого, очевидно, в том, что не хватает эффективной помощи города — помощи со стороны промышленности и науки, и не хватает свободы торговли, свободы ценообразования — рыночной системы. В Венгрии же сохраняются колхозы, но они имеют больше свободы и больше эффективной помощи, и Венгрия самая сытая страна в так называемом «социалистическом» лагере.

В советских условиях аренда может привести сельское хозяйство к катастрофе. Арендаторов может оказаться слишком мало, но они вытянут из колхозов последних трудоспособных мужчин, и что тогда?

В середине 60-х годов я присутствовал на выступлении в Центральном Доме литераторов академика Евсея Либермана, ныне уже покойного. Либермана называли отцом тогдашней экономической реформы (точнее, попытки ее проведения). Он рассказал писателям о реформе в промышленности. «Ну, а как быть с сельским хозяйством?» — задали ему вопрос из зала. «Очень просто,— ответил Либерман, — надо освободить колхозы от обязательных поставок, оставить только налог и ренту, и предоставить свободу деятельности. И мы будем с хлебом!» И мы знаем примеры: когда колхозы становились действительно коллективными, а не крепостными хозяйствами, то их продуктивность увеличивалась в несколько раз. Тот же Тено Тиитс, выступая на учредительном съезде эстонского Народного фронта, сказал, что, если его колхозу «дадут настоящую свободу и необходимое машинное оборудование, то колхоз может добиться такой же производительности, как и скандинавские страны». Другие выступавшие предлагали фактически отвергнуть линию на арендный подряд, как основное направление, и выдвигали предложение передать колхозы в собственность крестьянам, чтобы они обладали правом передавать свою часть кооперативной, колхозной собственности в наследство детям и могли выходить из колхозов, продолжая оставаться собственником своей доли земли. Это был бы правовой и демократический подход. Не навязывать коллективные формы хозяйствования, но и не подавлять. Людям наконец нужно дать свободу самим

решать, как трудиться — колхозом ли, в производственном кооперативе, единолично или на арендном подряде. И в любом случае нужно освободить их от обязательных поставок по государственным ценам, освободить от барщины и оброка. Но именно этого — «самого простого», по выражению Евсея Либермана, — решения советское руководство никак не хочет принять. Возможно, оно боится, что поначалу упадет товарность сельского хозяйства. Такое возможно, но государство может на переходный период оставить за собой совхозы и увеличить, если потребуется, закупку сельхозпродуктов за рубежом. Значительную часть средств на это можно получить за счет одностороннего разоружения. Разумеется, радикальное оздоровление сельского хозяйства возможно лишь при одновременном радикальном же оздоровлении промышленности — чтобы, кроме всего прочего, у крестьян появился и интерес продавать как можно больше своей продукции. Сегодня крестьянам очень трудно отоваривать свои деньги и нет стимула много зарабатывать.

Натан Эйдельман

ТРУДЕН ПУТЬ К ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

В конце декабря 1988 г. в Мюнхене был проездом известный советский историк, специалист по русской истории XVIII-XIX вв., автор книг о декабристах, Пушкине, Герцене Натан Эйдельман. Редактор журнала «Форум» В. Малинкович беседовал с Н. Эйдельманом о процессах перестройки в СССР и ближайших аналогиях в русской истории.

Малинкович: Нынешняя перестройка в Советском Союзе — это своего рода революция или же радикальная реформа, начатая сверху. Русской истории аналогичные примеры, очевидно, известны?

Эйдельман: Я бы сказал, что в русской, да и в советской истории преобладают крупные преобразования разного значения, разного направления, которые начинались и бурно проводились именно по инициативе верхов. Если брать дальнюю историю, то крупнейшие перевороты в русской жизни, начиная с Ивана Грозного, шли от государства. Я считаю, что цикл революционных реформ, очень похожих на то, что происходит сейчас, — это так называемая реформа 1860-70-ых годов. Причем наши ученые-пуристы часто возражают против аналогии. Как же, разные классовые основы, разные социальные системы, разные века. Да, разные.

М.: Да, классовые основы разные, но есть и другой момент. В то время, в 1860-ые годы, каждый человек получил что-то конкретное. В ходе перестройки каких-то изменений, которые бы затронули интересы широких слоев населения, по существу нет. Есть гласность, в этот процесс как-то включается интеллигенция, но рядовой человек часто ничего не получает — у себя на заводе или у себя в учреждении. В шестидесятых же годах прошлого века каждого крестьянина (а крестьяне тогда составляли подавляющее большинство)

касались освобождения, и каждый был непосредственно заинтересован в реформе.

Э.: Начнем с того, что реформа готовилась несколько лет. От первых слов о ней до объявления окончательной реформы прошло пять лет. Потом она несколько лет реализовывалась, так что лет десять нужно было на всё это. Кроме того, был ряд других реформ, которые касались уже отнюдь не только крестьян, а зачастую и совсем не крестьян, но всё же относились к прогрессу русского общества — это реформы местного самоуправления, судебные реформы и другие. Они тоже вводились не сразу — в общем, в течение девяти, десяти лет. Так считается, что с середины 1850-х годов за них взялись и в середине 1860-х они обозначились. Это важный момент. Десять лет, кажется пустяк на расстоянии, а нам уже три года тяжелы.

М.: Очевидно. Но в то время все-таки реформы шли от самодержавного правителя, а никак не от руководителя тоталитарного государства. Сегодня всё гораздо сложнее, потому что существует мощный аппарат противодействия — аппарат, который в течение десятилетий правил в этом государстве.

Э.: Разница между самодержавной и тоталитарной системами относится уже к степени вмешательства государства в хозяйственные и другие сферы общественной жизни. И та и другая системы авторитарны, практически не ограничены демократическими институтами. Ну, если вернуться к самодержавию, то, во-первых, не в характере его было делиться с обществом, потому что психологически даже для Александра Второго было очень трудно с кем-то делиться, и потребовались чрезвычайные обстоятельства, чтобы он к этому обратился.

М.: Но, тем не менее, он был самодержцем и аппарат служил этому самодержцу. В нынешней ситуации бывают положения, когда аппарат находится *над* самодержцем. Мы знаем случай с хрущевской оттепелью, когда аппарат сбросил Хрущева, когда он вытолкнул реформатора. Не возможно ли повторение?

Э.: Я начну с того, что тут я как раз вижу больше

сходства, чем различия в разных веках. Вообще, я хочу буквально два слова сказать о том, что разница огромная — и режимов, и типа страны, и типа народа. Это общее место. Удивительно не то, что XIX век отличается от XX-го, удивительно, что все-таки они сходны. Огромная роль государства — это черта сходства. Так вот, аппарат, начиная с Петра Великого (ясно, что был он и до Петра), был страшной силой, хотя, конечно, куда меньшей, куда менее развитой, чем позже. Но для своего времени очень большой силой. Я могу Вас заверить, что он неоднократно противодействовал реформам. Я понимаю, что очень непохожа ситуация, но меня здесь интересует похожесть. Перед отменой крепостного права царствовал Николай Первый. Тридцать лет был застой, выражаясь сегодняшним языком. Лучшие люди давно отошли от государственной деятельности. Казалось, что наверху нет никого, кто мог бы проявить инициативу. Аппарат был мрачен и крепостнически настроен. Но когда стало совсем худо, когда власть стала качаться, особенно после Крымской войны, вдруг из глубины этого аппарата вышли люди. Нашлись люди — очевидно сработал инстинкт социальный или классовый, как угодно, инстинкт самосохранения. Вот и стали реформаторами. Например, Ланской Сергей Степанович. Ну, кто же мог думать, что этот, казалось бы, закоренелый крепостник проявит такую огромную инициативу по части реформ.

Я считаю, что и сейчас из высшего аппарата (партийного, бюрократического, если угодно), который казался очень уж безнадежным и максимально бездарным в брежневский период, выходят люди. Оказывается, в недрах его есть те же силы социальности, те же силы самосохранения. Они выдвинули уже ряд далеко впередсмотрящих лидеров, прежде всего, Горбачева.

М: Считаете ли Вы достаточным выдвижение людей только из верхних слоев аппарата, не нужно ли подключение снизу?

Э: Конечно. И тогда это было. Начало (очевидно, такая уж судьба российской истории) идет сверху. Как говорится, милости не приобретенные, а дарованные идут сначала. Но чтобы реформы утвердились, если реформаторы желают их

действительно продвинуть (а мы говорим о реальном желании, а не о демагогии), то они должны, начав с крыши, все-таки подвести фундамент.

М.: Это верно, но представляется, что сегодня, во времена перестройки, выявляется слишком много различных интересов, которые очень трудно согласовать. Все-таки во времена Александра Второго доминировал общегосударственный *российский* интерес. Сегодня многие реформаторы из нерусских республик настроены добиваться самостоятельности. Мы знаем пример Эстонии, да и почти во всех республиках сейчас появились мощные общественные движения с тенденцией не то, чтобы к сепаратизму, но к суверенности в рамках Советского Союза. Это не всегда в интересах высшей московской бюрократии. Возможно ли, по-Вашему, согласование таких интересов?

Э.: В каждом таком широком спектре реформ есть какие-то общие интересы, которые охватывают всех. Снова вернувшись в XIX век, я вспоминаю о польском движении, о польском восстании, которое было тогда, хотя одновременно даже Польша тогда тоже освобождалась, и, может быть, само восстание было продуктом известного освобождения.

М.: Но, с другой стороны, это же восстание было жестоко подавлено царем-реформатором. Более того, я напомним: если для России Александр Второй был действительно освободителем во многих отношениях, то для многих украинцев он оставался крепостником. Ведь именно Александр Второй в Бад-Эмсе подписал указ о запрещении украинского языка. Мне кажется, что национальные проблемы, которые, конечно, существовали и тогда и как-то проявлялись в Польше, сегодня могут быть более важным элементом процесса перестройки.

Э.: Несомненно. Национальный вопрос — один из самых больных вопросов. Нынешнее движение, скажем, в Эстонии — это уже продукт определенного уровня перестройки. Я не мыслю это движение, если бы не произошли события последних лет.

М.: Это безусловно. Я думаю, что такой активности, какую мы сегодня видим, не было бы.

Э.: Она была бы внутренней.

М.: И она бы закончилась концлагерем. Большинство активных участников национальных движений в годы застоя находилось в заключении. Сейчас они имеют возможность проявлять себя, имеют возможность действовать, но, тем не менее, существуют противоречия интересов центра и окраин. В национальных республиках возможны конфликты.

Но мы все время говорили об аналогиях, о том, что подобно нынешней перестройке в истории. А в чем, все-таки, существенное различие?

Э.: Ну, Вы, собственно, их уже сформулировали. Конечно, другой тип системы, другой тип экономики. Будем откровенны, при всей отсталости крепостнической экономики, она все же не была разрушена вихрем предшествующих событий. Все-таки 80-90 процентов населения составляли крестьяне со своим определенным, исторически сложившимся типом хозяйства, что давало возможность (худо-бедно, но все-таки) капиталистического развития. У нас же огромная диспропорция нарушений за ряд десятилетий создает такие огромные трудности, которых, пусть на более низком уровне развития, тогда не знали. Важное отличие, конечно.

М.: Причем не только со столетней давности событиями, но даже с НЭПом. Во-первых, при НЭПе крестьян было около 80%, а сейчас их около 20%. Значит, нагрузка на село гораздо большая сегодня, удельная нагрузка...

Э.: Не случайно, как только был объявлен НЭП, сразу всё появилось в магазинах. Значит, хозяйство было к этому готово — готово было свои потенциальные возможности реализовать. А сейчас нужно эти возможности создать.

М.: Верно. К примеру, появились законы об аренде (в общем-то, неплохие законы) — и, тем не менее, каких-то существенных результатов мы пока не видим, в отличие от скорых результатов НЭПа.

Э.: Я и говорю, что трудности принципиально больше. Еще отличие — то самое отличие тоталитарного режима от самодержавного. Я имею в виду существование отдельного

гражданского общества. Конечно, и у нас в той степени, в какой человек сознает себя, он гражданин и суверенен, но все-таки наше общество по определению и по состоянию, и по возможностям куда в более гигантской степени слито с государством, чем в прошлом веке.

М.: Его по существу нет, этого общества.

Э.: Оно есть в той степени, в какой есть свободные люди. Я говорю про внутренний момент. А в XIX веке был чисто внешний, правовой момент. Худо-бедно, но все-таки определенные законами права общества закрепились, хотя бы потому, что была частная собственность.

М.: И не было железного занавеса.

Э.: Ну, при Николае прижимали крепко.

М.: Прижимали крепко, но не настолько. Все-таки была возможность поступления западной литературы в Россию...

Э.: Да, но при шести процентах грамотных среди населения. Это создавало особый, кстати, нюанс. Почти стопроцентная грамотность сегодня — это, вроде бы, плюс, а с другой стороны, минус, так как создает возможность куда более мощной идеологической обработки.

М.: Но, с другой стороны, эти шесть процентов высшего слоя России все-таки имели какое-то относительно развитое правосознание, чего практически нет сейчас.

Э.: Ну, развивали на ходу, конечно. Хочу вспомнить свою беседу с газетой «Фигаро» по поводу Катюни и польских дел. В июне меня корреспондент спрашивал в Париже. Я сказал всё, что думаю, относительно вины Сталина и Берия в катынских делах, после чего читаю в газете, что официальный советский историк, имярек такой-то, признал Катюнь. Я не официальный историк, у меня есть ученая степень, но я высказал только свое мнение, даже сказал, что оно еще не публикуется, что наши власти еще не высказались, и так далее. Мне ответили, так сказать, через друзей, что раз ты ездил за границу, значит, ты человек официальный. То есть, сам процесс отделения общества от государства, который уже идет, в данном случае не замечен

даже такой, весьма некоммунистического направления, газетой, как «Фигаро».

М.: Даже на Западе.

Э.: Да.

М.: Раньше идеи российского государства объединяли и сторонников правовых, либеральных взглядов, и даже какую-то группу славянофилов. Тогда спор между западниками и славянофилами не представлялся угрожающим самому существованию государства. Сегодня этот спор гораздо острее, и та группа, которая раньше называлась бы славянофильской, а сегодня называет себя почвенниками, выступает, на мой взгляд, очень агрессивно. Не может ли она представлять существенной опасности для перестройки?

Э.: Мне кажется, что мы склонны преувеличивать общесоюзное или общегосударственное значение таких споров. Просто они очень видны, они происходят в сфере, близкой нам, в литературе, в идеологии. При приближении к жизни эти споры не так важны. Существуют противоречия, скажем, во взгляде народа на демократию, на Запад, но это происходит зачастую без всякого чтения западных или почвеннических работ. Просто есть исторически сложившиеся взгляды интеллигенции, которая верит (иногда преувеличенно, иногда нормально) в европеизм, и есть взгляд народа, весьма сдержанно и с недоверием относящийся к гласности, к демократии. Т. е. отсутствие демократических традиций у народа порождает ряд авторитарных и эгалитарных иллюзий.

М.: Но, к сожалению, не только у народа. Есть определенный слой русской интеллигенции— он включает очень популярных писателей, таких, как Распутин, Белов, Астафьев и др., которые выступают с агрессивных националистических позиций. Не кажется ли Вам, что национальная, а иногда и националистическая идея является наиболее объединяющей идеей — посмотрите на ту же Эстонию, на Армению, на Украину? Не будет ли такая идея русского превосходства, идея, скажем, создания чисто русского государства, вот такой консолидирующей широкие массы населения России идеей.

Э.: Конечно, она может иметь весьма массовый успех, хотя, думаю, эта идея идеологически, да и организационно будет вольно или невольно ограничиваться тем, что СССР — это страна многих республик. Потому что, если, скажем, дать чрезмерный простор такого рода высказываниям русских (доходящими до крайности у общества «Память»), то, соответственно, следует признать право во всех других республиках создавать подобные общества, которые уже будут иметь совсем другой смысл. Тут опасно принять маленькое течение за большой поток. Будут, конечно, течения, противотечения, приливы, отливы. Но главное вот что: сама крайность и ожесточенность споров — есть признак неправового государства. Вы вспомнили спор западников и славянофилов. Но это был спор людей, умевших спорить, умевших разговаривать, хотя отношения иногда были очень жесткими. Многие почти прерывали отношения, но всегда они чувствовали себя в правовых рамках, ставили себе сами нравственные и общественно-политические рамки, которые перейти было нельзя. Иногда наша дикая смелость и грубость в разговоре, которая может показаться особой формой стихийного демократизма, есть, наоборот, признак рабства, признак неумения себя ограничить.

М.: Совершенно верно. Те шесть процентов культурных людей в России прошлого века, о которых Вы говорили, все-таки обладали каким-то правосознанием, умением вести дискуссию в определенных рамках, и, в общем, это было не так опасно, как сегодня. Потому что сейчас в процесс обсуждения национальных проблем, решения межнациональных конфликтов включаются люди, часто совсем не имеющие правового сознания и не стремящиеся как-то ограничить себя в чем-то. И поэтому появляются лозунги совершенно бесчеловечные — то ли «Будь проклят турок!», то ли «Долой жидов и масонов!» и всякие прочие дикие вещи.

Э.: Хочу надеяться (тут я неисправимый оптимист), что в будущем эти споры будут дополнять друг друга. На самом деле нет и не было истинных западников, как не было и истинных славянофилов. Хорошо, что они спорили. В сущности, даже сильно расходясь, они создавали некую концепцию России, некий необходимый плюрализм мнений.

Само существование разных течений — это есть признак свободы. Герцен призывал: «Любите свободу, даже с ее недостатками!» Так что нельзя путать одно с другим. Ожесточенность этих споров для многих — это довод в пользу их прекращения. Я думаю, это довод в пользу правосознания, в пользу превращения споров в нормальное противостояние, в нормальное движение к истине с разных сторон.

М.: Тем не менее, создается впечатление, что определенные люди в советском руководстве боятся обострения национальных конфликтов и боятся выпустить на общественную арену целый ряд групп. То же общество «Память», или какие-то другие группы националистов. Как по-Вашему, надо все-таки дать возможность «Памяти» сказать свое или же следует запретить «Память»?

Э.: По-моему, все возможности сказать у этого общества есть. Во-первых, имеется несколько журналов: («Наш современник», «Молодая гвардия»...), где эти позиции представлены. Во-вторых, довольно широкая сеть митингов, магнитофонных пленок и так далее. Я бы сказал одно: надо давать высказаться, но с правом возражать и с соблюдением законных ограничений, которые не должны позволять переходить известные нормы, связанные с оскорблением национального достоинства, с унижением человека и так далее. Я признаю право всех этих течений на существование, на движение вперед в рамках правосознания и законности. Но вот в чем разница между, так сказать, «западниками» (хотя этот термин неточен, будем говорить «европеистами») и «почвенниками». Бакланов и Бондарев выступают на XIX партконференции. Допустим, можно не соглашаться с обоими. Каждый может любить одного. Но есть одна разница, которую нельзя не признать. Бакланов (об этом мы судим по его журналу) за то, чтобы Бондарев высказался. Он за свободу высказываний. А Бондарев хочет закопать и замуровать своего собеседника. Это видно и по типу и по всему спектру высказываний. Само право на свободное опровержение — есть один из важнейших критериев действенности. Я говорю, что хочу, и разрешаю тебе говорить. Или: я говорю, что хочу, и будь ты проклят и

молчи. Вот две концепции.

М.: Первая концепция — демократическая, вторая — антидемократическая. Но печально, что на XIX партконференции, где выступали и Бондарев, и Бакланов, большинство партаппарата приветствовало аплодисментами Бондарева и практически согнало с трибуны Бакланова.

Э.: Да, практически. Но я бы не сказал *партаппарата*, я бы сказал шире. Портаппарат — это легкий выход из положения. Я бы сказал, что XIX партконференция в этом смысле отражала состояние народа. Я считаю, что у широких масс (ну, и у партаппарата в данном случае) есть несколько крепких исторических предрассудков, идущих из глубины веков и усугубленных советской жизнью, которые, кстати, делаются очень противоречивыми и опасными для демократических преобразований. Демократия, конечно, нужна, но надо понимать, что для России, не привыкшей к ней, — это очень опасное дело. Многие считают, что стоит только ввести полностью демократию в России и всё будет хорошо. А между тем, я вижу по меньшей мере три народных предрассудка, которые очень сильны. И их нельзя запретить — они есть. Предрассудок первый — подозрение относительно интеллигенции, гласности (так сказать, болтовни, а по сути демократической традиции), что и выразилось в истории с Баклановым. Второй предрассудок — это эгалитарный предрассудок. Лучше быть бедными, но равными, нежели процветать, но в условиях неравенства. Вот отсюда борьба с кооперативами, отсюда опасения в отношении частной собственности и так далее. Ну, и конечно, шовинистические предрассудки, о которых Вы уже сказали.

М.: Мы сейчас с Вами находимся в Германии. Эта страна тоже богата предрассудками такого же типа — и националистическими, и эгалитарными. Всё это было в Германии. И вот в Германии провозгласили после войны демократическую республику, и все эти предрассудки не представляют сегодня опасности для демократии. Возможно, такой выход годился бы и для Советского Союза? Может быть, не так страшен черт, как его малюют? Все эти предрассудки в рамках правового государства будут вполне допустимыми.

Э.: Да. Я только говорю о том, что к правовому государству (а это процесс сложный и происходящий сейчас в форме революции сверху, которая, правда, ищет массовой основы) нужно сначала перейти. А вот сам переход труден. На пути этого перехода стоят предрассудки. Эти предрассудки могут помешать этому переходу. А ежели переход произойдет, да еще правовое государство продержится несколько поколений, то, конечно, демократия будет возможна. Конечно, я не верю ни в какие первородные грехи народа или страны. Мы видим огромные перемены после победы демократического строя в бывших тоталитарных странах. В Италии, скажем.

М.: Я понимаю, что необходимы какие-то этапы на пути к демократии, но, тем не менее, разве не возможно было бы провозглашение подлинно представительной демократии как конечной цели уже сейчас? Почему бы руководству не сказать, что мы стремимся к тому, чтобы плюрализм мнений, любых мнений, был допустим, чтобы все общественные группы получили возможность высказываться, демонстрировать, иметь свои организации и так далее.

Э.: Про плюрализм мнений, про широкий спектр высказываний мы читаем в журналах, чуть ли не в каждом номере газеты.

М.: В газете да, но до сих пор целый ряд общественных организаций не может получить легального статуса, а во многих республиках против демократических организаций используют очень жесткие репрессивные меры.

Э.: Это верно. Тут надо различать, я считаю, две вещи. Одна вещь, просто откровенное сопротивление гнусных, застарелых бюрократических бонз, особенно на местах, которые держатся за старые формы. А другое дело — это боязнь верховной власти (которая всё формирует) при спуске с горы просто полететь вниз, то есть боязнь дать сразу всё. Это в конце концов можно понять концов.

М.: Да, боязнь потерять контроль над процессом общественного развития.

Э.: Есть две крайности в наших аспектах мнений. Одна

крайность — не мешайте Горбачеву. Всё, что делается, — правильно. Вторая крайность — не верьте верхам, демократии от них не ждите, всё это безнадежно. По-моему, это именно две крайности. Истина находится где-то посередине.

М.: Историк Юрий Афанасьев не так давно сказал, что в интересах демократизации и самого Горбачева нужно, чтобы общество имело возможность Горбачева и высшее партийное руководство критиковать.

Э.: Да, я согласен с этим. То есть нужно (я так считаю, это мое мнение) понимать Горбачева. И я лоялен к его курсу, как и многие другие. Одновременно эта лояльность должна выражаться и в критике, и в создании противовеса, и в создании общественного мнения, и в ругани, и в острых высказываниях в его адрес и в адрес его коллег.

М.: Вы, я знаю, подписали письма с требованием возвращения Александра Солженицына и его книг в Советский Союз. Почему речь идет только об Александре Солженицыне? Когда демократизация происходила в таких странах, как, скажем, Испания или Португалия, то там сразу же было объявлено об амнистии для всех тех, кто пострадал в годы диктатуры, о возвращении всех, желающих вернуться на родину, то есть, по существу сразу был разорван порочный круг — сразу не стало врагов и неврагов. Все, кто выступал против диктатуры, стали друзьями нового общества. У нас же почему-то говорят только об отдельных людях. Вот такого писателя, такого музыканта нужно вернуть. Но не говорят обо всех оппозиционерах времен застоя.

Э.: Не всё сразу. Насколько я знаю, в Испании тоже было не в один день — и там была определенная постепенность.

М.: Но не в четыре года.

Э.: Да, но четыре года — это не очень много для истории. Я согласен с Вами, что вопрос требует более широкого подхода, более широкого разговора. Кстати, он и ведется — возьмите хотя бы часто повторяющиеся фразы в наших журналах о том, что у нас единая литература, единая культура, что нет эмигрантской и внутрисоветской культуры.

Это уже путь. Тут опять сложная противоречивость. Я очень ясно понимаю, что многие люди, которые способствовали изгнанию и высылке многих отличных и интереснейших деятелей культуры и просто обыкновенных людей, те, что стимулировали их выезд — они по-прежнему весьма влиятельны и играют существенную роль. Им, конечно, не хочется писать против самих себя. Так что тут, я думаю, идет внутренняя борьба. И это одна из причин того, что не всё делается сразу. А во-вторых, напрашивается (часто я слышу такой разговор) мнение: уже если вопрос Солженицына решат — одного из самых, по понятиям, скажем, брежневских властей, заклятых врагов (так нам объявлялось), то уж у остальных, по сравнению с ним, более легкая ситуация. Солженицын — крупнейшая фигура, человек, сыгравший выдающуюся роль во взрыве сталинских тоталитарных устоев. Понятно, что начали с такой крупной, выдающейся фигуры. Мне кажется, когда говорят 'Солженицын', имеют в виду важнейший прецедент. Я лично, когда писал, это имел в виду.

М.: Но я думаю, что есть определенные люди, из числа почвенников, которые не так смотрят на этот процесс. Они рассматривают Солженицына как сторонника *российской* государственности, а многих других диссидентов с уклоном к западничеству или к европейской демократии считают противниками российской государственности и именно поэтому выделяют Солженицына из круга остальных оппозиционеров.

Э.: Я понимаю Вас. Я сам, естественно, слышал разговоры первого и второго рода в Советском Союзе. Но это, опять же, не правовой разговор. Я далеко не во всем согласен с Солженицыным, и мне, например, не очень нравится его последняя вещь. Но я считаю выдающимся делом то, что он сделал, — то, что он совершил, опубликовав «Один день Ивана Денисовича», свои рассказы и написав «Архипелаг Гулаг». Это выдающееся дело, благодаря которому он останется навсегда в русской истории и литературе. И я говорил и писал, и буду говорить, что его именем будут названы улицы и площади. В этом нет сомнения у меня. Это крупнейшая национальная фигура. А

дальше можно говорить, можно спорить, но пока речь-то идет о неправовом решении. Речь идет о допущенной гигантской несправедливости. Надо ее преодолеть, а дальше можно спорить. Дальше можно возражать, можно не соглашаться, можно спорить с почвенниками, можно говорить с западниками, но *после*, а не *до* ликвидации этой несправедливости.

М.: Вы говорите о несправедливости в отношении только Солженицына, а почему не в отношении всех оппозиционеров времен застоя?

Э.: Но Солженицын был выслан. Все-таки согласитесь, что высылка — эта не самая распространенная форма выезда из Советского Союза. Надо говорить о многих, конечно. Общее правовое восстановление, я думаю, будет. Если перестройка будет продолжаться, то, я думаю, в ближайшие несколько лет (даже, может быть, и быстрее) вопрос просто отпадет. Практически сейчас все приговоры 30-х годов уже считаются недействительными. Идет объявление имен реабилитированных, но, как презумпция, считается, что все эти суды, все постановления этих тросок уже по определению не действительны. Очевидно, мы уже близки к тому, чтобы считать неправовым все решения, связанные с изгнаниями, с доведением людей до ухода, и так далее.

М.: Я надеюсь, что это будет не через 50 лет, а в более короткий исторический промежуток. Но вы сказали: *если* — «если перестройка будет продолжаться». Я хочу в заключение спросить: А будет ли она продолжаться? Будет ли развиваться процесс демократизации или же он находится под угрозой?

Э.: Видите ли, то, что он находится под угрозой, признают все, вплоть до Горбачева. И когда недавно Горбачева спросили о гарантиях, он сказал, что мы их создаем. То есть, всякий шаг по пути децентрализации, хоть и маленькой, да демократизации, но пути автономии — всякое достижение здесь есть, хотя и только шажок (да, хоть шаг), но к усилению гарантий того, что поворот назад невозможен.

Но я верю и в такие вещи, как некий здравый смысл,

общенародный здравый смысл, всемирный здравый смысл. Я верю, что люди, которые готовы были бы, допустим, совершить какой-нибудь путч (наверное, есть такие люди), все-таки должны думать о том, как они будут разрабатывать экономику и как посмотрит весь мир на подобного рода изменения. А кроме того, я очень верю в одну вещь. Я всё время не устаю повторять: я верю в здоровый эгоизм верхних, руководящих слоев населения.

М.: Российская история — это история бесконечных спадов и подъемов. В какие-то моменты, когда, разум верхних слоев, как Вы говорите, побеждал, Россия развивалась прогрессивно, но потом наступали периоды реакции. Верите ли Вы в то, что возможна необратимость процессов демократизации в нашей стране, в Советском Союзе.

Э.: Я верю в необратимость происходящего. Казалось бы, эра Хрущева была перечеркнута эрой Брежнева. А все-таки она прошла не зря. Уже полного возвращения к сталинизму не было. Некоторая необратимость даже и там была. Мы знаем опыт Франции — там была серия революций, серия судорожных движений. Кто знает, может быть, России предстоит такая же серия, хотя хотелось бы думать, что будет минимум, — у нас уже, можно считать, третья перестройка (после НЭПа и Хрущева).

Уже сейчас есть необратимость. Необратимость в том, что люди стали меньше бояться; нельзя уже взять обратно и то, что напечатано. Многие скажут, что этого мало, а я скажу: не так мало. Т.е. необратимость уже есть. И это очень важный момент. И даже, если перестройка вдруг будет заторможена, уже есть некоторые необратимости после 1985 года. Я их просто чувствую.

Декабрь, 1988.

Иржи Слама*

ЗАШЛА ЛИ ПЕРЕСТРОЙКА ДАЛЬШЕ, ЧЕМ РЕФОРМЫ «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ?»

Вынесенный в заголовок вопрос подразумевает уверенность в том, что ключевые цели процесса реформ в Чехословакии в 1968 г. и в СССР сейчас совпадают. На первом этапе это совпадение сводится к стремлению отделаться от старой деспотической системы, имеющей в обеих странах общее происхождение. В процессе радикальной реформы — а Горбачев говорит даже о революции — должен сложиться новый демократический строй. Этот общественный строй определяется термином «социализм», в случае Пражской весны уточненным дополнением — «с человеческим лицом». За три года перестройки развернулась дискуссия о сущности новой модели социализма, которая оставляет за собой всё, что было достигнуто в этой области в Чехословакии в 1960-е годы. Хотя советское руководство и подчеркивает, что оно заинтересовано только в «социалистическом плюрализме», это отнюдь не означает привязанности к «реальному социализму», который исключает любой подлинный плюрализм.

Дискуссия в Советском Союзе (в еще большей степени в Венгрии) показывает, что «социализм» сегодня является понятием, открытым для любых толкований, причем как в экономической, так и в политической области. Все существовавшие табу были разом сметены, дискуссия не остановилась

---

*Иржи Слама до августа 1968 г. доцент Пражского института экономики, один из близких сотрудников Оты Шика, возглавлявшего группу подготовки хозяйственных реформ во времена «Пражской весны». Сейчас профессор И. Слама — научный сотрудник Института проблем Восточной Европы в Мюнхене (ФРГ).

и перед вопросом о монополии коммунистической партии на власть. Этот факт доказывает, что нынешняя гласность в СССР уже достигла более высокого уровня, чем свобода дискуссий 20 лет назад в Чехословакии.

Дискуссия о толковании понятия «социализм» уже приближается к точке, когда станет очевидным, что константу социализма составляет одно лишь стремление к достижению немногих основополагающих гуманистических целей: гражданской свободы, гарантий прав человека и социальной справедливости, плюралистической демократии с соответствующим формированием органов власти и контролем над ними, и, наконец, построение общества с высокой производительностью труда и столь же высоким уровнем благосостояния. Общественные структуры, с помощью которых эти цели должны быть достигнуты, сегодня уже больше не предписываются. Понятие «социализм» разве что сохраняет значение указания на то, что становление нового не осуществляется в вакууме, что никто не может выскочить из данной исторической ситуации. В таком духе высказался, например, член Политбюро ЦК КПСС А. Яковлев в Праге, когда говорил о необходимости отказаться от нормативного подхода к социализму и взять на вооружение функциональный подход.¹

Очевидно, что уже в понимании основной цели реформы и ее общей концепции Москва сегодня находится дальше, чем была Прага 20 лет назад. Эта радостная констатация не удивительна, если учесть, что за спиной у советской перестройки 20 лет дополнительного опыта, в том числе и негативного, и что продолжается она уже в несколько раз дольше, чем короткий период чехословацкого процесса возрождения. Думается, представители чехословацкой реформы должны по достоинству оценить этот факт и отдать дань уважения достижениям советских реформаторов и лично Горбачеву.

Перестройка открыла новые движущие силы реформы, способные вовлечь в процесс широкие народные массы. Речь

---

1. «Руде право», 16. 11. 1988.

идет, в частности, о национальных движениях, то есть о движениях за право национального самоопределения, за соблюдение ранее подавлявшихся национальных интересов и прав. Национальные движения сами по себе стали сегодня источником обновления социализма, точно так же, как демократия была вновь открыта в качестве источника и неотъемлемой составной части социализма. Как и любое другое массовое движение, национальное движение амбивалентно, неоднозначно, это движение включает в себя и реакционные, шовинистические слагаемые, вроде общества «Память», но главная тенденция остается демократической и гуманистической. Как подлинное массовое движение, движение за перестройку не позволяет превратить себя в объект политического манипулирования, но при правильном отношении к нему можно развивать его позитивный потенциал. Не всегда это удается, как показывает пример Нагорного Карабаха. С другой стороны, развитие в Прибалтике, несмотря на все его сложности, является мотором перестройки. На очереди Украина и Белоруссия. Положительный потенциал перестройки образуют как национальное движение советских немцев, так и преодоление негативных моментов в истории русско-польских и русско-чешских взаимоотношений.

Конечно, в зачаточном виде единство борьбы за национальные интересы и за новый облик социализма наметилось уже в ходе чехословацкой реформы — достаточно сослаться на роль словацкого дела в развитии Пражской весны. Этому отвечало и избрание словака Дубчека на руководящий пост — только в этой связи можно рассматривать и выбор Гусака в качестве его преемника. И не случайно после подавления реформы от нее была оставлена одна лишь федерализация страны — разумеется, лишенная своего реального содержания, заключавшегося в удовлетворении национальных интересов. Федерализация свелась лишь к удовлетворению карьеристских амбиций правящего бюрократического слоя. Карьеризм, кстати, вообще типичен для реставрации старого режима, именуемой «нормализацией».

Новых вех достигло нынешнее советское руководство и в экономической реформе — правда, скорее в концепции, чем

на практике. Более радикально и глубоко, чем 20 лет назад в Чехословакии, рассматривается сегодня в СССР вопрос о собственности. Конечно, наступление на позиции государственного капитала, базой которого является государственно-капиталистическая промышленность, ведется скорее снаружи, чем изнутри. Внутри системы используется главным образом метод повышения самостоятельности предприятий (так называемый «полный хозрасчет»), что приносит пока лишь скромные результаты. Внедрение аренды, частного производства и услуг, подлинных кооперативов, акций и рынка капитала (вне промышленности) — с целью изменения отношений собственности в государственно-капиталистическом промышленном комплексе — сегодня отчетливо видится как качественно новый этап экономической реформы, как наступление на государственный капитал изнутри и снаружи.

В том, что касается перемен в политической системе, расширения демократии и уточнения роли коммунистической партии, перестройка также перешагнула границы чехословацкой реформы. Внутри партии ведется наступление на позиции аппарата, ограничиваются его масштабы и функции. Снаружи монополярная власть партии и аппарата ограничивается путем повышения роли государства и его выборных органов (правда, демократические выборы пока еще — дело будущего). Рассуждения о плюрализме и многопартийной системе постепенно перерастают в комплексное представление о плюралистическом и демократическом облике нового, современного социализма, опирающегося на опыт социал-демократии и современного, реформированного капитализма.

Прогресс в развитии гражданского общества, рост числа и многообразия неформальных организаций в СССР таковы, что сегодня Горбачеву уже непозволительно критиковать Пражскую весну за тогдашнее существование 16 молодежных организаций; он делал это еще полтора года назад, во время своего визита в Прагу.

Немалых успехов удалось добиться и в области политической стратегии и тактики реформы. Реформистское крыло в руководстве КПСС умело направляет конфликт

между реформаторами и консерваторами так, чтобы реформа не теряла потенциальных союзников, в том числе и из убежденных консерваторов, но в то же время так, чтобы достаточно четко было обозначено размежевание с консервативными позициями — как внутри структур власти, так и перед лицом общественности.

Стало ясно и то, что на первых стадиях борьбы нужно научиться пользоваться властью и методами, унаследованными от старой системы, для ее же ликвидации. Это относится, в частности, к кадровому укреплению реформы в структурах власти.

Группа реформаторов и Горбачев в частности ведут себя сознательно центристски — чтобы не потерять контакт с основным течением реформы. Эта тактика оправдывает себя только в том случае, если удастся каждый раз продвигать реформу на шаг дальше. Любая революция жива только до тех пор, пока ежедневно делает шаг вперед. Стагнация означает смерть революции. Только таким образом нынешняя центристская позиция советского руководства — в исторической перспективе, с учетом динамики — может оказаться позицией радикального, но при этом не авантюристического развития реформы.

Таким образом, можно сказать, что по целому ряду показателей перестройка уже зашла дальше, чем реформы Пражской весны. Но в одном отношении она пока существенно отстает — в том, что касается массовой общественной поддержки. До сих пор перестройка (в ущерб себе) оставалась преимущественно реформой сверху.

Январь, 1989.

(перевод с чешского Е. Фиттейна)

Ганс Кюнг

РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ НАСИЛИЯ*

Рассказ о въезде Иисуса в Иерусалим на осле, независимо от того, историчен он или нет, верно характеризует Его: Он въезжает не на белом коне победителя, который является символом господства, но на вьючном животном бедных и безвластных. Очищение храма, о котором сообщают синоптики сразу после этого рассказа (сообщения о входе в Иерусалим у Матфея и у Иоанна более преувеличены по сравнению с аналогичной историей у Марка, однако у последнего оно, пожалуй, тоже приукрашено для большей наглядности повествования) — в любом случае не могло достичь масштабов бунта, который вызвал бы немедленное вмешательство храмовой стражи и римской когорты из крепости Антония над северо-западным углом храма. Каково бы ни было историческое ядро повествования, — некоторые экзегеты, прибегая к малоосновательным аргументам, вообще ставят под вопрос историчность этого события, — согласно источникам, здесь речь идет не о типично зилотском выступлении, просто об акте насилия или открытом мятеже. Иисус не намеревался окончательно изгнать всех торгующих, захватить храм и создать новую храмовую и священническую организацию в духе зилотов. Речь конечно, шла о сознательном вызове, символическом акте, индивидуальном пророческом символическом деянии, которое имело целью демонстративно осудить торговлю в храме и иерархов, извлекающих отсюда выгоду. Иисус выступил за святость места молитвы. Это осуждение, связанное, повидимому, со словами угрозы в адрес храма или же с обетованием для всех язычников, нельзя считать

---

*Глава из книги известного немецкого теолога, сторонника критической переоценки догматов католической церкви Ганса Кюнга «Быть христианином».

малозначащим. Тем самым Он несомненно бросил резкий вызов иерархии и кругам, финансово заинтересованным в паломническом буме.

Это подтверждает, что Иисус не был человеком «истаблшмента». Иисус вовсе не был конформистом, апологетом существующего строя, защитником спокойствия и порядка. Он призывал к принятию решения. В этом смысле Он принес меч: не мир, но спор, при определенных обстоятельствах разделяющий даже семью. Он принципиально ставил под вопрос религиозно-общественную систему, существующий порядок иудейского закона и храма, и поэтому Его благовестие имело политические последствия. Но одновременно с этим следует принять к сведению, что Иисус в качестве *альтернативы* системе, существующему порядку, «истаблшменту» *не предлагает социально-политическую революцию*. На Него следовало бы скорее ссылаться Ганди и Мартину Лютеру Кингу, нежели Камилло Торесу или Че Геваре, который романтически прославил насилие как повивальную бабку нового общества.

Революционеры-зилоты хотели действовать, а не только говорить. Перед лицом неподвижности и одержимости власти «истаблшмента» они хотели не только богословски интерпретировать действительность, но и изменить ее политически. Они хотели взять на себя ответственность за судьбы мира, быть последовательными. Бытие и действие, теория и практика должны соответствовать друг другу. Быть последовательным, созвучным эпохе — значит быть революционным. Они хотели приступить к делу «радикально», с корня («radix»), активно взять на себя ответственность за судьбы мира, дабы привести его в соответствие с истиной. Путем такого радикализма они стремились к окончательному осуществлению «эсхатона», царства Божия — даже силой оружия, если это необходимо во имя Бога.

Иисус не одобрял ни методов, ни цели этого революционного радикализма зилотов, которые видели божественный долг в свержении противобожеской власти Рима и, в конечном счете, стремились к реставрации (к националистическому восстановлению великого государства Давида). Иисус мыслил иначе, бросая вызов и этой стороне. Он не проповедовал никакой революции, ни справа, ни слева.

Он не призывал к отказу от уплаты податей: Отдайте

кесарю кесарево, но, во всяком случае, не отдавайте ему Божие!

Он не призывал к национальной освободительной войне. Он бывал в домах худших коллаборантов и ставил в пример самарян, которых иудеи ненавидели чуть ли не больше, чем язычников.

Он не пропагандировал классовой борьбы и не делил людей, подобно многим экстремистам того времени, по схеме друг-враг на сынов света и на сынов тьмы.

Он не призывал к аскетическому социал-революционному отказу от потребления, принимая участие в праздничных трапезах в худшие времена политического гнета и социальной нужды.

Он не призывал к отмене закона ради революции. Он хотел помогать, исцелять, спасать людей, и был против принудительного осчастливления народа по воле отдельных личностей. Прежде всего царство Божие, а все остальное приложится.

Так у Иисуса сочетается резкая критика власть имущих, которые злоупотребляют своей властью, с призывом не убивать тиранов, но служить для всех. И Его проповедь находит свою кульминацию не в призыве к достижению лучшего будущего с помощью насилия: «Все взявшие меч, от меча и погибнут», — но в призыве отказаться от насилия: не противиться злу, делать добро ненавидящим нас, благословлять проклинающих нас, молиться за обижающих нас. Все это — в ожидании грядущего царства, в свете которого все существующее, все порядки, институты, структуры, все различия между могущественными и бессильными, богатыми и бедными наперед становятся относительными, причем нормы грядущего царства следует внедрять в жизнь уже сейчас.

Если бы Иисус осуществил в Палестине радикальную аграрную реформу, то о Нем давно бы уже забыли. Если бы Он, подобно иерусалимским повстанцам в 66-м году, поджег сначала городской архив со всеми долговыми расписками ростовщиков, а два года спустя, подобно вождю иерусалимской революции Бар Гиора, объявил о всеобщем освобождении всех иудейских рабов, — то Его движение

осталось бы в памяти истории как небольшой эпизод (подобно героическому восстанию освободителя рабов Спартака с 70000 погибших рабов и 7000 крестами вдоль Via Appia).

Напротив, «революция» Иисуса — если хотят использовать это столь многозначное популярное слово — была радикальной в более подлинном смысле и потому смогла изменить мир, не разрушая его. Он встал выше альтернативы: существующий порядок социально-политическая революция, конформизм — неконформизм. Можно даже сказать, что Иисус был революционером революционеров. Это означает:

Вместо уничтожения врагов — любовь к врагам!

Вместо ответного удара — безусловное прощение!

Вместо использования насилия — готовность к страданиям!

— Вместо воспевания ненависти и мести — благословенные миротворцев!

Во всяком случае первые христиане во время первого иудейского восстания следовали по стопам Иисуса. Когда разразилась война, они не присоединились к революционерам-зилотам, но бежали из Иерусалима в Пеллу на другой стороне Иордана. А во время второго великого восстания Бар Кохбы они подвергались фанатическим преследованиям. Примечательно, что римляне до гонения при Нероне ничего не предпринимали против христиан.

Таким образом, Иисус не призывал к социально-политической революции и тем более не пытался ее осуществить. Начатая Им революция решительно была революцией без насилия. Это была революция, направленная на общество изнутри, из сокровенного, из самого центра личности, из сердца человека. Не продолжать жить по-прежнему, но радикально изменить мышление человека (по-гречески «metanoia»), отвратить человека от собственного эгоизма, обратить его к Богу и ближнему. Не враждебные мировые державы являются собственно чуждыми силами, из-под власти которых необходимо освободить человека. Его нужно освободить от власти зла: от ненависти, несправедливости, вражды, насилия, лжи, человеческого эгоизма вообще, а также от страданий, болезней и смерти. Поэтому выдвигается требование изменения сознания,

нового мышления, другой шкалы ценностей — требование преодоления зла, которое коренится не только в системе и ее структурах, но в человеке. Нужна внутренняя свобода, которая ведет к освобождению от внешних сил. Короче: изменение общества — через изменение личности!

От редакции:

В «Форуме» № 19, в статье И. Зильберберга «Что же происходит сегодня в Советском Союзе?» допущены искажения текста.

С. 167, 19-20 строки сверху, после слов «тем отчетливее» до слов «главенствующее значение» следует читать: «проступали и приобретали».

С. 169, в 6-м абзаце после слова «наркотиков» пропущено: «пьянством и сексом, каждодневной суетой и бытовым стяжательством».

С. 173, в начале строки 16-й пропущено слово «нашего».

С. 183, в строке 10-й пропущено слово «внутренними».

Редакция приносит свои извинения автору статьи.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

Раиса Орлова

ТОГДА И ТЕПЕРЬ

Оттепель и современная литературная ситуация

В 1957 году один из журналистов на Всемирном фестивале молодежи в Москве писал: «В тот вечер, когда мне разъяснили, в чем смысл сталинской системы, я не обнаружил в ней ни одной детали, не описанной ранее в романах Кафки... Он мог бы стать и лучшим биографом Сталина...»

Журналиста звали Габриель Гарсиа Маркес. Слова дошли 30 лет спустя («Юность», 7, 1988). А тогда до первых русских публикаций Кафки оставалось еще семь лет. Что могли мы понять из этой фразы, прочитай мы ее и вовремя?

В те годы я была заверчена водоворотом событий, работала в новом журнале «Иностранная литература», выступала на собраниях, писала статьи, участвовала в дискуссиях. Стремилась прочитать всё важное, появляющееся в печати и возникшем самиздате, — это было еще физически возможно, не то, что теперь. Начинала писать книгу воспоминаний, пытаюсь ответить: как я, как мы могли верить? Для сколь-либо отстраненного обдумывания происходящего не хватало времени, не было умения, да и мешали многие новые иллюзии.

Теперь водоворт, неизмеримо более бурный, от меня далеко. Мне остается, как можно больше читая, вспоминать. Спрашивать. Сравнить.

Эти два периода сравнивают многие, что и понятно. И

свершения и просчеты той оттепели позволяют лучше разобраться в сегодняшнем положении. Сравнение естественно и потому, что всплывает много имен, знакомых по тем временам: В. Каверин, В. Дудинцев, Д. Гранин, И. Виноградов, В. Лакшин, Б. Окуджава, В. Тендряков, Ю. Буртин, Ю. Черниченко и еще многие из «детей XX съезда»...

Между тем и этим временем — много общего. Основа изменений — ощущение: дальше так жить невозможно. Стремление: успеть. Успеть выкрикнуть боль, копившуюся десятилетиями.

Но гораздо больше различий. В самом состоянии общества, в его недавнем прошлом, в уровне его культуры.

Оттепель (понятие точное) — робкое таяние снегов. Оттепель 1956-1965 годов (даты эти, конечно, условны — началось раньше, кончалось и позже) наступила после жестоких морозов, беспримерных даже в изобилующей жестокостями русской истории. И морозы эти были сопряжены с массовой верой, не менее беспримерной. Верой в необходимость или, по меньшей мере, в неизбежность такого развития: и коллективизации, и роста тяжелой промышленности в ущерб легкой, и репрессий, судебных инсценировок, — и всё это во имя лучшего будущего, во имя завтрашнего всеобщего счастья...

В ледяном массиве сталинщины были заморожены миллионы трупов. А так же книги, стихи, идеи, теории... Размораживание, реабилитация и шли одновременно. Формулировки типа «культ личности», «восстановление социалистической законности», спускающиеся сверху, ошеломляли, но, слабо поддержанные практикой, быстро мертвели.

Просыпающаяся в начале 50-х годов литература стремилась прежде всего назвать вещи своими именами, словно в начале творения. Читатели же хотели знать, что было, как было. Требовался ответ, причем немедленно, на два классических вопроса русской литературы: кто виноват? что делать? Ответы были определенными: виноваты сталинцы. Надо назвать имена виновных, но не мстить. На пути необходимой перестройки общества много *ухабов* (название рассказа В. Тендрякова), людей превращали в *рычаги* (название рассказа А. Яшина), но теперь ухабы

сравнивают, и люди из рычагов, из винтиков вновь превратятся в людей... На каждом шагу нас заклинали: «Не надо ворошить прошлое». Но прошлое отнюдь не исчезло, исчезнуть и не могло. Печать, литература едва начали касаться болевых точек. Почти все отрицательные явления списывались, должны были списываться на «культ», на Сталина. Все попытки копнуть несколько глубже, даже исходя из принципов марксистской методологии, корни системы — резко пресекались сверху. Понятие «преступление» прав гражданства не получило. Будущее представлялось близким и сравнительно легко достижимым, — вот-вот, за углом...

В фильме «Чистое небо» весенние потоки победно смывали грязь, сугробы. В этой расхожей метафоре воплощалось радостное ожидание. Выпрямление людей, возрождение старой, рождение новой культуры только-только начиналось.

После чудовищного оледенения, едва ли не всеобщего, в себя приходили тогда иначе, чем сегодня выбираются из болота. Тогда было больше надеющихся, доверчивых, невежественных, верующих. Сегодня — так мне представляется — больше всё читавших, всё понимающих, ни во что не верящих, развращенных лицемерием циников, больше и отчаявшихся. Надежд тогда вокруг меня было больше.

Самым крупным общественно-литературным событием 1956 года стали публикация («Новый мир» 8, 9, 10) и последующее обсуждение романа В. Дудинцева «Не хлебом единым».

23 октября. Переполненный зал Центрального дома литераторов. Ресторанные столики заменены рядами стульев. Все выступавшие книгу хвалили. В атмосферу всеобщего единодушия — или так лишь казалось тогда? — вплетались и стремление быть вместе со всеми, и страх — не шагнуть в ногу, и разного рода иллюзии. Но преобладала чистая радость единомышленников. Противники в тот вечер молчали, хотя их из президиума неоднократно приглашали высказаться. Они вскоре стали гневно обличать Дудинцева в печати.

(С какой горечью вспоминала я тот вечер, когда сидела среди тысячной толпы в Доме литераторов 21 января 1978

года на дискуссии «Классика и мы» — это название несколько противоречило содержанию многих речей. Произошел словно некий выброс злых эмоций, разъединяющей ненависти. Сегодня тогдашние настроения широко представлены на страницах печати.

Но, вернусь назад. В тот же день, когда обсуждался роман «Не хлебом единым», 23 октября 1956 года, в Будапеште первые колонны демонстрантов двинулись к памятнику польского генерала Бема, героя революции 1948 года, с лозунгами «За нашу и вашу свободу!» Начинались события в Венгрии. Но кто в Дубовом зале об этом знал? Кто ощущал общую трагедию, выраженную в старом лозунге?

На трибуну поднялся К. Паустовский и хриплым голосом заговорил о новом классе (это словосочетание пришло несколько позже, с книгой Джиласа): «... высочайшая заслуга Дудинцева — он ударил но самому главному, раскрыл психологию «нового племени».

Паустовскому хлопали больше, чем другим. С ним не согласились (впрочем, очень мягко, да и по другим аспектам его речи) К. Симонов, тогдашний редактор «Нового мира», и В. Овечкин, мужественный зачинатель деревенской прозы, один из первых критиков системы. У каждого были свои сроки, свои стадии прозрения (если оно происходило). Чиновники, подобные тем, которых изобразил сам Овечкин, а потом Дудинцев, подобные тем, о ком говорил Паустовский, — они в 1961 году лишили Овечкина депутатского мандата на партийной конференции в Курске, лишили за его резкую критику руководства сельским хозяйством. Он пытался покончить с собой...

Речь Паустовского распространялась, как листовка (ее не опубликовала «Лит. газета», ее отбирали при обысках). «Новое племия» представало в речи главным образом в бытовом обличье: невежественны, не любопытны, чванливы.

Сегодня в любом номере советской газеты, журнала публикуются исторические, экономические, философские исследования, изобилующие цифрами, фактами, мыслями, далеко идущими выводами о корнях, об источниках Административно-Командной системы. Опубликовано сегодня Т. Заславской, Ю. Афанасьевым, А. Нуйкиным, В. Селюниным, А. Стреляным, Г. Поповым, Ю. Черниченко, Н.

Шмелевым и многими другими несоизмеримо с тем, что мы слышали 30 лет назад. Однако без тех первых оттепельных ростков вряд ли произошло бы то, что происходит сегодня.

К. Паустовский сказал также, что, если бы не чиновники, отравившие жизнь герою Дудинцева, то «были бы живы великие, талантливые люди Бабель, Пильняк, Артем Веселый». Он назвал имена писателей, погибших в застенках, и — впервые с трибуны — сказал о связи чиновников с репрессиями.

Есть одна сфера, — кажется единственная, где оттепель 1956 года значительно превосходит сегодняшнюю перестройку. Тогдашняя массовая реабилитация. Я много раз видела канцелярские справки, напечатанные на плохих машинках, на плохой бумаге (и у нас дома хранится такая), где есть важнейшие слова: «Реабилитирован за отсутствием состава преступления».

Разумеется, мы радовались, когда в начале 1987 года начал сокращаться и нынешний Архипелаг ГУЛАГ, когда человек выходил из лагеря, из тюрьмы, из психушки. Но справок с теми словами им не выдавали.

Реабилитация в области литературы шла тогда и позже медленно. В одном из писем, адресованных Е. С. Булгаковой после первой публикации романа «Мастер и Маргарита» в журнале «Москва», говорится: «В этом смысле интересна по-своему, тем, что цинична! — заметка в «Новом мире», где он (автор — Р. О.) высказывается в том роде, что появление вещей Булгакова в юбилейном году особенно радостно и знаменательно. Как будто не прошло еще тридцати лет, в течение которых можно было издавать всё, им написанное. Видимо у человека повреждена психика и он уже не соображает, что пишет, когда выражает радость по поводу тридцатилетней задержки в выпуске такой вещи, как «Мастер и Маргарита». Это передержка: автор заметки радовался публикации, а не задержке. И мы — большинство — радовались тогда, радуемся и теперь, — будь то «Доктор Живаго», будь то «Реквием», будь то «Жизнь и судьба». Лишь в октябре 1988 года было отменено позорное постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946 г.).* Борьба за его отмену началась тоже тридцать лет назад. 17 июня 1956 года, на одном из многочисленных собраний Ольга

Берггольц говорила: «Все ищут автора „теории бесконфликтности“. Сейчас я вам напомню, кто это». И прочитала отрывки из постановлений ЦК. Бдительный А. Чаковский немедленно сигнализировал: «Как она смела обсуждать решения ЦК перед беспартийными?!» И Ольгу Берггольц начали таскать по разным партийным инстанциям. А у нее за плечами был арест 1939 года, гибель дочерей...

В 1961 году вновь избранное партийное бюро секции критики с активом обсуждали положение дел в литературе: на следующий день членов бюро принимал крупный начальник в ЦК. Заговорили, естественно, и о необходимости отмены постановлений ЦК. «А не забегаем ли мы слишком вперед?» — раздался осторожный голос. Ох, не забежали. Не забежали и тогда, когда на партийном собрании московских писателей в 1962 году Ю. Корольков читал «экспертизы» Н. Лесючевского (директора издательства), которые привели к гибели в тюрьме поэта Бориса Корнилова, к пыткам, к лагерю Николая Заболоцкого.**

Не повредить бы — лаборатории, журналу, Академгородку, самому процессу оттепели! Такие опасения звучали часто — и в спорах о «Литературной Москве», и когда оправдывали травлю Пастернака, и во время дела Даниэля-Синявского.

Как показал опыт, эти страхи помогли самым консервативным силам.

Те, кто тогда пытался изменить обстановку, виноваты не в «забегании», а в обратном: действовали недостаточно последовательно, недостаточно решительно, когда это было еще возможно. Не понимали, что тогда, как и сейчас, главная опасность — отнюдь не «чрезмерность», не «левый уклон», а, по точному выражению Л. Баткина, «правый заслон».

---

*Почему-то во время оттепели было отменено только одно из серии постановлений — об опере В. Мурадели «Великая дружба».

**Впрочем, Лесючевский и ему подобные отделались тогда легким испугом. Когда всё покатилося вспять, Лесючевский исключал в 1974 году Лидию Чуковскую из Союза писателей.

Сегодня обстоятельства для пишущих и для читающих складываются так, как в годы оттепели и пригреться не могло.

Году в 1961 я заговорила с Лидией Корнеевной Чуковской о «Реквиеме» Анны Ахматовой. «Мы, — ответила она, — нас, кажется, десять — молчим об этом больше двадцати лет». Поэма хранилась *только* в памяти у одиннадцати человек (вместе с самой Ахматовой). Как легко могли эти люди погибнуть — война, аресты, ленинградская блокада. Остались живы. Их памяти, их мужеству все мы обязаны гениальной книгой. Ведь только в 1961 году, после XXII съезда КПСС, Ахматова разрешила записывать. Поэма немедленно разлетелась по стране, попала за границу, появились русские издания, а затем и многочисленные переводы. И прошло еще 26 лет.* Только в 1987 году два советских журнала опубликовали «Реквием».

Такова краткая история публикации.** Но вначале было слово: Анна Ахматова в Ленинграде, охваченном террором, творила стихи. Отчаивалась, вновь начинала надеяться, сражалась со словом. Как поэты всегда и везде. Это процесс таинственный, никаким внешним силам не подвластный. Ахматова не могла не создать «Реквием»*** И слова, чудом сохранившиеся, оказались на долгие времена. Эта поэма единственна. Единственна в своем роде и ее история.

По разному трудны судьбы едва ли не всех задержанных книг — и русских, и иностранных. Не легко было вернуть произведения Л. Фейхтвангера, Стефана Цвейга. Из

* Впрочем, артист Михаил Козаков читал «Реквием» в концертных залах еще в 1984 году.

** Л. Чуковская подробно-поэтически рассказала об этом. См. «Записки об Анне Ахматовой», Париж, 1976, 1980. Надеюсь, что вскоре можно будет сослаться и на советское издание: журнал «Нева» объявил эту книгу на 1989 год.

*** В «ЛГ» (4. 1. 89) приведены записи М. Ардова: «Однажды в разговоре о «Реквиеме» Ахматова сказала мне: «А на что они рассчитывали? Что я буду видеть всё это и молчать?»

«тройки» *модернистов* — Пруст, Джойс, Кафка, — в те годы пришел Кафка, началась публикация, в новом переводе, романов Пруста, (а «Улисс» полностью и в 1988 году еще не опубликован)... Не всё, что начало тогда выплывать из запасников, не всё, что публикуется сегодня, обогащает отечественную словесность. Но едва ли не всё важно для понимания истории. Книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» с предисловием Ленина была запрещена четверть века. И первый отрывок из нее появился в «Новом мире», № 11 в 1956 г. («Иностранная литература» тогда еще на эту публикацию не решилась).

*

В начале оттепели ящики писательских столов были либо пусты (30 лет спустя они уже ломились от рукописей), либо хозяева не торопились их открывать. Только в 1967 году мы прочитали в журналах «Мастера и Маргариту» и стихи Мандельштама. Арест рукописи В. Гроссмана «Жизнь и судьба» в 1961 году свидетельствует, сколь обоснованными были опасения. Но дело не только в страхе. Умы, души были еще не подготовлены к переменам. Мы и сейчас, по-моему, недооцениваем, сколь исковерканы были за четверть века сталинщины у многих из нас представления о добре и зле, о настоящих и мнимых литературных ценностях.

Роман «Доктор Живаго» был в 1956 году отклонен «Новым миром». Но и альманах «Литературная Москва», возникший на волне XX съезда как объединение писателей — единомышленников (говоря сегодняшним языком — неформальное), тоже отказался печатать роман. Из осторожности? Это не помогло: после второго выпуска альманах запретили. Но вполне возможно, что Пастернак еще и не был понят, не понравился. Как не понравилась мне прочитанная в 1956 году рукопись (кроме сцен природы и творчества), о чем вспомнить сегодня не только стыдно, но и *трудно постижимо*. Да, изображение революции и гражданской войны было ошеломляюще непривычным. Только ли здесь — причина? Сейчас, в 1988 году, перечитывая роман в «Новом мире» снова и снова возвращаюсь в то время. То, что я тогда великий роман не приняла свидетельствует, что в 1956

году глубоких внутренних изменений еще не произошло. Мне предстоял еще долгий, не прямой, нескончаемый путь к себе, к той общечеловеческой правде, которую воплотил Пастернак.

Читатели тогда (и те, кто работал в редакциях, в издательствах) были иными, чем сегодняшние.

Большинство из нас не знали шедевров русской литературы XX века, не читали главных произведений М. Булгакова, А. Платонова, А. Белого. И. Бабель и М. Зощенко давно не переиздавались. А. Ахматова и Б. Пастернак существовали в урезанном виде; О. Мандельштам и М. Цветаева только-только начали возникать (Цветаева — в той самой «Литературной Москве», что и послужило одной из причин запрета альманаха). Других писателей, да и великих мыслителей Серебряного века как бы и вовсе не было. Спасала нас классика — XIX век (хотя и книги Достоевского не переиздавались с 1934 по 1959 год), но я о современности.

За непроницаемым железным занавесом оставались и неведомые нам Г. Белль, Дж. Сэлинджер, В. Фолкнер, Г. Гессе, А. Камю, Ж.-П. Сартр... Вспоминаю об этом не оправдания ради, а — снова и снова — стремясь понять, приблизиться, приблизить.

Публикации иностранных авторов постепенно расширялись, хотя и непоследовательно, петляя различными зигзагами. «Маленький принц» А. Сент-Экзюпери был отклонен в 1957 году «Иностранной литературой» как произведение декадентское; впрочем в том же году напечатан в журнале «Москва». И дальше покати́лась волна изданий, инсценировок, — сюжеты «Маленького принца» стали и пищей для художников-прикладников.

В 1959 году мы собрались в редакции («Иностранная литература» перебралась на Пятницкую улицу, где находится и сейчас) и пытались отстаивать роман В. Кешена «Смерть в Риме». Но заведующий отделом ЦК Д. Поликарпов высказался решительно против книги.

Борьба продолжалась, и в 1965 году я вынула из почтового ящика очередной номер «Иностранной литературы», где началась публикация романа «Смерть в Риме», и

«Правду» с некрологом Д. Поликарпову...

За публикацию романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» сражались 28 лет. Появлению книги в СССР препятствовали прежде всего руководители испанской компартии.

Сегодня В. Набоков — из первого ряда «посмертных ренатриантов». Год 1973. Издательство «Прогресс». Редсовет. Каждый из приглашенных специалистов приходит со своими предложениями. Среди тех американских книг, которые я тогда рекомендовала, называю и роман В. Набокова «Прозрачность». Отнюдь не лучшая его книга, но она была только опубликована и, главное, в ней не было никаких антисоветских фраз, — что у Набокова редкость, — между тем, как это было первейшим, необходимейшим условием появления книги в СССР.

Профессор А. Николюкин возмутился:

Как Вы, жена и мать, можете всерьез предлагать нам автора «Лолиты»?

Предложение отклонили. Мое выступление как мне позже передавали сочли аморальным. Вскоре Николюкина арестовали за то, что он привозил из США порнографические фильмы и изготавливал подобные у себя в московской квартире. Мне жаль, что Владимир Владимирович не узнал столь «набоковского» сюжета.

*

Литературной вершиной оттепели была повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Повесть «Щ-854» так сначала она называлась — меня потрясла. Потрясение испытали и те немногие, кому мы давали ее прочитывать. Мы были убеждены: необходимо, чтобы ее прочитало как можно больше людей. На публикацию не надеялись.

Теперь, когда количество слов об этой повести неизмеримо превышает количество слов в ней самой, продолжаю думать, что она — не одинокий пик, а вершина хребта, тогда еще скрытого.

Факты, сделавшие ее появление возможным, известны: великодушная стратегия А. Твардовского, содействие А. Лебедева, помощника Н. Хрущева на Политбюро, — всё это привело к событию неистинно историческому.

Чудо имею в виду, разумеется, публикацию пришло сверху. Его и ожидали сверху. И это, естественно, настроило людей на ожидание новых чудес. Которых не последовало...

Признаюсь: когда я шла ноябрьским днем 1961 года из дома к Пушкинской площади с заветной папкой в руках, когда передавала рукопись, еще строго анонимную, Асе Берзер с просьбой, чтобы прочитала только она и отдала Твардовскому, минуя редколлегия, я дыхания истории не ощущала. Всё было буднично: распространением рукописей мы, как и другие, занимались и раньше и позже, носили в редакции, перепечатывали, и они становились самиздатом. Дальнейшие судьбы их складывались, однако, куда сложнее.

Когда имя Солженицына было уже у многих на устах, рукопись Лидии Чуковской «Софья Петровна» (написанная, как и ахматовский «Реквием», в годы террора) была отклонена «Новым миром», «Знаменем» «Сибирскими огнями», издательством «Советский писатель» (а в издательстве уже были договор, аванс, макет обложки). И появилась повесть только в 1988 году в журнале «Нева». «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург был отклонен тем же «Новым миром». Книга опубликована в 1988 году в «Юности» (в отрывках) и в «Даугаве» (полностью). В Калуге в 1961 году едва не уничтожили часть тиража «Тарусских страниц». Список можно продолжить.

Рукописи А. Бека «Новое назначение» и Е. Драбкиной «Зимний перевал» обсуждались в Союзе писателей и были единодушно одобрены, что не привело их тогда на журнальные страницы.

*

С 1956 г. до заморозков 1963 г. могло еще казаться: все, кто стремится вырваться из оков сталинизма, кто хочет иного общества, — мы вместе и даже Хрущев с нами. И у всех общий противник — сталинисты. Настоящей литературе

такая двумерность восприятия мира только вредила. В те годы, скажем, невозможно представить себе на страницах печати фигуру, подобную Зубру (документальный роман Д. Гранина, «Новый мир», 1, 2, 1989).

Сегодня ситуация иная. Гласность открывает всё больше правды об истории, о нынешнем положении страны, о преступлениях, язвах, грязи. Этот процесс, при всех его издержках — плодотворен. Но отнюдь не плодотворным, хотя, вероятно, неизбежным, особенно на первых порах, представляется мне всё возрастающее желание кричать только о своем, всё уменьшающееся желание (да и способность) слушать иное.

Читая газеты, журналы, отчеты о дискуссиях видишь: взаимопонимания меньше, ненависти больше. Среди прочих многочисленных видов дефицита — дефицит личностей, способных объединять противников. Голоса наследников М. Волошина, В. Короленка словно приглушены. Между тем такие голоса были и есть.

«Понять важнее, чем победить» — это философ Г. Померанц.

Фрида Вигдорова (1915-1965) — учительница, писательница, журналистка. Общественный деятель нового типа. Один из первых. Ей депутату районного совета, удалось добиться того, чтобы сто семей переселили из подвалов и устроили по-человечески. Какой измученной приходила она к нам (ее участок был напротив нашей тогдашней квартиры) после изнурительной борьбы, переполненная до краев чужим горем... Она записала судебный процесс над И. Бродским. Она написала письмо затравленному В. Гроссману, прочитав в самиздательской рукописи «Добро вам».

Первый меморандум А. Сахарова: «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» появился в 1968 году, три года спустя после смерти Ф. Вигдоровой... Между этими людьми — истинное избирательное сродство. Спокойный голос Сахарова — к счастью он вновь звучит и сегодня (статья «Неизбежность перестройки» в сборнике «Иного не дано», 1988 г.) напоминает о том, сколь необходимо взаимопонимание людей разных взглядов и внутри нынешнего — столь противоречивого — советского общества.

Сегодня пересмотр сложившихся, окаменевших представлений всё более глубокий, всё более решительный, затрагивает самые основы системы. «То, что мы построили - не социализм», утверждает Ю. Афанасьев в «Правде». Его критикуют, но и он и другие отстаивают свой тезис. «Пятое поколение советских людей умирает без покаяния, понятия не имея о покаянии» говорил по телевидению Ю. Карякин (7 октября 1988 г.).

В школах, в университетах миллионы людей учили десятилетиями, что «бытие определяет сознание». В. Дудинцев: «Вот, например, я для себя пересмотрел тезис о том, что бытие определяет сознание» («ЛГ», 21 дек. 88)

Когда Б. Пастернака наградили Нобелевской премией, началась травля в советской печати, он стал получать множество писем со всех концов мира, он назвал эти письма «духовное единение века».

Создавать, вызывать духовное единение века дано немногим: Пастернак, Вигдорова, Сахаров. Но едва ли не каждому дано помогать объединению людей, противостоять разъединению. Очеловечивать свою малую среду обитания. А без этого не перестроить нашу страну, без этого не изменить мир. «Нет свободы без солидарности!» - этот лозунг польских забастовщиков август 1980 года относится, мне кажется, не только к знаменитому запрещенному профсоюзу, не только к Польше.

*

В годы оттепели жизнь и литература были необычайно политизированы, что определялось внешними обстоятельствами. Опубликуют ли, наконец, «Не хлебом единым» отдельной книгой?.. Пастернака исключили из Союза писателей, требовали его изгнания из страны... Хрущев ругательски ругал молодых художников и писателей... он назвал сталиннистов «автоматчиками партии»...

С утра до ночи, а кое-где и ночи напролет спорили о политике. Между тем во многих домах, и в нашем тоже, появилась головка Нефертити. Гипсовая, белая. Почему не греческие боги, спокойные, величественные, не Афродита, не Апполон? Почему не древнерусские лики?

...Стою в берлинском египетском музее перед Нефертити. Когда была здесь впервые, поразила тому, что она не белая, как в моей памяти. Синяя корона. Голубой ободок. Черные брови. Зелено-красные украшения. Алый рот.

Смотрю на нее сейчас, в 1988 году, сопрягаю наши давно прошедшие оттепельные годы с этой парижкой, жившей три тысячи лет назад. Высокая, лебединая шея. Кажется, мы увидели Нефертити до первых репродукций Модильяни. Стремление к вечной красоте, которое так долго, так старательно убивали, оно оживало. Не удалось убить это стремление. И в кровавые сталинские, и в оттепельные хрущевские, и в застойные брежневские годы создавались талантливые книги. Литература никогда не умирала.

*

Писатель в России — не только писатель. И судья, и философ, и газета, и создатель общественного мнения, и священник...

Уже с первых шагов перестройки участие писателей в делах нелитературных неизмеримо возросло: писатели предотвратили поворот рек. Писатели среди тех, кто стремится изменить лицо страны: на демонстрациях ли, на трибуне ли партийной конференции, на высоких ли международных встречах. Выступают как граждане.

Однако, не идет ли одновременно иной процесс? Не сокращается ли та сфера, где писатель в России невольно, по традиции *заменил* свободную печать, парламент, независимый суд?

Конечно, по-прежнему необходимы искренность, смелость, гуманные идеи, но только если все это выражено единственными словами, сказать которые дано только тебе, больше никому на свете. И тут настоящего писателя никто заменить не может.

...В 1983 году едва ли не все крупные писатели Германии были против размещения ракет, тех самых, которые сегодня уничтожают. Протест писатели выражали в статьях, выступлениях по радио, по телевидению, на публичных митингах. Им никто ничего не запрещал, не наказывал. Их просто *не слушали*.

Не начинают ли в СССР власти, только начинают, приходить к пониманию того, что слово еще не есть дело?

Внутренняя дилемма у писателя в СССР конечно остается и сегодня: пойти на демонстрацию или остаться за письменным столом? Произнести речь на совещании, где присутствуют руководители страны, — это не бесполезно, как было в прошлые времена, — или продолжать искать нужное слово на нужном месте? Борьба из всех сил, чтобы не допустить гибели перестройки или мучаться в одиночку своей рождающейся книгой?

Я рассуждаю о тонкостях: не пробивается ли у властей иное отношение к писателям, а у писателей иное отношение к самим себе? Эта статья была уже дописана, а жизнь приносит жестокие примеры, мои предположения отнюдь не подтверждающие.

Минск, 30 октября. День поминовения. В этот день с языческих времен живые помнят мертвых. В 1988 году Белоруссия была потрясена в урочище Куропаты был обнаружен ров с трупами расстрелянные в 1937-38 гг. В октябре было учреждено культурно-просветительское общество «Мартиролог» — аналог московского «Мемориала», и руководители общества просили разрешения траурный митинг провести в Куропатах. Отказ. Но и мирное шествие мужчины, женщины, дети с цветами, которые направились на городское кладбище начали разгонять, участников избивать дубинками, травить слезоточивыми газами, заталкивать в милицейские воронки. Были среди собравшихся и писатели. Один из них В. Орлов еще успел выступить. С понятным гневом пишет об этом безобразии Василь Быков («Дубинки против гласности», «Огонек», ноябрь, 88). Каково же было узнать об этом литераторам, оставшимся дома! Смотрю по телевидению многотысячные толпы в Ереване, Вильнюсе, Таллине. Где писатели? Трудный, кровоточащий вопрос.

Публикация классики XX века — Ахматовой, Булгакова, Платонова, Гроссмана, Пастернака — кроме всего прочего показывает долговечность, силу — и общественную тоже — «царственного слова». Примеры эти не скоро «прорастут» в душах, но и сама литература — дело долгое.

Писателям стало несравненно легче. Но и несравненно труднее. В сегодняшней советской печати — одно из самых частых и самых важных понятий — гарантии. Писателю, как и любому гражданину, — необходимы неприкосновенность жизни и свобода. Необходимы, но недостаточны. Эти великие блага не гарантируют создание великой литературы.

Появится ли такая? Создание — всегда — тайна, чудо. Творят его и те, кто каторжно трудится наедине с чистым листом бумаги, и те, кто участвует в демонстрациях. Результат совершенно непредсказуем.

С кем протекли его боренья?

С самим собой, с самим собой

...Пишу о временах оттенели, о прошлом, меня гложет «печаль о чем-то недожитом нами» (В. Померанцев)

Зная, что чуда полностью и не предусмотреть, и не объяснить, я все же продолжаю спрашивать себя: в чем мы были тогда правы, в чем ошибались?

Август-октябрь, 1988.

ВАС ЗДЕСЬ НЕ СТОЯЛО!

*Только мне обидно за своих поэтов,
Я своих поэтов знаю наизусть...*

Ярослав Смеляков.

Однажды я стала свидетельницей загадочного разговора между молодым русским из Вашингтона и русской же из Парижа. Он звучал почти как объяснение в любви Машни и Вершинина из «Трех сестер»; помните знаменитое «Грам-там там...» и ответное «тра-ра-ра»?

Те же интонации, только слова другие:

Он (с нежностью): «Грант... Фонд...»

Она (с трепетом): «Фонд... Грант...»

Это не объяснение в любви и не шпионский шифр, слова «Грант»- «Фонд» существенны для эмиграции, для издания русской литературы, для исследований и т. д. Действительно, помощь различных благотворительных фондов русской литературе в изгнании огромна. Например, «Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года» труд кельнского слависта Вольфганга Казака не смог бы осуществиться без помощи «гранта» немецкого научно-исследовательского объединения (Бонн), фонда «Фольксваген» (Ганновер), фонда им. Тиссена, финансировавших работу над словарем.

«Энциклопедия», в переводе с греческого, обучение по всему кругу знаний. Выход энциклопедии может стать событием в культурной и общественной жизни. Так, энциклопедия «Мифы народов мира», вышедшая в 1980 году, а подготовленная в самые что ни на есть застойные 70-е, по мнению критика Аллы Латыниной, «явление более революционизирующее общественное сознание, чем «Дети Арбата».*

Неподцензурный энциклопедический словарь русской литературы ждали давно, он должен был внести существенный корректив в искаженную картину нашей отечественной

---

* А. Латынина, «Колокольный звон — не молитва», «Новый мир», 1988, № 8.

литературы, растопить лед разъединения на тамизлат, самиздат и «официалов».

Справился ли с такой задачей немецкий славист?

Начну с обложки. На ней художник А. Краузе поместил знаменитый портрет молодой Ахматовой работы Юрия Анненкова как символ русской литературы этого периода, при этом сразу нарушив принцип энциклопедичности, потому что никто ни Пушкин, ни Толстой, ни Мандельштам, ни Пастернак, ни Ахматова не могут являть собой символ литературы в русском энциклопедическом издании. Думаю, эта нетактичность объясняется иной ментальностью создателей словаря как слышала, в Германии это возможно. Обидно и за самого Юрия Павловича Анненкова: в библиографиях А. А. Ахматовой, И. Бабеля, А. Блока, Н. Гумилева, М. Горького, С. Есенина, Евг. Замятина, М. Зощенко, Георгия Иванова, Ник. Евреинова, В. Маяковского, Б. Пастернака, Б. Пильняка, Ал. Ремизова, Ал. Толстого, В. Хлебникова упущен двухтомник его воспоминаний «Дневник моих встреч. Цикл трагедий». Воспоминания уникальные, насыщенные богатейшим фактическим материалом, написанные замечательным художником, значительным человеком той поры и того круга. Для читателя пробел невозполнимый никакие статьи Людмилы Фостер не заменят того Бориса Пастернака, которого увидел и описал Юрий Анненков...

В словаре 619 статей о поэтах и прозаиках; критики, литературоведы не включены в энциклопедию. Между тем для российского читателя критика не второстепенный жанр, бывали целые периоды, когда властителями дум в русской литературе были именно критики, да и традиция нашей литературы заставляет включать критиков в число писателей. А. А. Ахматова, перечитав статьи Герцена «Плач», «Трагедия за стаканом грога», «Письма к противнику», «Полки прощают нас» и пр., сказала: «Да, великая проза, наравне с гоголевской, Достоевской. Именно это и есть проза Герцена, а не его беллетристика «Кто виноват» и «Сорокаворовка». То второстепенное».

Валентина Синкевич, включенная в словарь в качестве «поэтессы, чьи стихи побуждают читателя к осознанию

жизни в ее духовных измерениях, проявляющихся в материальном...», отбором авторов в общем довольна: «Лично мне хотелось бы видеть в словаре еще имена поэта Олега Ильинского и прозаика Николая Ульянова».* Что ж, если В. Синкевич считает, что без них картина русской литературы будет неполной, у меня нет сомнений в достоинствах названных имен. Но отчего так скромно? Ниже я приведу далеко не полный, т. е. список-минимум писателей, которых, говоря словами В. Синкевич, лично мне хотелось бы видеть:

1. Алесь (Александр) Адамович — прозаик, без которого невозможно представить себе сегодняшнюю русскую литературу. Быть может, В. Казак не включил его на том основании, что А. Адамович — белорусский писатель, пишущий и на русском, но в аналогичном случае Василь Быков, слава Богу, в словарь попал.** Между тем, знаменитые «Каратели» А. Адамовича — это художественная проза, хотя в основе её — километры магнитофонной ленты, 10-летние записи на пепелищах, рассказы недострелянных, недогоревших старух, стенограммы процессов над убийцами своих сограждан, соотечественников. Может быть, имя Алеся Адамовича неизвестно доктору В. Казаку? Нет, в статье о Данииле Гранине он фигурирует — как соавтор «Блокадной книги».

2. Леонид Андреев — прозаик. Умер в 1919 году, т. е. формально в словаре русской литературы с 1917 года должен быть представлен.

3. Даниил Андреев — поэт, прозаик, сын Леонида Андреева (у Казака прямо какая-то неприязнь к этой фамилии). В самиздате известен с незапамятных времен. Даниил Андреев один из тех, о ком писал М. Волошин: «Почетно быть твердым наизусть и списываться тайно и украдкой, при жизни быть не книгой, а тетрадкой...» Впрочем, с 1986 года его публикации появляются в СССР.

4. Александр Вертинский — поэт и исполнитель песен на

---

* «Посев», № 8, 1988 г.

** К слову, есть в словаре русская писательница Рахманова Аля... никогда не писавшая по-русски и чьи книги «никогда не выходили на русском языке»!

собственные стихи, например: «Стень молдаванская», «Желтый ангел», «Жена-женуленька», «Девушка в шинели не по росту», «О всех усталых» и других.

К мысу радости, к скалам печали,
К островам ли сиреневых птиц,
Все равно, где бы мы не причалили,
Не поднять нам усталых ресниц...

Какое же откровение и отдушина был Вертинский, звучавший с эстрады сталинских времен! Когда, вместо хрестоматийных поучений «Любовью дорожить умеете», поэт шел, обращаясь к женщине:

Чтоб сносить мои актерские наклонности,
Нужно ангельским терпением обладать,
А прощать мои дежурные влюбленности
Это надо уже что-то понимать....

звучало это почти революционно. Не могу не вспомнить, что даже после доклада Жданова, Александр Николаевич не выкинул из своего репертуара песни на стихи Ахматовой — «Слава тебе, безысходная боль». Поступал он так: не включая в отпечатанные программки, исполнял их на «бис». Долго стихи Н. Гумилева «В синем и далеком океане, Где-то возле Огненной земли» и Иннокентия Анненского «Среди миров мерцающих светил Одной звезды я повторяю имя» — мои сверстники знали только в исполнении Вертинского. Это к вопросу о гражданской позиции, о том, что делал А. Н. Вертинский, чтоб спасти поэтов от забвения. Негоже и нам забывать его, тем более, что и в России, и в эмиграции Вертинский и по сей день необычайно популярен. Если забвение пойдет такими темпами, то через 30 лет в словаре русской литературы мы не досчитаемся Б. Окуджавы.

5. Николай Воронов — прозаик, автор «Нового мира». Это против его повести «Юность в Железнодорожке» были организованы письма читателей, в том числе печально известное письмо уральских металлургов «против очернительства нашей жизни на страницах журнала «Новый мир».*

---

* Об этом подробно можно прочесть в статье В. Лакшина «Не впасть в беспамятество», «Знамя», 1988, № 8.

6. Николай Глазков — поэт, сверстник А. Межирова, Б. Слуцкого, С. Наровчатова, в отличие от них никогда не входивший в обоймы, однако известный не менее их. Любители поэзии знают его органическое неумение солгать, умение всегда оставаться самим собой:

Но если путь к иным проблемам
Я предпочту иным дорогам,
Тогда не буду я поэтом,
Тогда не буду я пророком.
Я обрету людей степенность.
Я принесу немало пользы,
Меня признает современность,
Но обо мне забудут после.

Современность в лице Казака и его немецких коллег Глазкова пока не признала. Будем надеяться на вечность. Кстати, Николай Иванович Глазков имеет «копирайт» на слово «САМИЗДАТ», что следовало бы указать доктору В. Казаку в отдельной статье о самиздате.

7. Леонид Губанов — рано умерший талантливый поэт, входил в общество «СМОГ» — Смелость, Мысль, Образ, Глубина. Любим и читаем в России и эмиграции. Приведу по этому поводу стихи Семена Гудзенко:

У каждого поэта есть Провинция,
Она ему ошибки и грехи,
Все прежние обиды и провинности
Прощает за хорошие стихи...

Чем обидел и в чем провинился Леонид Губанов перед доктором В. Казаком, это мы когда-нибудь узнаем, но та Провинция, какую собой представляет «Энциклопедический словарь», поэта не простила и на своих страницах не отметила.

8. Вадим Делонэ — поэт, прозаик, лауреат премии Даля. Корней Чуковский писал, что в стихах Делонэ «всегда есть крепкий лирический стержень — верный признак подлинного поэтического дарования». В. Делонэ — один из семи участников демонстрации протеста против оккупации Чехословакии, где он за 5 минут свободы получил 4 года Тюменского уголовного лагеря и изгнан на чужбину, где ждала его «смертная мука неприкаянности».

Нас гонят так, как в день не гонят судный,
Расплата эта нам не по стихам...

9. Михаил Демин — поэт, прозаик, до 1968 года, когда во Франции остался невозвращенцем, был официальным советским писателем и в этом качестве попал в Советскую литературную энциклопедию. Жизнь Мих. Демина, человека необычайной судьбы, сложилась трагически и в России, и в эмиграции. Об этом и все его книги. «Рецензент западно-германского радио справедливо отметил, что книги Демина — совершенно новое слово в лавине русских мемуаров и самиздатовской литературы» (Сергей Петрунис. «Дорога длиною в тысячу страниц», «Континент», N 56).

10. Вероника Долина — поэт, бард. Популярна в России. Булат Окуджава писал о ней: «У нее есть все, что необходимо для подлинной поэтической работы: одаренность, вкус, трудолюбие, вдохновение и некий загадочный элемент, который до сих пор, к счастью, еще не изучен». Это она, Вероника Долина, предсказала еще в стылую брежневскую пору возвращение замалчиваемых писателей:

И станут возрождаться имена,
Как будто возвращенные из плена.

Имя самой В. Долиной, дай Бог, возродится во втором издании «Словаря».

11. Бахыт Кенжеев — русский поэт. Быть может, составителя смутило его восточное имя? Но ведь и Белла Ахмадулина, и Фазиль Искандер — имена тоже не рязанские и не вологодские.

12. Юлий Ким — поэт, один из наиболее известных российских бардов. В «Словарь» не попал, очевидно, по той же причине, что и Долина, — уж слишком популярен...

13. Владимир Кормер — талантливый прозаик, рано ушедший из жизни. Лауреат премии Даля за роман «Крот истории».

14. Вячеслав Кондратьев — прозаик, пишущий преимущественно на военные темы. Его прозу высоко ценил покойный Виктор Некрасов.

15. Лев Лосев — поэт, критик. «Стихи Лосева — замечательное событие отечественной словесности», —

пишет о нем Иосиф Бродский. Выпал, к сожалению, из «Энциклопедического словаря» и отец Л. Лосева Владимир Лифшиц (1913-1978) — тонкий график стиха, честный и бесстрашный человек.

«И все же порядок вещей нелен,
Люди, плавящие металл,
Ткущие ткани, пекущие хлеб,
Кто-то бессовестно вас обокрал.
Не только ваш труд, любовь, досуг
Украли пытливість открытых глаз,
Набором истин кормя из рук,
Умение мыслить украли у Вас,

писал он отнюдь не в период гласности. Но в «Словаре» для Л. Татьянической и Льва Ошанина место нашлось, а для Владимира Лифшица — нет! Его тут не стояло!

16. Юрий Милославский — прозаик. Его яркие произведения вызвали бурные споры в эмигрантской критике. «Словарь» о нем — ни гу-гу...

17. Ирина Ратушинская — поэт. Та, о которой пишет Иосиф Бродский в своем предисловии к ее книге: «Поэт чрезвычайно подлинный, поэт с безупречным слухом, равно отчетливо слышащий время историческое и абстрактное. Это поэт вполне состоявшийся, зрелый, со своим пронзительным, но лишенным истеричности голосом».

Я не хочу поносить ни чье имя, но если поэту Борису Шапиро посвящена отдельная статья, то почему Ирине Ратушинской — две строчки в путанной статье «Дополнение по поводу перестройки»? Какое отношение «перестройка» имеет к творчеству Ратушинской? Разве, что в период «гласности» ее лишили гражданства...

18. Евгений Рейн — один из четырех поэтов, которых Анна Ахматова называла «Волшебный хор». В самиздате с 60-х годов. И. Бродский считает Рейна своим учителем. Отдельной статьи не удостоен! Две строчки в «Дополнении по поводу перестройки»: «В 1987 году опубликовал свой первый сборник стихов». Восславим же «перестройку» иначе не был бы упомянут.

19. Феликс Розинер — прозаик, лауреат премии Даля 1980 года за роман «Некто Финкельмайер». Ох, не жалуется доктор Казак эту премию!

20. Дмитрий Савицкий — поэт, прозаик, автор интересного романа «Ниоткуда с любовью». Его тут тоже не стояло. А вот из статьи о прозаике В. Рыбакове мы узнаем о двух замыслах зам. главного редактора журнала «Посев» — правда, доселе не осуществленных.

21. Григорий Свирский — прозаик, в литературе с 50-х годов. Среди прочего, автор книги «На лобном месте», пока единственной и непревзойденной энциклопедии литературной жизни, над которой работал один — без грантов-фондов.

22. Борис Хазанов — известный писатель и публицист, эмигрировавший из Москвы в 1982 году. Тоже две строчки в «Дополнении». Увидев его фамилию в этом разделе, я, грешная, решила, что «Час короля» в связи с «перестройкой» напечатан на родине.

Список можно длить до бесконечности, потому что принцип отбора имен ясен только доктору В. Казаку и его немецким коллегам.

В самом деле, почему есть в «Словаре» Евг. Долматовский, но отсутствует Мих. Матусовский? Последний даже более известен — как автор текста «Подмосковных вечеров».

Но самое неприятное в «Словаре» — умолчание, запрет на целый ряд имен. Ну, Эдуарду Лимонову, поэту и прозаику, к запрету на его имя не привыкать. Но ту же судьбу разделил и Вадим Нечаев, как будто к упоминанию не запрещенный...

Отсутствуют в словаре и поэты Анатолий Жигулин, Юрий Кузнецов, Станислав Куняев, Игорь Шкляревский и др. Факт этот столь же позорен, как и замалчивание в СССР Василия Аксенова, Александра Зиновьева.

«Включение в словарь,— говорит В. Синкевич, — является оценкой творчества писателей и в большей степени признанием их таланта». Тех, чей талант не удостоверяется доктором Казаком, я хотела бы успокоить: в высоком смысле слова не только включение в какой бы то ни было словарь, но и премии ничего не решают. Ушли же из жизни без премий и поощрений на родине Анна Ахматова, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Юрий Казаков.

Однако ушли в бессмертие.

ЦЕЛЕБНАЯ СИЛА РУК

Осенью 1988 г. в Мюнхен, на встречу с читателями вышедшей по-немецки книги «Die Macht meiner Hände» (Власть моих рук), приехала из Москвы автор этой книги, знаменитая исцелительница Джуна Давиташвили.

Сотрудница журнала «Форум» Г. Малинкович попросила Джуну дать интервью.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, Джуна, Ваша сила и Ваши возможности — это только Вам дано? Может быть, такая сила потенциально есть у всех, нужен лишь поворот ключа, и она обнаружится?

Ответ: Да, именно так. Моя методика, в принципе, доступна каждому, но, конечно, это совсем не значит, что любой человек легко добьется эффекта. Тут очень важны индивидуальные возможности. Индивидуум есть индивидуум. Многих можно научить играть на скрипке, но не всякий может стать Паганини.

А скрытые резервные возможности в каждом человеке есть. Мы их сейчас изучаем. Именно в нашей стране мы открываем эти возможности. Это наука. Это наука, чистая наука о физических полях биологического объекта — любого живого организма, и человека, конечно. Мы их регистрируем при помощи аппаратуры. У нас есть специальная лаборатория с особой техникой.

В: Но чтобы обладать возможностью направлять энергию этого биологического поля, нужны особые способности или, может быть, какой-то особый душевный опыт?

О: Нужно это открыть в себе. Я долго думала, что все люди ощущают то же, что и я. Со мной происходили необычные вещи, а я думала, что это, как у всех. Еще когда-то в детстве я могла снимать бородавки, но я не думала, что это у меня какие-то особые способности — ведь еще моя

прапрабабка умела лечить. Мои предки знали древний ассирийский массаж — я ведь ассирийка.

Потом уже я заметила, что многое умею. В Тбилиси я вылечила от эпилепсии пятилетнюю дочь моей подруги.

А однажды, когда я после работы в баре легла отдохнуть, мне показалось, что какая-то сила подняла меня и я полетела. Я опустилась на высоком холме. Там была старушка. Она подвела меня к лежащему на земле умирающему юноше. Старушка сказала, что этот юноша очень любил меня, а теперь он умирает и только я могу спасти его. В тот момент любовь овладела мною и я почувствовала себя лучом света. Я знала, что этот светлый луч может спасти юношу. И я прикоснулась к нему...

После этого видения я уже знала о своем призвании. Я должна лечить людей.

В.: Целебная сила Ваших рук — она полностью подвластна Вам, Вы свободно можете ею управлять?

О.: Да, я могу манипулировать энергией, исходящей от меня.

В.: Как Вы это делаете, если не секрет?

О.: Я слушаю свои руки. Я и книгу свою по-русски назвала «Слушаю свои руки». Сначала нужно почувствовать целебную силу своих рук. Если я провожу руками вдоль тела человека на расстоянии пяти-семи сантиметров, то я ощущаю тепло и покалывание в кончиках пальцев. И я чувствую, что в разных местах тело человека излучает тепло по-разному. Всегда нужно чувствовать обратную связь с пациентом. И если у него где-то что-то болит, я чувствую. Всегда по-особому. Если язва желудка, например, то мою руку как-бы что-то ввинчивает, втягивает в какую-то воронку.

В.: У вас уже отработаны специальные технические приемы?

О.: Ну, конечно. Если, к примеру, я хочу направить энергию на какой-то участок тела, то кисти моих рук должны двигаться перпендикулярно этому участку. А вот здесь записан способ регуляции артериального давления (*Джүна*

протягивает журнал «Студенческий меридиан», где есть рубрика «Советы Джуны»).

Цитата из журнала:

Больной располагается перед оператором в положении стоя. Если давление очень высокое, может возникнуть головокружение, тогда пациента можно посадить.

Оператор выполняет движение кистями рук на расстоянии пяти-десяти сантиметров от пациента. Руки напрягать не нужно, не старайтесь все делать молниеносно. Представьте, что руки движутся в воде. А теперь — порядок выполнения упражнений:

1) Движение рук снизу вверх с обращенными кверху ладонями и сверху вниз с обращенными книзу ладонями вдоль боковых сторон туловища.

2) Петлеобразные движения рук (ладони обращены к телу пациента), начинающиеся над головой. Затем — вниз, вдоль всего туловища, до его нижней части.

3) Движения рук снизу вверх вдоль туловища от пояса до головы. При этом ладони из положения вниз поворачиваются к телу пациента, а пальцы кисти направлены к телу.

4) Кисть руки оператора над головой. Двигается от лица к затылку и обратно.

5) Растирание области грудной клетки и спины. Ладони движутся по часовой стрелке. Этими движениями следует заканчивать все сеансы.

Каждое движение выполняется в течение двух-трех минут. Продолжительность сеанса не более десяти минут.

При этом следует отметить, что при гипертонии наиболее эффективны движения один-два, а при гипотонии — один-три. В то же время проведение сеанса с использованием всех этих движений — великолепная профилактика при снятии утомления, плохом самочувствии, головных болях, нарушении сна. («Ст. М. », N 10, Москва, 1988)

В.: Джуна, что Вы думаете об источнике, из которого черпаете силы?

О.: Я хочу сказать, что в каждом есть силы. Если он живой, значит в нем есть энергия, а если он мертвый -- в нем, конечно, ее уже нет. Мембрана-то клетки излучает радиоактивные лучи. Человек излучает магнитные волны и ультрафиолетовые и инфракрасные лучи, и ультразвук... И

электростатика. Это все зарегистрировано аппаратурой и получило научное обоснование. Этот эффект назван моим именем, потому что я открыватель этого явления. Я уже 13 лет в науке. Задолго до того, как это зарегистрировали, я знала уже все по своему опыту. Это восприятие, эта методика воздействия — от моих древних предков, она передается из поколения в поколение по сегодняшний день. Но я дифференцировала ее. Была и экспериментатором, и испытуемым. Делаю этот метод доступным, легким, чтобы он работал для человека, для людей.

В.: Как Вы относитесь к религии?

О.: Положительно. Я очень суеверный человек, и у меня очень много богов — Бог воды и Бог неба, и Бог плодородия (я ассирийка). И Бог огня, Бог ветра...

В.: А христианство? Как Вы относитесь к учению Иисуса Христа?

О.: Для меня все религии одинаковы. Христос был человек.

В.: Вам приходилось встречаться со многими известными людьми...

О.: Да, здесь в ФРГ я хорошо знаю депутата бундестага Петру Келли. Я дружу с ней. Написала ее портрет. Этот портрет и еще две картины я подарила немецкому обществу помощи детям, которые болеют раком.

В.: Вы работаете и как художник?

О.: Я художник и поэт. Подарила свою работу «Святая Магдалина» Папе Римскому. С посвящением, чтобы он творил мир на земле. Десять-пятнадцать минут мы с ним беседовали.

В.: Эта книга — «Власть моих рук» — будет ли она издана в Советском Союзе, по-русски?

О.: В Советском Союзе будет издана моя книга с методиками манипуляций. Многие журналы это уже печатают.

В.: Джуна, Вы можете предсказывать будущее?

О.: Давайте на эту тему сегодня не будем говорить. Потому что я сейчас занята разработкой методики, научной работой. А этот разговор на следующий год отложим.

В.: Сейчас в СССР происходят очень важные процессы. Это ясно всем. Но все-таки Ваши способности, быть может, позволяют видеть происходящее в каком-то ином ракурсе? Что Вы можете сказать по этому поводу?

О.: То, что происходит в нашей стране, — это действительно революция. То, что делает Михаил Сергеевич Горбачев, никто другой сделать бы не сумел. Никакой другой представитель государства.

В.: То есть он обладает какими-то особыми качествами?

О.: Да, я считаю — это особые качества. Он делает очень важное дело. Нам нужно разоружение, ибо ядерные головки опасны. Это опасно для европейских народов в первую очередь. Это страшнее СПИДа. Нужно думать о человеке, о разоружении. Горбачев сделал первый шаг, его нужно поддержать.

И С Т О Р И Я

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

(Тезисы ЦК Р.С.Д.Р.П.)*

1. Современный момент является переломным в развитии русской революции, в частности, ее большевистского периода. Он характеризуется следующими, ярко выявившимися по окончании гражданской войны, моментами:

- а) хозяйственной катастрофой, являющейся главной причиной голода и им обростаемой;
- б) банкротством господствующей большевистской системы, оказавшейся и в экономической и в политической области неспособной разрешить основные противоречия русской революции, обостряемые ее переходным от капитализма к социализму характером и
- в) острым социально-политическим кризисом, грозящим принять характер политической катастрофы.

2. Хозяйственная катастрофа явилась результатом не только объективных причин (войны, блокады), но и политики правящей партии: Большевизм оказался неспособным возродить народное хозяйство вообще и в частности сочетать социалистическое строительство с замедленным темпом международной революции и объективными условиями страны. Банкротство большевизма сказалось в

---

* Статья из эмигрантского журнала русских социал-демократов (меньшевиков) «Социалистический вестник» (2. 12. 1921 г.). В 1921 г. название Российской социал-демократической рабочей партии сохранили лишь «меньшевики», в отличие от «большевиков», которые с марта 1918 г. именовали свою партию РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков).

Несмотря на звучащую порой анахронично революционную фразеологию, публикуемый материал представляется актуальным, т. к. демонстрирует разницу в подходе социал-демократов и большевиков к проблемам выхода из ситуации «военного коммунизма» *Ред.*

настоящий момент в спешном паническом отказе не от отдельных мероприятий, продиктованных военными условиями, а от всех принципиальных основ своей продовольственной и общеэкономической политики; в отказе от системы огульной национализации промышленности и торговли и от системы разверстки, в переходе к усиленному привлечению частного капитала, иностранного и русского, в ставке на развитие самостоятельного мелкобуржуазного и капиталистического хозяйства в промышленности, земледелии и торговле.

3. Политическое банкротство большевизма в настоящий момент особенно ярко выражается в том, что, признав необходимость крутого поворота экономической политики в направлении, считающимся с хозяйственной отсталостью страны, давно указываемой социал-демократией, коммунистическая партия в своем стремлении сохранить, в неприкосновенности партийную диктатуру оказывается неспособной создать те политические условия, при которых она не ляжет всей своей тяжестью на плечи трудящихся и в особенности рабочего класса. Она оказалась неспособной удовлетворить насущные социальные требования народных масс.

4. Сохранение существующего режима партийной диктатуры и политического бесправия приводит к тому, что новая экономическая политика, к тому же провозглашенная с запозданием в момент полного хозяйственного развала и исчерпания всех запасов в стране и на деле проводимая непоследовательно, при сопротивлении и саботаже со стороны части коммунистов, не может дать значительных результатов. Отсутствие правовых гарантий и гражданских свобод препятствует притоку в промышленность частного капитала, иностранного и русского. Неизбежный и санкционируемый властью рост мелкобуржуазных и капиталистических тенденций принимает уродливые спекулянтские и хищнические формы, устраняющие возможность действительного государственного регулирования и контроля. Эти тенденции пропитывают и разлагают госуд. аппарат и господствующую партию. С другой стороны, пролетариат и трудящиеся массы остаются распыленными, неорганизованными, лишенными самостоятельных классовых организаций, обезоруженными перед лицом бюрократии, военщи-

ны, мелкобуржуазной и капиталистической стихии. Тем самым сохранение существующего режима только ускоряет то изменение соотношения сил, которое коммунистическая партия хочет при его помощи предотвратить, и подготавливает почву для торжества контрреволюционных и антисоциалистических сил и для перехода власти в той или иной форме в руки капиталистической буржуазии.

5. Эти неизбежные последствия сохранения партийной большевистской диктатуры также отчетливо сказываются в тактике буржуазии не только иностранной, но и русской.

Наряду с прежними стремлениями буржуазии к интервенции и военному походу против Советской России, в среде буржуазии возникают группировки, готовые использовать новые мероприятия советской власти с целью закрепления за собой экономических и государственно-бюрократических пунктов, доступ к которым открывает им новая экономическая политика; часть буржуазии заявляет на словах свою готовность порвать с царско-помещичьими элементами. В лице наиболее дальновидных кадетских кругов (группа Милюкова) она ищет союза с изменившими делу социализма народническими группами, (Авксентьев и др.), чтобы при их посредстве тесно связаться с крестьянством. В этих целях или выдвигается лозунг учредительного собрания, который в настоящих условиях является прикрытием и для буржуазной контрреволюции.

6. Свои надежды эти элементы буржуазии и право народнических групп строят на использовании тяжелого хозяйственного положения страны, в частности, голода и на муссировании стихийного возмущения народных масс, в частности крестьянских бунтов и повстанчества, направленных против существующей власти. Эти движения, вызываемые недовольством широких масс политикой власти и неудовлетворением всех социальных надежд, связываемых с революцией могут привести в настоящих условиях только к победе контрреволюции, потере наличных социальных завоеваний и полному закабалению России иностранным капиталом.

7. Для борьбы с этой опасностью необходимо решительное изменение политического положения: а) демократизацией существующего строя путем замены режима партийной диктатуры и террора режимом трудовой демократии, основанном на прочности союза пролетариата и

крестьянства и б) реорганизацией власти на началах соглашения всех социалистических партий, отказывающихся от коалиции с буржуазией и готовых отстаивать завоевания революции.

Только такая власть, представляющая свободно выраженную волю большинства рабочих и крестьянских масс в состоянии обеспечить - а) проведение экономической политики, отвечающей хозяйственным условиям страны и сочетающей государственное хозяйство с широким применением частного капитала, б) наиболее выгодное соглашение с Западной Европой и Америкой на основании привлечения иностранного капитала, промышленности, концессий и ввоза средств производства при сохранении самостоятельности России и обеспечении интереса трудящихся, в) создание условий быстрой и прочной организации пролетариата и трудящихся масс для защиты своих интересов и отпора хищническим притязаниям капитала и контрреволюции.

Задачи С. Д. в настоящий момент

1. Основным моментом, определяющим задачи с. д., является тесная связь российской революции с революционной борьбой международного пролетариата. В нынешнюю переломную и критическую эпоху, когда в результате войны выявилось банкротство мирового капитализма и перед международным пролетариатом поставлена задача завоевания власти и борьба за непосредственное осуществление социализма, русская революция может быть победоносной только как переходная к социализму, выходящая за рамки капитализма и буржуазной демократии.

Задачей социалистической демократии поэтому является, стремясь к победе русской революции, содействовать ее вовлечению в орбиту международной революции.

Хозяйственная катастрофа и социально-политический кризис затрудняют осуществление этой задачи, усиливают натиск международной и русской буржуазии, стремящейся ликвидировать социальные завоевания революции и утвердить политическое и экономическое торжество буржуазии.

2. Исходя из создавшегося положения, задачей с. д. является идейное и организационное сплочение пролетариата в самостоятельную силу, способную при всяком повороте событий в максимальной степени отстаивать свои классово-

вые интересы: либо удержать, совместно с крестьянством, власть в своих руках и регулировать хозяйственную жизнь страны в интересах трудящихся масс, считаясь с экономической отсталостью страны и в то же время закрепляя все возможности дальнейшей организованной борьбы, либо сохранить симпатии широких крестьянских масс и идейное политическое влияние на них, в случае неблагоприятного хода событий и необходимости дальнейшего отступления.

3. Поэтому, основным лозунгом с. д. является в первую очередь укрепление всех видов широкой рабочей организации и тесного сплочения всех организованных пролетарско-социалистических элементов на почве развитой выше платформы, а затем соглашение с теми народническими группами, которые представляют интересы значительной части крестьянства, продолжающего тяготеть к идейно-политическому сближению с пролетариатом и предпочитающего союз с ним союзу с формирующимися элементами буржуазной и бонапартистской контрреволюции. Только единство в рядах пролетариата и соглашение между всеми социалистическими партиями могли бы обеспечить интересы трудящихся масс в период крушения прежней большевистской политики и неизбежного усиления частного капитала.

Исходя из вышеизложенного, Р. С. Д. Р. П. считает, что задачей партии в настоящий момент является:

1. добиваться от власти изменения ее общей политики, демократизации советского строя, установления гражданской и политической свободы, отказа от партийной диктатуры и от режима террора. Средством для этого партия считает — агитацию в рабочем классе за эти идеи и организацию его на их почве, в то же время решительно отвергая методы вооруженного восстания и насильственного низвержения советской власти.

2. поддержка всех тех экономических мероприятий, которые соответствуют хозяйственным условиям страны и, вместе с тем, обеспечивают интересы трудящихся масс, разоблачение нерешительности, непоследовательности новой экономической политики.

3. восстановление независимости классовой рабочей организации, в первую голову профсоюзов и рабочих кооперативов и улучшение материального положения рабочих, в частности, коренное изменение тарифной политики.

Лев Литошенко

КООПЕРАЦИЯ, СОЦИАЛИЗМ И КАПИТАЛИЗМ.*

Кооперативный идеал находится между социализмом и капитализмом. Таков общепринятый взгляд. Не то, чтобы кооперация была чем-то межеумочным, наоборот, некоторые теоретики признают, что она лежит *за* социализмом, кооперативная форма общественного хозяйства ставится выше социалистической. Во всяком случае, кооперативной идеологии необходимо выявить границы кооперации с другими формами народного хозяйства. К этому побуждает и реальный практический интерес. Кооперация чувствует себя в оппозиции при капиталистическом строе, не сладко ей живется, как оказывается, и в странах, перемахнувших к социализму.

1. Кооперация и капитализм

Кооперативная мысль гораздо ярче проводит черту между собою и капитализмом, чем между собою и социализмом. Один из новейших теоретиков кооперации, Туган-Барановский, указывает два главных свойства кооперации, отделяющих ее от капиталистического строя. Капиталистическое предприятие существует ради прибыли и стремится к возможному ее расширению. Кооперация не преследует такой цели. Доход кооперативного предприятия отличается от капиталистической прибыли. С другой

---

* – Статья известного русского экономиста Л. Литошенко опубликована в журнале «Экономист» № 2, изданном в Петрограде в 1922 г. Русским Техническим Обществом. Журнал «Форум» благодарит «Архив Самиздата» радио «Свобода» за предоставленный материал.

стороны, «кооператив есть организованная самопомощь, и в этом его специфическая сила в отличие от духа конкуренции капиталистического общества — «солидарность интересов — вот духовная, основа кооперации». В результате, кооперация выросла на капиталистической почве и имеет капиталистическую форму, но в этой капиталистической форме живет совершенно иной, некапиталистический дух, влекущий человечество на новые пути, создающие новые общественные формы, настолько противоположные формам жизни капиталистического общества, насколько солидарность и взаимопомощь противоположны эксплуатации и насилию. В своем капиталистическом теле кооператив скрывает душу враждебную капиталу. Кооперативы служат интересам не капиталистов, а тех, кто страдает от капитализма. Кооперация есть одна из форм самозащиты трудящихся классов от натиска капитала. «Если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохнута социалистическим идеалом»¹.

В том же духа высказываются и другие теоретики кооперации.

С сочувствием цитирует С. Н. Прокопович приведенные выше слова Т. Барановского и одним из существенных признаков кооперативного товарищества признает стремление «сделать ненужным крупное капиталистическое производство».

«Кооператизм, — заявляет К. А. Пажитнов, — есть ничто иное, как антикапиталистическое движение... его внутренний смысл заключается именно в борьбе за освобождение труда от ига капитала»².

Те же мотивы по отношению к капитализму звучат и у западных теоретиков кооперации. Достаточно сослаться на Ш. Жида. Глава буржуазной «Нимской» школы кооперации все же считает истинной целью кооперации — мирным, но радикальным образом видоизменить существующий экономический режим путем передачи права собственности на орудия производства в руки потребителей. И линии

---

¹ М. Туган-Барановский. Социальные основы кооперации М. 1918. Стр. 57, 60.

² К. А. Пажитнов «Основы кооператизма». М. 1918 г. Стр. 164.

расхождения капиталистического строя и «кооперативной республики» намечаются те же. В отличие от антагонистического духа современного общества, кооперация является «школой солидарности» и, далее, «целая революция заключается в том, что кооперативные союзы заботятся об удовлетворении нужд, а не об извлечении прибылей»³.

Словом, общепринятым тезисом кооперативной идеологии является резкая оппозиция капитализму. Принципиальных защитников буржуазной природы кооперации мало на Западе и еще меньше у нас. Наоборот, кооперация объявляет себя врагом капитализму, и своей прямой задачей ставит преобразование хозяйственного строя.

2. Кооперация и социализм

Гораздо труднее размежеваться кооперации с социализмом. Прежде всего, здесь нет единства мысли. Значительная часть кооперации, особенно идеологов ее, настроена вообще социалистически. Самостоятельный идеал хозяйственного строя в этом случае отрицается. Кооперация рассматривается как одна из форм рабочего движения. Вандервельде называет ее «службой социализма»⁴.

Иначе на первый взгляд смотрят на дело «нейтральности», отстаивающие внеклассовый характер кооперативного движения. Для них кооперация есть средство мирного преобразования существующего строя, дающее результаты, совершенно несходные с социализмом.

Возьмем, для примера, наиболее популярную схему Ш. Жида. Фундамент новой социальной постройки составляют потребительные кооперативы. Накопляя капиталы, потребительская кооперация обзаводится собственной фабрикой, а впоследствии, и собственным земледельческим производством. Мало-помалу, в руки потребителей переходит собственность на средства производства. И капиталистический строй считается упраздненным. Получившаяся на его месте кооперативная система отличается от социализма. Основанная на добровольном соглашении, она не только не

3. Ш. Жид — «Кооперация», М. 1918 г. Стр. 78, 91, 114.

4. Вандервельде — «Кооперация нейтральная и кооперация социалистическая». — М. 1918 г. Стр. 88.

нарушает социального мира в процессе своего возникновения, но не оставляет места для принуждения и после завершения реформы.

Главное же, *чисто-кооперативный идеал не стремится разрушить частную собственность.* Напротив, он признает ее отвечающей «самым глубоким инстинктам человеческой природы». Коллективисты хотят уничтожить этот занимающий такое видное место в человеческом существовании «элемент счастья», кооперация же старается сделать собственность доступной для всех, если не в форме частной собственности, в прямом смысле этого слова, то в форме соучастия в общей собственности. «Посредством производительных товариществ, она старается сделать рабочих собственниками мастерских, машин и орудий производства. Посредством строительных товариществ она старается сделать рабочих собственниками домов. Посредством кредитных обществ она старается превратить их в собственных банкиров. И посредством потребительных обществ она не только делает рабочих собственниками магазинов, но в конечном счете — и собственниками фабрик, основанных этими магазинами, и ферм, купленных ими для своих нужд. Учение коллективизма говорит: «земля и все орудия труда должны принадлежать общественному коллективу». Кооперативы заявляют: «земля — крестьянину, фабрика — рабочему». Обе формулы часто смешиваются, в действительности же они прямо противоположны⁵.

Удастся ли нейтралистам отделить себя от социалистов? Не подсказаны ли все их рассуждения властью слов, заманчивых и прекрасных, когда речь идет о далеком, почти недостижимом будущем?

Дорисуем картину, набросанную Жидом, не ограничив воображение успехом английских оптовых магазинов, с их фабриками предметов потребления. Представим себе все общество организованным по рецепту кооперативного строительства. Получим ли мы при этом сохранении счастья собственности свободу личной инициативы и гармонию интересов? Не в большей мере, чем при социализме.

Чем *отличается прежде всего участие в общей кооперативной собственности от коллективной соб-*

---

5. Ш. Жид — инт. соч. Стр. III-30.

ственности на средства производства? Тем, что, в одном случае, собственником является сравнительно ограниченный круг лиц, а, в другом, все государство. Но это различие количества, а не качества. Кроме того, социализм знает, муниципальные формы коллективной собственности, приближающейся по объему к собственности крупных кооперативных объединений. А затем, где доказательство, что при общем владении сохранится элемент счастья, доставляемый собственностью? Разгадка удовольствия, доставляемого частной собственностью, заключается в праве исключительного пользования. Для человека, действительно является большой радостью сказать «моя земля, мой дом, мой сад, мои процентные бумаги»⁶, но «наша земля, наш дом, наша фабрика» всегда будет звучать слабее, всегда будет родить более глухой отклик в тайниках человеческой души. О том времени, когда человеческая природа изменится, и оба местоимения зазвучат с одинаковой силой, могут с одинаковым правом мечтать обе системы — и социализм, и кооперация. Принципиальной разницы между ними нет. Но нет этой разницы и в объективных формах построения хозяйственной жизни.

Говорят, что, в отличие от социализма, при кооперативной системе сохранится могучая сила буржуазного строя: *свобода личного почина, свобода хозяйственного самоопределения*. На этом основании Туган-Барановский помещает кооперативный идеал выше социалистического. «В кооперативе нет принудительной власти, нет господства большинства над меньшинством, как при социализме. Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма».

Но хозяйственный анархизм мыслим только в рамках буржуазного строя. Как только вся хозяйственная деятельность примет кооперативные формы, для свободы хозяйственного самоопределения не останется места. Можно еще представить себе, что все производство предметов потребления постепенно поглощается фабриками потребительных обществ. Но кто возьмет на себя заботу о производстве средств производства, машиностроительную, железоздела-

6. Ш. Жид — цит. соч. Стр. II 12.

тельную, каменноугольную и горную промышленность, это подлинное царство крупного капитала? Кто будет заниматься общепольными и бездоходными предприятиями, кто будет строить железные дороги, содержать почту, устраивать водопроводы, проводить канализацию? Все это должно попасть в руки государственной власти. Поскольку же кооперация мыслится формой хозяйственной деятельности, она не может уклониться от этой власти и связанных с нею обязанностей. Одной стороной кооперация таким образом сближается уже с социализмом.

Но, далее, кооперация хочет устранить анархию капиталистического строя и связанные с нею кризисы и перепроизводство. Какими же средствами? Откуда у нее уверенность, что анархическое производство свободных кооперативных союзов не будет страдать теми же недостатками? Основная причина кризисов в работе на неопределенный рынок и в непропорциональности отдельных отраслей производства. Если кооперация не мечтает превратить крупную промышленность в ремесло, работающее на заказ, то ему придется подумать о средствах координирования действия своих свободных потребительско-производительных союзов. Нужно будет учитывать общественный спрос, перераспределять средства производства между союзами, ставить каждому из них определенные задания. Отказ от анархической свободы неизбежен. Если кооперация хочет устранить недостатки капиталистического способа производства, она неизбежно вступает на путь социализма.

Отсюда уже остается только один шаг до полного коммунизма. Кооперация и делает его, включив в свой идеал абсолютную *гармонию хозяйственных интересов*. Такая гармония несовместима ни с буржуазным, ни с кооперативно-социалистическим строем.

Антагонизм между существующими видами кооперации известен всем. Например, интересы кредитной кооперации, объединяющей сельских производителей и кооперации потребительской, объединяющей городской элемент, не могут быть согласованы в рамках существующего строя. Даже такой апологет кооперации, как Туган-Барановский, противореча собственной схеме, вынужден признать невозможность объединения всего кооперативного движения в

одну организацию и неустрашимость внутренних трений между кооперативами различной классовой природы⁷.

Но пустим опять в ход кооперативную фантазию. Вообразим, что все виды кооперации вырастают от потребительской, что все интересы подчинены верховным велениям потребления, заменившего господство интересов производства. И в этом случае, гармония потребительных обществ мыслима лишь до тех пор, пока они составляют ничтожную, теряющуюся долю на рынке и в народном хозяйстве. Пока это так, фабрики потребительных обществ могут не конкурировать друг с другом и жить в мире. Но стоит им захватить сколько-нибудь значительную часть производства, как между ними возгорится борьба из-за обладания материалами и лучшими источниками сил и запасов природы. Те объединения, которым удалось захватить лучшие копи, водную силу, плодородные участки земли и богатые рудники окажутся в привилегированном положении. Объединенные ими потребители получают более высокие доходы по сравнению с членами других кооперативов. Это даст им возможность расширить круг своих потребностей, открывать новые фабрики и нанимать на них членов других, менее богатых потребительных обществ. Возродится прежняя конкуренция и борьба, только она будет вестись теперь не между индивидуальными предприятиями, а между отдельными группами потребителей на которые поделится все общество. Так открывается путь к новым неравенствам, противоречиям, нетрудовым доходам и «эксплуатации». Если кооперация не хочет именно в этом отношении походить на капитализм, ей придется сделать новый шаг навстречу коммунизму — и наложить руку на право распоряжения доходами своих членов. От обобществления средств производства придется перейти к регулированию доходов и потребления. Кооперация через социализм подает руку коммунизму⁸.

Итак, под «буржуазной» внешностью идеала «чистых» кооперативов мы узнаем знакомые черты социализма. Нейтральной кооперации *не удастся отграничить себя от*

---

7. Туган-Барановский — цит. соч. Стр. 492.

8. Туган-Барановский — цит. соч. Стр. 471.

социализма, и недаром ее вождь признает, что кооперация, доведенная до своих крайних пределов приводит к организации, представляющей много сходства с коллективистическим идеалом⁹.

3. Основное противоречие кооперативной идеологии

В отсутствии ясных границ с социализмом кроется главное противоречие кооперативной идеологии. С одной стороны, кооперация не хочет и не может отказаться от буржуазных предпосылок своего существования: свободы хозяйственного самоопределения, свободы инициативы, хозяйственного интереса и института частной собственности. С другой стороны, значительная часть кооперации насквозь проникнута социалистическим духом, ее вожди зовут непрерывно в царство коллективизма, или рисуют свой собственный идеал, как две капли воды похожий на социализм. Но социалистический строй не может примириться с частнохозяйственными предпосылками кооперации. Он есть сам по себе принципиальное отрицание и свободы хозяйственной деятельности, и частного интереса, и права собственности.

Здесь кроется причина «тяжбы», которая уже много лет ведется между кооперацией и партийным социализмом.

Кооперация добивается признания ее хотя бы одной из форм движения к общему идеалу. Партийный социализм опасается подать руку даже такому социализму. И не потому, что кооперация защищает мирные способы борьбы, а социалисты — революционны, а потому, что в кооперации живут разрушительные для социализма силы — господство личного интереса и любовь к собственности. Мы не можем останавливаться на истории социалистических и кооперативных конгрессов и резолюций. «Чистые социалисты» считают, что соглашение между кооперацией и социализмом достигнуто¹⁰, «чистые коммунисты» приходят к обратному выводу. Во всяком случае, из всего хода «тяжбы» ясно, что если в ней и найдены примиряющие ноты, то дорогою для

---

9. Ш. Жид — цит. соч. Стр. 75.

10. А. А. Николаев — Кооперация и социализм. М. 1919 г. Стр. 45, также. Э. Вандервельде, цит. соч. Стр. 71.

кооперации ценой. Социалисты соглашаются терпеть кооперацию, при условии, если она признает себя «слугою социализма». Это условие принимается кооператорами-социалистами. А. А. Николаев рассматривает всю историю взаимоотношений кооперации и социализма с точки зрения тех услуг, которые она, в процессе своего развития, может оказать социализму¹¹.

Однако, если кооперация есть только одно из средств борьбы за социализм, то она должна идти на то, что победивший пролетариат отвергнет ее как ненужную вещь, исполнившую свое назначение. Теоретически это вполне логично. В социалистическом государстве действительно нет места для кооперативной деятельности. Потребительная кооперация не нужна, так как распределение организовывается государством, а удешевление посреднических издержек невозможно. Кредитная кооперация теряет всякий смысл при уничтожении частного хозяйства. Сбытовая и закупочная кооперация не нужна по той же причине и вследствие огосударствления обмена. Наконец, нет места для производительной кооперации там, где все производство находится в руках государства.

Теоретические соображения подтверждаются практикой. Гонения, воздвигнутые в свое время на кооперацию нашим русским коммунизмом, имеют глубокий внутренний смысл. Социализм чувствует в кооперации скрытого врага. Он готов часто терпеть его, как терпит остатки частной торговли, с которыми не может справиться и которые его спасают. Он готов даже частично признать кооперацию, особенно если речь идет о выборе между кооперацией и частным капиталом. Капитал — это открытый враг, а кооперация исповедует социалистический идеал. Но за всем тем социализм не может забыть буржуазного происхождения кооперации и ее предпосылок, несовместимых с его собственными принципами. Кооперация внутри социализма означала бы для него роковую язву. Яд индивидуализма всегда отравлял бы источники социалистического духа. Этим и объясняется враждебное отношение «старой экономической политики» к кооперации.

11. А. Мясников — Диктатура пролетариата и кооперация. Изв. ВЦИК. М. 1919 г. N 164.

Но и кооперация должна сделать вывод из разгоревшейся борьбы. Как и в других областях интеллигентской мысли, настала пора пересмотреть кооперативную идеологию. Нужно проверить давно забытые границы. Не переменялись ли позиции? Не сделались ли друзья врагами и не окажутся ли привычные враги мирными соседями? И прежде всего должны быть пересмотрены отношения кооперации к социализму.

Если социализм несовместим с буржуазными предпосылками кооперации, то одно из двух: кооперации нужно отказаться или от социалистического идеала, или от своих предпосылок.

Предпосылки свободного союза сил, свободного определения хозяйственных целей и права собственности неразрывно срослись с кооперацией, это — сама кооперация. Отказаться от них значило бы идти на самоупряднение. Если бы даже этого захотели вожди кооперации, кооперация за ними не пойдет. Кооперация не надуманный способ достижения социализма, а стихийное хозяйственное движение; его живой силой являются экономические интересы объединенных хозяйственных единиц. Эти интересы миллионов хозяйственных единиц не могут быть упразднены волей отдельных лиц. Если кооперативные верхи готовы сказать социализму «ныне отнущаеши», то низы начнут постройку сызнова. Борьба за экономическую самостоятельность не прекратится, она распылится, превратится в партизанскую и даст почву для новых хозяйственных объединений, быть может, более сильных и обладающих более цельным мировоззрением.

Впрочем, и в среде нынешней кооперации есть достаточно здоровых элементов, не желающих идти по пути самоупряднения. Теперь, после уроков истории, голос сторонников буржуазной кооперации зазвучит громче и увереннее.

Буржуазные предпосылки кооперации неустранимы, значит остается пересмотреть цели кооперации, ее идеалы. Так ли уж тесно связан он с социалистическим строем, не может ли кооперация в полной мере выполнять свои задачи в рамках буржуазного общества? Социализм приводит к отрицанию кооперации, а капитализм покоится на тех же хозяйственно-правовых предпосылках, как и кооперация. С

первого же взгляда, буржуазное общество кажется лучшей питательной средой для кооперации, чем социалистическое. Какие же преграды разделяют капитализм и кооперацию и так ли они не преоборимы? Нам кажется, что и здесь кооперативная идеология часто подменяется кооперативной фразеологией. Проводятся воображаемые линии расхождения — и отсюда делаются заключения о принципиальном противоречии. Мысль оказывается во власти слов и банальных представлений.

4. Капиталистическая прибыль и кооперативные доходы.

На чем в самом деле строится различие кооперативного предприятия от капиталистического? Мы уже знаем — на двух главных признаках: отсутствии прибыли и гармонии интересов.

В рассуждениях о прибыли делаются две логические ошибки: во-первых, кооперативное предприятие признается самостоятельным, во-вторых, единственной формой дохода капиталистического предприятия признается прибыль. Оба предположения не верны.

Кооперативное предприятие не может прежде всего рассматриваться как самостоятельное, имеющее собственную хозяйственную цель. Такие цели имеют лишь те отдельные хозяйства, которые объединены кооперацией и стоят за ее спиной. *Они* являются истинными владельцами кооперативного предприятия, *их* цели имеют самостоятельное и самодовлеющее значение, кооперативное же предприятие является подсобным и вспомогательным в смысле достижения этих целей. Эту простую истину нужно хорошо помнить при рассуждениях о бездоходности или «особой природе кооперативных доходов». Сравнивая кооперативное предприятие с капиталистическим», мы сопоставляем две несравнимые величины: в одном случае, мы берем хозяйство с окончательной целью, — пусть это будет получение прибыли, в другом случае — рассматриваем служебное хозяйство, подчиненное целям других хозяйств, стоящих за его спиной.

Если уж заниматься подобными сравнениями, то на место капиталистического хозяйства нужно взять тоже

служебное предприятие, имеющее вообще сходную с кооперацией экономически-правовую природу или какое-нибудь вспомогательное предприятие, например, собственные угольные копи сталелитейного завода. Служебные предприятия могут приносить пользу двумя основными способами: или прямым увеличением дохода последнего, увеличением актива их хозяйственного баланса, или сокращением их расходов, уменьшением пассива. Мерилом полезности вспомогательных предприятий будет изменение дохода их окончательных субъектов. С этой точки зрения между доходами кооперации и соответствующего типа капиталистическими предприятиями нет буквально никакой разницы.

Возьмем, например, кооперативы по сбыту продуктов. Между ним и каким-нибудь синдикатом по продаже угля полное сходство, бросающееся в глаза и защитнику «особой природы» кооперативных доходов Туган-Барановскому. Обе организации стремятся возможно выгоднее реализовать продукты объединяемых ими индивидуальных предприятий. Покупка и продажа продуктов может вестись организацией за собственный счет; формально синдикат, или кооператив, является самостоятельным предприятием, имеющим свой актив и пассив, отличный от расхода-приходного бюджета объединяемых им хозяйств. Тот факт, что кооперативное предприятие в конце концов распределяет свой доход между участниками, ровно ничего не говорит. После распределения прибыли и синдикат может оказаться «бездоходным» предприятием. Ничего нового, вопреки Туган-Барановскому, нет и в том, что молочная артель распределяет свою прибыль пропорционально молоку, а не капиталам своих пайщиков. Артель обслуживает именно молочное хозяйство своих членов, а здесь их доля в прибыли и не может быть иной, как только пропорциональной количеству принесенного молока. Смешно, если бы доход угольного синдиката распределялся не по добыче угля, а по размерам общего имущества членов синдиката, или хотя бы даже пропорционально капиталу финансирующих синдикат банков. Оплата участия банков есть расход синдиката, точно также как оплата паевого капитала — расход молочной артели.

Никакой «особой природы» кооперативного предприятия нельзя уловить и в деятельности кредитной кооперации.

Совершенно верно, что уплата процента на капитал рассматривается здесь как «необходимое зло» и что кооператив стремится сделать возможно дешевле кредит для своих членов. Но разве кредитные учреждения специального назначения, например, общества взаимного кредита, в известной степени даже сословные учреждения, вроде дворянского или крестьянского банков, не стремятся сделать тоже самое? Разве и здесь не мерещится даровой кредит, и разве и здесь идеал не отделен от действительности необходимостью пользоваться оплачиваемым заемным капиталом?

В кредитной кооперации мы имеем пример, когда совместное предприятие приносит пользу своим членам, главным образом косвенно, не путем непосредственного увеличения их прихода, а посредством сокращения расходов. Тоже самое относится к потребительской и закупочной кооперации, где получение и распределение прибыли является скорее счетной операцией, и главной целью всего предприятия является удешевление продуктов и сокращение расходов, объединенных кооперацией хозяйств. Но тот же способ увеличения дохода мы наблюдали у общества московских фабрикантов и заводчиков, удешевлявшего себе закупку топлива и сырых материалов, или у свекло-сахарного завода, обзаводившегося собственным «бездоходным» сельским хозяйством, чтобы получить свеклу дешевле и лучшего качества.

Вспомогательное хозяйство, каким является кооперация, в конечном счете стремится к *увеличению дохода своих членов*. Каким способом оно этого достигает: увеличением прихода, или сокращением расхода, оказывается ли оно при этом само по себе взятое, как юридическое лицо, доходным или бездоходным, как оно распределяет полученные выгоды и достигнутые сбережения между своими членами — все это вопросы второстепенной важности. На этих счетоводных признаках нельзя и построить никакой теории об «особенностях» кооперативных предприятий.

Итак, и кооперативные объединенные хозяйства, и капиталистические предприятия, одинаково рассчитаны на получение дохода. Но может быть, различна *природа* самих доходов капиталистических предприятий с одной стороны, и

тех хозяйств, которые стоят за спиной кооперации — с другой?

Говорят, кооперация объединяет хозяйства некапиталистические и не рассчитанные на получение прибыли. Доходы кооперативных хозяйств исчисляются не в виде процента на капиталы, а как трудовой заработок. Это накладывает отпечаток на все кооперативное движение и резко противопоставляет кооперацию капитализму.

Здесь мы наталкиваемся на вторую ошибку кооперативной теории. Отличительным признаком капиталистического предприятия признается стремление к получению прибыли, к выжиманию «прибавочной ценности». Это неточное и узкое определение вызвано представлением о капитализме предприятий, основанных на наемном труде и рассчитанных на максимальную оплату капитала процентом. Но капиталистическое предприятие можно себе представить и без пользования наемным трудом. Рабский труд в прежние времена, труд крупных семейств в сельском хозяйстве или ремесленном производстве, наконец, торговые предприятия, могущие оборачивать большие капиталы без помощи постороннего труда, — все это примеры, доказывающие недостаточность признака наемного труда для характеристики капиталистического хозяйства.

Капиталистическое общество можно представить себе состоящим из мелких ремесленных предприятий «трудового типа». Получение прибыли в специфической форме процента на капитал также не является непременным условием капиталистического духа предприятия. Доход может получаться и иными способами. Бесспорно капиталистическое предприятие может получать доход смешанного характера, куда войдет и оплата личного труда предпринимателя, и премия за риск капиталом, и целый ряд других поступлений.

Отличительную черту капиталистического строя нужно искать не в каком-либо формальном признаке, а в его внутреннем смысле и общей цели, в его *хозяйственной психологии*. Мы назовем капиталистическим по духу всякое предприятие *приобретательского типа*.

Его цель — стремление к максимальной ценностной разнице между затратами и выручкой. В отличие от потребительского, приобретательское хозяйство не имеет границ для своих хозяйственных стремлений. Удовлетво-

рение существующих потребностей его не останавливает, его цели беспредельны. Приобретательное хозяйство затрачивает факторы производства, комбинирует рабочую силу с капиталом и силами природы, покупает одни ценности, перерабатывает, передвигает, обменивает их и получает в результате другие, большие ценности. Эти ценности, в надежде на приращение, снова пускаются в оборот и т. д. до бесконечности. Именно это стремление к безграничному увеличению дохода, является характерным признаком приобретательского хозяйства. Понятие капиталистического предприятия, конечно, уже и связано с рядом дополнительных признаков. Не всякое приобретательское хозяйство является капиталистическим в тесном смысле слова, но оно капиталистично по *духу* и всегда может стать капиталистическим по *форме*. Основная граница между капиталистическим предприятием и не капиталистическим проходит по линии приобретательского и потребительского хозяйства. Дальше уже начинается расхождение крупного и мелкого производства, ремесла и фабрики и т. д.

Эти рассуждения должны убедить нас, что получение дохода в форме прибыли на капитал вовсе не характерно для капиталистического строя. Отдельные группы приобретательских хозяйств могут совершенно иначе исчислить свои доходы, и в тоже время являться полноправными членами капиталистического общества. Лучшими примерами может служить крестьянское хозяйство, так называемого полутрудового типа. Наемный труд там может вовсе не применяться, доход не исчисляется в форме процента на капитал, и тем не менее этот доход носит нетрудовой характер, большая часть его обязана своим происхождением собственности на средства производства. Самый доход имеет свойство расширяться, хозяйство не останавливается на удовлетворении насущных потребностей, оно стремится к накоплению, к сбережениям, и это приобщает его к семье приобретательских хозяйств, составляющих тело капиталистического общества.

Но если способ исчисления дохода не характерен для капиталистического духа предприятия, то нельзя на этом основании выделять и кооперирующиеся хозяйства в какую-то особенную группу. Субъектом кооперации в большинстве случаев служит именно приобретательское хозяйство. Даже

потребительская кооперация только в части своей помогает домашнему хозяйству чисто потребительского типа. Поскольку она удешевляет средство и орудия производства — она обслуживает уже приобретательские хозяйства. Тем же нуждам целиком служит кредитная кооперация, сельскохозяйственная и промысловая. Словом, подавляющая часть кооперативных организаций так или иначе связана с приобретательским хозяйством.

Правда, далеко не все хозяйства, объединяемые кооперацией переросли рамки потребительских. В среде сельскохозяйственной кооперации мы найдем большую массу мелких хозяйств, весь доход которых уходит на удовлетворение первейших потребностей семьи. Но здесь важен дух приобретательства, который бесспорно наблюдается и в них. Кооперация как раз и помогает им увеличить их доход, довести его до таких размеров, чтобы за удовлетворением потребностей в прежнем масштабе осталось бы еще нечто в виде свободного излишка.

Потребительно-трудовые хозяйства сообщаются при помощи кооперации с внешним миром и широким рынком. Кооперация разрушает их натуральный строй, вливает в них вместо собственных продуктов чужие, усиливает обмен и приток денежных средств, этого эквивалента не только настоящих, но и будущих потребностей, этого залога развития последних. Кооперация есть средство продвижения по социальной лестнице. Развивая приобретательский дух в объединяемых ею хозяйствах, она пропитывает их психологией капиталистического общества. Мало того, в конечном счете она превращает их в капиталистические предприятия, типичные даже по методу исчисления доходов. Кооперативное предприятие как таковое, как отдельное юридическое лицо, не может не вести правильного счетоводства, построенного по образцу предприятий капиталистических. Эти навыки, оно переносит и в среду объединяемых ею хозяйств. Научившись считать в кооперативной отрасли работы, хозяйство начинает считать и во всех остальных. Оно научается вычислять себестоимость продукта, расценивать нерыночные продукты в том числе и собственный труд, начислять процент на затрачиваемый и оборачиваемый капиталы. На Западе именно через кооперацию в крестьянское хозяйство внедряются методы капиталистического счетоводства.

Итак, природа капиталистической прибыли также не дает возможности провести резкую границу между кооперацией и капитализмом. Наоборот, понятие приобретательского дохода сближает обе стороны до полного слияния.

5. Природа кооперативной солидарности

Столь же неясным оказывается положение и другого пограничного камня — *гармонии интересов*. В противоположность антагонизмам капиталистического общества, кооперативный мир часто рисуется как школа солидарности и царство гармонии. Даже такой буржуазный теоретик как Н. П. Макаров, говорит об «эгоистическом солидаризме» и считает эту «этическую основу» кооперации противоположной хозяйственной философии капитализма¹².

Мы уже выяснили прежде, что противоречия присущи и кооперативной среде, что идеал полной гармонии неосуществим даже и в самых смелых мечтах кооператоров, совпадающих с социалистическими утопиями. Кооперация и социализм называют себя гармоническими системами, но имеют собственное внутреннее противоречие. Нам остается посмотреть, нет ли некоторых гармоний у «противоречивого» по природе капитализма. Они, бесспорно, имеются. И как раз кооперативная солидарность относится к числу таких буржуазных гармоний.

Буржуазные гармонии покоятся на общности хозяйственных интересов. При индивидуалистическом строе каждое хозяйство самостоятельно борется за свое существование, конкуренция пронизывает все отношения, как между отдельными отраслями производства, так и в пределах однородных групп хозяйства. Борьба между однородными хозяйствами бывает наиболее ожесточенной, но в иные моменты конкурирующие хозяйства объединяются, забывают на время о внутренних противоречиях и солидарно вступают в борьбу с другими хозяйственными группами или со всей внешней средой. Так, мы знаем ограничение соперничества в синдикатских соглашениях, часто происходит разделение и группировка интересов промышленности: мануфактурной, добывающей и обрабатывающей. Нередкий

---

12. Вестник Моск. Обл. Союза Кооп. Объединений, 1919.

случай, когда в вопросах таможенной политики вся объединенная промышленность выступает против объединенного сельского хозяйства. Словом, капиталистический способ производства знает целый ряд случаев солидаризации интересов. Однако, эта гармония продолжается лишь до тех пор, пока пути объединившихся хозяйств сходятся. Под внешним однородным покровом таятся центробежные силы. Настает день — и установившаяся гармония бесследно исчезает, начинается борьба всех против всех в рамках бывшего единства.

Именно таков и характер кооперативных гармоний. По существу это не более как проявление общности интересов некоторых определенных хозяйственных групп. По этической природе эти гармонии не выше всякой иной «классовой солидарности» в пределах буржуазного строя. Единственное отличие кооперативной солидарности в том, что она объединяет очень многочисленную группу хозяйств. Кооперативное движение приобретает характер массового и стихийного, у него появляется и массовая психология. Благодаря этому, проявление экономической солидарности со стороны небольшого числа крупных промышленников рассматривается, как защита эгоистических интересов, а к проявлению общности интересов кооперирующихся хозяйств прибавляется красиво звучащий эпитет солидарности. Затем, нужно заметить, что главной областью деятельности кооперации оказывается сельское хозяйство, а в земледелии, как это подмечено еще старинными экономистами, конкурентная борьба проявляется вообще гораздо слабее, чем в промышленности. Поэтому внутреннее противоречие кооперативного движения сказывается не так скоро, и кооперативная солидарность кажется более прочным, чем другие, видом групповой гармонии. Но со всеми этими оговорками сущность дела не меняется. Кооперативной гармонии не может быть противопоставлен капиталистический антагонизм. Граница между капитализмом и кооперацией опять стирается.

6. Социальная среда кооперации и ее идеал и цели.

Но ведь где-то должна существовать граница между кооперацией и капитализмом? Вся практика кооперативного

движения говорит не о мирном сожительстве с капиталом, а о борьбе с ним или, по крайней мере, с некоторыми его проявлениями. Во имя чего ведется эта борьба? Где начинается расхождение кооперативного идеала с капиталистическим строем?

Сторонники классовой теории кооперации считают ее, как мы видели, одной из форм рабочего движения. Этот путь ведет к социализму, стирающему кооперацию. Сторонники чистой кооперации, с одной стороны, не умеют отграничить себя от социализма и незаметно к нему тяготеют, с другой, совершенно необоснованно отрицают капитализм, ставя ему в упрек те самые свойства, которыми обладает сама кооперация.

Истина, как всегда, находится посредине. Кооперация не может отрицать капитализм в целом, потому что она сама есть плоть от плоти, кость от кости буржуазного строя. Но она не может и целиком принять существующий хозяйственный строй, потому что она составляет его живую часть, потому что, участвуя в общей борьбе за существование, она стремится отвоевать себе лучшую долю и захватить возможно большую часть общественно-хозяйственной деятельности.

Место кооперации в буржуазном обществе станет ясным, если мы вспомним о ее социальной природе. Последняя прежде всего неоднородна. Чисто потребительская кооперация объединяет городское население — по преимуществу рабочих и мелких чиновников. Ее цель удешевить продукты и, не увеличивая доходов городского жителя, поднять их покупательную силу. Эта кооперация по самой природе своих целей и по своему социальному составу должна верить в пришествие земного рая и чувствовать себя «служгой социализма».

Но основная масса кооперативных организаций обслуживает иные интересы и другие слои населения. Все предшествующие рассуждения относятся по преимуществу к кооперации сельскохозяйственной, кредитной и промышленной, т. е. к кооперации, обслуживающей интересы деревни и связанных с нею отраслей занятий. Эта кооперация, как мы видели, обслуживает приобретательское хозяйство, при том не всякое, а непременно *мелкое*. Кооперация есть средство самопомощи *мелких* хозяйств. Эта простая истина, что в

определении понятия кооперации должны быть подчеркнуты мелкие размеры хозяйства, забывается слишком часто. А между тем без этого признака нельзя провести границы даже между синдикатами и соответствующими кооперативными объединениями. Первые защищают интересы крупного производства, вторые мелкого. В остальном их экономически-правовая структура тождественна.

Если буржуазные предпосылки кооперации бесспорны и если социальное тело ее составляют мелкие хозяйства, то этими условиями определяются и социально-экономические цели кооперации. *Кооперация стремится к возможному увеличению доходов мелких хозяйств в рамках буржуазного общества.* Социализм также хочет поднять мелкие доходы, но вместе с тем хочет уничтожить и капиталистический строй. Здесь принципиальная пропасть между социализмом и кооперацией. Разница не только в том, что обе системы стремятся к одной и той же цели разными путями, одна мирным, другая революционными. Расхождение гораздо глубже. Социализм объявляет войну капиталу, нетрудовым доходам и вытекающему отсюда экономическому неравенству. Во имя равенства он хочет уничтожить любыми средствами капитал, собственность и доходы от нее. Кооперация не ставит себе таких задач. Ее цель *поднять* мелкие доходы *буржуазного* общества. Экономическое неравенство ощущается ею слабее. Для нее крупные доходы не одиозны сами по себе, они враждебны ей только потому, что являются спутником крупного капитала, этого естественного врага кооперации мелких хозяйств.

Из того, что мелкое хозяйство часто враждебно крупному, не следует, что кооперация должна желать уничтожения капиталистического строя. В одной и той же реке живут и крупные рыбы и их жертвы, но ни те ни другие не пожелают, чтобы река пересохла. И кооперации, и крупному капиталу одинаково нужна стихия буржуазных отношений, право собственности и свобода хозяйственного самоопределения. Если бы можно было увеличить мелкие доходы, не касаясь крупных, кооперация считала бы свою задачу осуществленной. Социализм на этом остановиться не мог бы. Кооперация борется не с капитализмом, а с крупным капиталом. Но и здесь борьба не ведется во что бы то ни стало, всеми средствами, до силы включительно. Нет, она

протекает в рамках свойственного капитализму метода борьбы, в рамках конкуренции или экономического соперничества. Капитал оказывается врагом кооперации лишь на столько, на сколько он становится поперек дороги ее хозяйственным целям. Есть целые отрасли народного хозяйства, где кооперация мирно уживается с крупным капиталистическим производством. Такова область сельского хозяйства с его смягченными формами конкурентной борьбы. Этим объясняется влияние аграриев в германской сельскохозяйственной кооперации, которое так не нравится кооперативным теоретикам, за то, что оно не укладывается в их пролетарско-классовые схемы. То же самое происходит и в других отраслях народного хозяйства. Там, где объем производства и сбыта ограничен, кооперация может развиваться только за счет сокращения роли крупного капитала. В развивающихся отраслях хозяйства, она может жить с ним и рядом. Весь смысл кооперативного движения заключается в том, что оно постепенно отвоевывает у крупного капитала те отрасли производства, обмена и распределения, которые им захвачены не по праву, где он менее рационален, менее выгоден, чем мелкое кооперативное хозяйство. Мелкое хозяйство и кооперация завоевывают на этом основании земледельческое производство, устраняют лишних посредников из обмена, приближают продукт к потребителю, вообще оттесняют капитал со всех тех позиций, которые заняты им просто в силу отсутствия конкуренции и где поэтому все отрицательные стороны капитализма приобретают уродливые размеры. Но, с другой стороны, крупный капитал, отступая с временно занятой линии, прочнее занимает свои основные позиции, не пуская туда мелкое хозяйство с его кооперацией. Область тяжелой индустрии и производство средств производства остаются почти недоступными кооперации. Экономический прогресс как раз и заключается в этом естественном разделении труда крупного и мелкого производства, весь хозяйственный аппарат общества работает дешевле и рациональнее, а члены общества при прочих равных условиях получают большую сумму «приятных и полезных вещей».

В этом отношении вырисовывается идеал кооперации и пределы ее стремлений. *К уничтожению буржуазного строя кооперация стремиться не может.* Она должна

искать себе место в его рамках. Поскольку ей необходим идеал, он может заключаться в сокращении экономических неравенств. Средство для достижения этой цели может заключаться только в *поднятии* уровня низших доходов, но не в насильственном *уничтожении высших*. Поскольку кооперации приходится отвоевывать свои позиции у крупного капитала, она может бороться с ним только его же оружием, понижением цен и экономическим соперничеством.

В конечном счете, кооперации может рисоваться идеал общества с меньшими экономическими неравенствами, чем в настоящее время, и с преобладанием средних доходов, достигших довольно значительной абсолютной величины. Это — идеал «политики средних классов», и кооперация есть одно из могущественных ее орудий.

ОБ ОДНОМ ПИСЬМЕ ЛЬВА ТРОЦКОГО

В архиве Л. Д. Троцкого обнаружена копия вот такого документа:

№ 177 г.

В Секретариат ЦК.
Копия тов. Гляссер.

В протоколе № 57 на второй странице по вопросу о Грузии записано только мое предложение об отзыве тов. Орджоникидзе. Я сделал три предложения, и поскольку упомянуто первое, нужно прибавить и два других, также отклоненных: 1) констатировать, что Закавказская Федерация в нынешнем своем виде представляет собою искажение советской идеи федерации, в смысле чрезмерного централизма; 2) признать, что товарищи, представляющие меньшинство в грузинской компартии, не представляют собою «уклона» от партийной линии в национальном вопросе; их политика в этом вопросе имела оборонительный характер против неправильной политики тов. Орджоникидзе.

Л. Троцкий.*

28 III-23 г.

Интересна предыстория этого письма (или телефонограммы) Троцкого.

Шестьдесят шесть лет назад, 30 декабря 1922 года, Первый всесоюзный съезд Советов утвердил Декларацию об образовании СССР и Союзный договор. В этот же день Ленин, который в связи с болезнью не мог присутствовать на съезде, начал диктовать записки «К вопросу о национально-

---

* Материал предоставлен редакции Ю. Фельдштейним. Публикуется с разрешения Хоггонской библиотеки Гарвардского университета (США).

стях или об автономизации», которые он закончил на следующий день — 31 декабря.

Очевидно, сама идея создать Союз советских республик — это ленинская идея. Но Союз этот Ленин видел совсем не таким, каким он стал в действительности. 26 сентября, за три месяца до съезда, он писал Л. Б. Каменеву:

«Мы (т. е. Российская федерация — В. М.) признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, „Союз Советских Республик Европы и Азии“».

Ленин подчеркивает: «Важно, чтобы мы, не уничтожали их (республик — В. М.)* *независимости*, а создавали еще *новый таже* федерацию *равноправных республик*».¹

Ленина, безусловно, волновал вопрос о том, каковы будут полномочия общесоюзных органов. Он понимал, что республики будут стремиться сохранить как можно больше самостоятельности. Во второй части записок «К вопросу о национальностях...», продиктованной 31 декабря 1922 г., он довольно четко выразил свою точку зрения:

«...не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы... вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить союз советских социалистических республик *лишь* в отношении *военном и дипломатическом*, а во всех других отношениях *восстановить полную самостоятельность* отдельных (т. е. республиканских — В. М.) наркоматов».²

Таково отношение Ленина к вопросу об устройстве Союза ССР. Вполне возможно, эта позиция временная, продиктованная обстоятельствами, которые вынудили Ленина пересмотреть свои прежние представления о межнациональных проблемах. Тем не менее факт: в конце 1922

---

1. В. И. Л., п. с. с., т. 45, сс. 211-212.

2. В. И. Л., п. с. с., т. 45, сс. 361-362. Письмо Ленина «К вопросу о национальностях...» Л. Фотиева направил в Политбюро лишь 16 апреля 1923 г., когда Ленин уже лишился дара речи.

начале 1923 гг. Ленин был готов на создание Союза суверенных республик и активно выступает против сталинского великодержавного плана построения государства с единым центром и автономными национальными окраинами.

«Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого (больного В. М.) зуба, съем его всеми здоровыми зубами»,³ писал Ленин в октябре 1922 г. А в декабре он добавляет: «...мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия... ...лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить.»⁴

В том же 1922-м, в конфликте между Сталиным, Орджоникидзе, Дзержинским и грузинскими «националами» (Мдивани, Махарадзе и др.), не согласными с предложенными «центром» условиями объединения в Закавказскую федерацию, Ленин поддерживает «националов».

Но ЦК поддерживает вовсе не Ленина, который из-за болезни не мог присутствовать на Съезде, где принималось решение об образовании СССР, и уже, по сути, выбывает «из игры».

В отсутствие Ленина 25 января 1923 г. Политбюро ЦК принимает направленную против «националов» резолюцию комиссии Дзержинского. 26 января Ленин просит своих ближайших сотрудников изучить материалы, связанные с принятием резолюции, и представить докладную записку. Вновь спрашивает о них 5-го и 14-го февраля и поручает передать члену Президиума ЦКК Сольцу свое мнение по грузинскому вопросу, еще раз подчеркивая, что он (Ленин) на стороне обиженных в грузинском конфликте. Но кому-то выгодно было скрывать эти материалы.

Лишь 3 марта Ленин получает долгожданную информацию и уже 5-го диктует:

---

3. В. И. Л., п. с. с., т. 45, с. 214

4. В. И. Л., п. с. с., т. 45, сс. 359-360.

С. секретно.

Лично.

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ ТРОЦКИЙ!

Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела на Ц. К. партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом Ленин.

Записано М. В.

5-го марта 23 г.

Верно: М. Володичева.

За телефонограммой следует добавление:

К письму, переданному вам по телефону, Владимир Ильич просил добавить для вашего сведения, что тов. Каменев едет в Грузию в среду и Вл. Ил. просит узнать, не желаете ли вы послать туда что-либо от себя.

5-го марта — 23 года.

На следующий день Ленин диктует последний в своей жизни текст:

Тов. тов. МДИВАНИ, МАХАРАДЗЕ и другим.

Копии: т. т.: ТРОЦКОМУ и КАМЕНЕВУ.

Уважаемые товарищи!

Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь.

С уважением Ленин.

6-го марта 23 г.

Ни записок, ни речи Ленин подготовить не успел — в тот же день наступило обострение болезни, и руководитель советского государства больше в своей жизни не сказал ни слова.

Как мы видим, Троцкий выполнил поручение Ленина, но лишь формально — национальная тема его интересовала мало. Не поддержал ленинскую линию и Каменев. Большинство же членов ЦК заняло откровенно антиленинскую позицию. Слова об искажении идеи федерации и о том, что позиция грузинских коммунистов не представляет собой никакого «уклона», даже не занесены в протокол. Мдивани и его сторонники попали в партийную историю с клеймом «национал-уклонистов», а идею федеративного устройства СССР, называя ленинской, до сих пор понимают по-сталински.

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 *Владимир Малинович.* «Война» за демократию (Этюды на тему реформ).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 21 Декларация ВС ЭССР о суверенитете Эстонии и закон об изменениях и дополнениях Конституции ЭССР.
- 25 *Альгимантас Празиускас.* Командно-бюрократическая система и национальная политика.
- 33 *Визма Бельшевиц.* Мы — в воздухе.
- 40 *Олесь Шевченко.* Наша цель — суверенная Украина.
- 50 *Ашот Манучарян.* Как это было.
- 59 *Мехти Мамедов.* Проблемы нужно решать за «круглым столом».
- 66 *Алмаз Естеков.* «Ислам и демократия».
- 70 *Камил Икрамов.* Быстрое движение при плохой видимости.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 87 *Борис Ельцин.* Какой же социализм мы строим?
- 108 *Григорий Пельман.* Неформальные клубы Москвы.
- 130 *Борис Кагарлицкий.* Народный фронт и кризис перестройки.
- 138 *Лен Карпинский.* Быть реалистом — требовать невозможного.
- 146 *Вадим Белоцерковский.* Арендная кампания.
- 153 *Натан Эйдельман.* Труден путь к демократии в России.

- 168 *Иржи Слама.* Зашла ли перестройка дальше, чем реформы «Пражской весны»?

ФИЛОСОФИЯ • РЕЛИГИЯ • ЭТИКА

- 173 *Ганс Кюнг.* Революция без насилия.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 178 *Раиса Орлова.* Тогда и теперь.
194 *Наталья Кузнецова.* Вас здесь не стояло!
202 *Джуна Давиташвили.* Целебная сила рук.

ИСТОРИЯ

- 207 Политическое положение и задачи социал-демократии.
212 *Лев Литовченко.* Кооперация, социализм и капитализм.
234 *Владимир Маликович.* Об одном письме Льва Троцкого.

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:

Англия — 3 фунта

Германия — 15 н. м.

США — 7 ам. долл.

Франция — 40 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandstudien
e. V., für «Forum».

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadenplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010.

Postscheckkonto PScha München
Kto Nr. 22278-809.

Представители «Форума»

В Англии   Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W9

в Израиле   Михаил Хейфец
M. Heifetz
Ramot 41/31
Jerusalem
Т. (2) 867451